

4, Rue Massol, GENÈVE

CARTE POSTALE

Robographe S. A. Genève

Анна
Урядова

Голодающей
России
от эмиграции

Голод 1920-х гг. в России и Русское зарубежье

Монография освещает проблему отношения русской эмиграции первой волны к голоду 1921 г., а так же к деятельности Всероссийского Комитета Помощи голодающим. В книге рассматриваются дискуссии, которые возникали по этому вопросу в среде русского зарубежья. Изучаются практические мероприятия по оказанию помощи голодающим: создание эмигрантских комитетов помощи, отправка продовольствия, медикаментов, вещей и финансовая поддержка, агитационно-пропагандистские мероприятия.

Алетейя

«РУССКИЙ МИРЪ»

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

Анна Урядова

ГОЛОД 1920-х гг. В РОССИИ И РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2010

УДК 94(47).084
ББК 6.3.3(2)6.1.3
У73

Рецензенты:

В. П. Федюк, доктор исторических наук, профессор
Г. И. Кочешков, доктор исторических наук, профессор

Урядова А.

У73 Голод 1920-х гг. в России и Русское зарубежье / Анна Урядова. — СПб. : Алетейя, 2010. — 168 с.

ISBN 978-5-91419-286-7

Монография освещает проблему отношения русской эмиграции первой волны к голоду 1921 г., а также к деятельности Всероссийского комитета помощи голодающим. В книге рассматриваются дискуссии, которые возникали по этому вопросу в среде русского зарубежья. Изучаются практические мероприятия по оказанию помощи голодающим: создание эмигрантских комитетов помощи, отправка продовольствия, медикаментов, вещей и финансовая поддержка, агитационно-пропагандистские мероприятия.

УДК 94(47).084
ББК 6.3.3(2)6.1.3

ISBN 978-5-91419-286-7

© Анна Урядова, 2010
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2010
© «Алетейя. Историческая книга», 2010

*Памяти моего отца
Кукушкина Владимира Дмитриевича*

ВВЕДЕНИЕ

Тема эмиграции в исторической науке одна из самых популярных на сегодняшний день. Данная работа посвящена эмиграции первой послереволюционной волны, а вернее, лишь одному небольшому эпизоду ее богатейшей истории.

Так сложилось в отечественной и зарубежной историографии, что история русской эмиграции изучается обособленно от истории советского государства и мировой истории. Лишь в последнее время (в конце 1990–начале 2000-х гг.) стали появляться работы российских и зарубежных авторов, которые подходят к эмиграции, не как к обособленному явлению, а вписывая эмиграцию в контекст всемирной и отечественной истории, как неотъемлемой части исторического процесса¹. Эти работы, носят не только конкретно-исторический, но и историко-теоретический характер. Однако, таких комплексных работ насчитывается буквально единицы, а если говорить о проблеме голода 1921² г. и отношения к нему эмиграции, то отдельных работ, посвященных этому вопросу нет вообще.

Историографию вопроса можно разбить на 2 группы:

- 1) работы, посвященные непосредственно голоду 1921 г. и преодолению его последствий;
- 2) работы по истории эмиграции в этот период;

¹ См. например: *Ипполитов С. С.* Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс. М.: 2004. 376 с.; *Суомелла Ю.* Зарубежная Россия. Идеино-политические взгляды эмиграции на страницах русской европейской прессы в 1918–1940 гг. СПб.: 2004. 352 с.; *Между Россией и Сталиным: Российская эмиграция и Вторая мировая война.* М.: РГГУ, 2004. 346 с. и др.

² Здесь и далее мы будем называть его «голодом 1921 г.», не конкретизируя датировки. В эмиграции, как правило, его соотносили с периодом 1921–1922 г., реже доводя до 1923 г.

На протяжении всего периода изучения проблемы наблюдается отчетливая тенденция к изменению отношения к ней и ее освещению, начиная от расстановки акцентов и замалчивания фактов, и заканчивая их реальным искажением. Достаточно ярко это явление проявилось в советских энциклопедических изданиях. В статье «Голод», напечатанной в первом издании Большой советской энциклопедии (1930, т. 17), отмечалось, что от голода 1921–1922 гг. пострадали 35 губерний с населением 90 млн., а погибли около 5 млн., опустошено до 10–20% дворов и хозяйств, количество беспризорных детей достигло 7 млн. В аналогичном издании 1952 г. (т. 11) есть лишь информация о вызванном засухой голоде, охватившем 35 губерний. В третьем издании (1972, т. 7), речь идет исключительно о «катастрофической засухе» 1921 г., которая «не повлекла обычных тяжелых последствий» благодаря эффективным мерам советского государства. Аналогично этим трансформациям происходит и изменение в изучении других проблем, связанных с голодом. Например, освещение деятельности Американской Администрации Помощи (АРА) зависели напрямую от развития советско-американских отношений. Сложившиеся в советский период представления о «стихийном бедствии в Поволжье» подверглись радикальному пересмотру лишь с начала 1990-х гг. При этом некоторые исследователи советской формации, и в постсоветское время остались на своих позициях¹.

В современной научной и популярной литературе, посвященной борьбе с голодом 1921–1922 гг. и его последствиями, много внимания уделяется его масштабам, мерам Советского правительства, изъятию церковных ценностей, помощи со стороны международных благотворительных организаций и иностранных правительств. В последнее время активно разработку темы голода в этом ключе на публицистическом уровне ведет В. Тополянский².

¹ См. например: Население России в XX веке. В 3-х томах. М., 2000. Т. 1. С. 131, 133.

² См. например: Тополянский В. Год 1921-й: наказание голодом // Континент. 2006. № 130; Он же. Правда о голоде 1921–1922 годов // Новая газета. 2008. 21 ноября. № 45.

Поскольку данная книга написана не о самом голоде 1921 г., чтобы получить представление об исследовательской литературе по проблеме обратимся к специальным работам, посвященным отечественной историографии голода 1921 г.¹

В статье Д. В. Каракулова противопоставляются взгляды историков эмигрантов и советских историков в оценке значения этой катастрофы. С 1920-х гг. он прослеживает три основных точки зрения: пробольшевистскую, антибольшевистскую и научно-объективистскую, освещающую проблему с точки зрения экономики российского сельского хозяйства. Однако в данной статье анализируется, на наш взгляд, не совсем историография по проблеме голода 1921 г. в целом. Автор изучает исключительно освещение в исторической литературе причин катастрофы, не затрагивая других не менее дискуссионных вопросов. Особо Д. В. Каракулов выделяет исследование А. М. Кристлана². Сам же автор, подводя итог анализу историографии, приходит к выводу о комплексности причин голода, а также о виновности в разразившейся катастрофе не только большевиков, но и царского правительства³. В целом же статья носит, на наш взгляд, научно-публицистический характер.

Статья В. А. Полякова носит историко-историографический характер, поскольку в ней кроме анализа исследовательской литературы по проблеме, приводится и фактологический материал относительно самого голода. Если Д. В. Караулов делает акцент на причинах катастрофы, то В. А. Поляков уделяет больше внимания данным о потерях населения во время голода. Так же как и предыдущий исследователь, он выделяет два основных подхода к изучению проблематики. При этом особо подчеркивается роль выступлений и брошюр партийных лидеров того вре-

¹ См. например: Поляков В. А. Поволжский голод начала 1920-х гг.: к историографии проблемы // Новый исторический вестник. 2005. № 1(12); Каракулов Д. В. Голод 1921 года в России: историографический анализ проблемы // MMJ (MultiMedia Journal). 2004. 30 сентября и др.

² Кристлан А. М. Голод 1921 года в Поволжье: опыт современного изучения проблемы / Автореферат дисс. ... канд. истор. наук. М., 1997.

³ Каракулов Д. В. Голод 1921 года в России: историографический анализ проблемы // MMJ (MultiMedia Journal). 2004. 30 сентября.

мени¹, а также роль историков-краеведов в развитии и углублении данной проблемы. Рассматривая развитие историографии по заявленной теме, автор отмечает, что после публикации «Краткого курса ВКП(б)», происходит равнение всех изданий на него вплоть до конца 1980-х гг., поэтому, хоть он и называет некоторые из них, но дает им весьма не лестные отзывы. В качестве первой альтернативной работы В. А. Поляков называет книгу видного социолога П. А. Сорокина «Голод как фактор», опубликованную в 1921 г. и отрывок из нее вышедший в 1922 г. в журнале «Экономист»². Пробольшевистской, но с судьбой небольшевистской называет статью М. Н. Покровского³, исключенную из советской историографии лишь за то, что автор хоть и с политически верными акцентами (обвиняя Колчака, Деникина и Врангеля), называл в числе причин голода не только стихийные и природные катаклизмы, но и социальный фактор. Среди историков-эмигрантов, занимавшихся разработкой проблемы голода 1921 г., автор останавливается на работах нескольких исследователей: Г. В. Вернадского, имеющих высокий научный уровень и приводящие достоверную, близкую к действительности фактическую информацию (статистику)⁴; С. Н. Покровского, являвшегося одним из руководителей Всероссийского комитета помощи голодающим (ВКПГ), который приводит как данные по смертности, так и анализирует причины голода⁵; М. Я. Геллера и А. М. Некрича, которые, по сути не

¹ Антонов-Овсеенко. Спешите на помощь умирающим от голода! М., 1922; Антонов-Овсеенко. Закрепим нашу победу! Слово к рабочим и крестьянам председателя конференции голодающих губерний. М., 1922; Троцкий Л. Д. На борьбу с голодом! (Речь, произнесенная 9 июня 1918 г. на народном собрании в Сокольниках). М.; Пг., 1918; Ярославский Е. Почему у нас в России голод и как с ним бороться? (Простая беседа с крестьянином). Самара, 1921.

² Сорокин П. А. Голод как фактор. Пгд., 1922.; Сорокин П. А. Голод и идеология общества // Квинтэссенция: Философский альманах. М., 1990. С. 371–413; Экономист. 1922. № 2; 4/5.

³ Покровский М. Советская глава нашей истории // Коммунист. 1988. № 16.

⁴ Вернадский Г. В. Русская история. М., 1997. С. 331–385; Вернадский Г. В. Ленин – красный диктатор. М., 1998. С. 273.

⁵ Прокопович С. Н. Народное хозяйство СССР. В 2 т. Т. I. Нью-Йорк, 1952.

внесли ничего нового, добавив лишь некоторые выводы. Начало изменений в отечественной историографии автор связывает с работами В. З. Дробижева¹, В. П. Данилова², вышедшими в конце 1980-х гг. и по-новому оценившими размеры голода. Информационным прорывом он называет публикации Р. Конквеста³, где главным фактором голода были названы продовольственные реквизиции, проводившиеся Советским правительством. В. А. Поляков отмечает появление работ о переоценке деятельности иностранных организаций помощи и Всероссийского комитета помощи голодающим⁴, начало региональной проработки тематики⁵. Автор отмечает рост интереса к проблеме

¹ Дробижев В. З. У истоков советской демографии. М., 1987. С. 88, 90–91.

² Данилов В. П. Какой была международная помощь // Аргументы и факты. 1988. № 19; Данилов В. Аграрная политика РКП(б) – ВКП(б) в 20 – 30-х годах. «Очерки истории КПСС»: концепция, подходы, контуры. Материалы издания представляют В. Лельчук, О. Хлевнюк, В. Данилов // Коммунист. 1990. № 16;

³ Конквест Р. Жатва скорби // Вопросы истории. 1990. № 1; Конквест Р. Террор голодом (1989 г.) // Бунин И. Л. Золото партии. СПб., 1994. С. 332–491.

⁴ Костиков В. Прожить проклятый год... // Совершенно секретно. 1990. № 6; Винс О. В. Помощь иностранных организаций голодающим автономной области немцев Поволжья в 1921–1922 гг. // Культура русских и немцев в Поволжском регионе. Вып. I. История, теория, культура. С. 69–82; Завадская Э. Нансен и Россия // Знание-сила. 1993. № 11; Синельников С. П. АРА и голод 1922 года в Царицынской губернии // Вопросы краеведения. Вып. 6. Материалы краеведческих чтений, посвященных 75-летию областного общества краеведов. Волгоград, 2000. С. 127–134; Данилов В. П. Какой была международная помощь // Аргументы и факты. 1988. № 19; Поляков В. А. Русская Православная Церковь и международная помощь во время первого советского голода в 1920-е годы // Мир Православия. Вып. 3. Волгоград, 2000. С. 183–193; Ботнер В. Д. Борьба с голодом 1921–1922 годов и международная помощь России // Уржумка. 1997. № 1.

⁵ Апаликов В. Черная година // Нива (Волгоград). 1990. № 2. С. 38 – 39; Герман А. А. Немецкая автономия на Волге, 1918–1941. Ч. I. Автономная область, 1918–1924. Саратов, 1992; Поликарпов В. В. Немцы Поволжья и голод 1921 года [The Russian Review (Columbus), 1992, № 4] // Вопросы истории. 1993. № 8. С. 181–182; Боже В. С. Жатва смерти: Голод в Челябинской губернии в

голода и изменение оценки основных причин голода с засухи (которую некоторые исследователи стали даже считать выдумкой¹) на политику советской власти, вплоть до рукотворности голода и инспирировании его большевиками². В публикациях появляются сопоставления фактов трупоедства и людоедства в голодных районах и изобилия и изысканности продовольственного пайка большевистских вождей³; происходит расширение хронологических рамок голода до конца 1924 г.⁴ или даже до июля 1925 г.⁵ Однако не все авторы столь категоричны и меняют «плюс» на «минус». В некоторых исследованиях прослеживается логика 10–12 летней цикличности голода, свойственной агрессивным государствам с преобладанием сельского населения⁶. По мнению В. А. Полякова тогда же, начиная со статьи

1921–1922 гг. Челябинск, 1994; Поляков В. А. Голод в Царицынской губернии в начале 1920-х годов // Вопросы краеведения. Вып. I. Волгоград, 1991. С. 150–156; Он же. Царицынские большевики-коммунисты и голод начала 1920-х годов // МИГ (Волгоград). 1991. № 45. 14 июня;

¹ Лонг Д. Поволжские немцы и голод в начале 20-х годов // История России: диалог российских и американских историков. Саратов, 1994. С. 127, 134.

² См. например: Вашкау Н. Э. Немцы в России: история и судьба. Волгоград, 1994. С. 31; Апаликов В. Черная година // Нива (Волгоград). 1990. № 2. С. 38–39; Поляков В. А. Костлявая рука голода: Кто ее направлял? // Городские вести (Волгоград). 1991. № 11. 15–21 марта; Синельников С. П. Причинно-следственные связи между голодом и налогом (макроанализ на примере Царицынской губернии) // Тоталитаризм и личность. Пермь, 1994. С. 67–68; Бадретдинова М. М. Восстановление промышленности // История Оренбуржья. Оренбург, 1996. С. 217–222; Лабузов В. А. Сельское хозяйство // История Оренбуржья. С. 222–225.

³ Кулешов С. Лукуллов пир // Родина. 1991. № 9–10. С. 71–76.

⁴ Герман А. А. Немецкая автономия на Волге, 1918–1941. Ч. I. Автономная область, 1918–1924. Саратов, 1992.

⁵ Поляков В. А. К вопросу о продолжительности первого советского голода в 1920-е годы: на материалах Поволжья // Проблемы аграрной истории и крестьянства Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 2002. С. 328–334.

⁶ Винс О. В. Смертность населения АОНП от голода в 1921–1922 г. // Культура русских и немцев в Поволжском регионе. Вып. I. История, теория, культура. Саратов, 1993. С. 62–69.

П.-К. Мизель (Вирджиния, США) и Н. Федоровой (Казань, Россия) новым явлением в историографии первого советского голода стала подготовка совместных работ специалистами разных научных школ, которые своими выводами подтвердили более существенную роль (в качестве причины голода) продовольственной разверстки, нежели природного фактора¹. В 2004 г. к причинам голода наряду с разверсткой был добавлен и продовольственный налог². Однако, наряду с работами нового демократического характера, по прежнему публикуются и труды приверженцев марксистско-ленинской идеологии, которые не только остаются на старых позициях, но и занижают данные по смертности от голода³. В завершении своей статьи, В. А. Поляков констатирует, что за более чем 80-летний период, прошедший с момента появления первой книги о советском голоде начала 1920-х гг., хотя и исследовались отдельные стороны того страшного бедствия, но работы обобщающего характера до сих пор нет. А в рамках нашей темы, добавим от себя: нет среди них и работ, не только рассказывающих о помощи эмиграции голодающим, но хотя бы затрагивающих этот вопрос. Что тем более не оправдано, учитывая, что многие из тех причин голода, которые выдвигаются сегодня современными исследователями в качестве новых, назывались в русском зарубежье уже в начале 1920-х.

Вторая группа трудов, которые мы выделили, это работы по истории эмиграции. Не смотря на то, что в них, как правило, изучается история русского зарубежья как такового, отдельных его групп, тем не менее, они в большей мере, нежели исследования первой группы затрагивают тему, вынесенную в заголовок данной монографии.

Первой советской работой, в которой уделялось внимание отношению эмиграции к голоду была книга В. Белова «Белая печать, ее идеология, роль, значение и деятельность (матери-

¹ Мизель П.-К., Федорова Н. Голодомор в Поволжье // Родина. 1998. № 1.

² Поляков В. А. Голод в Поволжье и его взаимосвязь с разверсткой и продналогом // Динамика и темпы аграрного развития России: инфраструктура и рынок. М., 2004. С. 117–119.

³ Население России в XX веке. В 3 т. Т. 1. М., 2000. С. 133.

алы для будущего историка)», вышедшая в 1922 г.¹. В работе дается множество выдержек из эмигрантской прессы, причем не просто, выхваченные цитаты, а целые статьи. Автор неоднократно повторяет, что периодика является самым ярким показателем умонастроений эмиграции. В главе, которая так и называется «Белая печать и голод в России» вопрос отношения к голоду рассматривается как показатель мировоззренческой позиции русских за границей. При этом выделяется такая ее характеристика как лжепатриотизм и лжечеловеколюбие. Хотя, как пишет автор, белая печать не могла «даже если бы так думала, — высказать по поводу этой катастрофы своего эгоистического удовольствия. И в то же время она не могла не призывать, — хотя бы только на бумаге, — своих читателей на помощь голодающим...»². При этом он не забывает упомянуть, что это были лишь слова, никакой же реальной помощи оказано не было, более того эмиграция всячески ее тормозила. В качестве базисных в характеристике голода эмигрантской прессой В. Белов выделяет следующие тезисы:

«1) Голод постиг Россию исключительно по вине Советской власти. Если бы в России на месте Советского правительства сидело бы какое-нибудь другое — голода бы не было.

2) Никакая помощь голодающим в России невозможна, ибо власть нисколько не встревожена вымиранием населения и никаких мер борьбы не принимает, а потому помощь извне поступит не настоящим голодающим, а агентам ЧК и красноармейцам.

3) Организовать и осуществлять помощь голодающим в России, — если бы даже это и оказалось возможным, — не патриотично, ибо снабжение хлебом голодающих укрепляет Советскую власть, тогда как обострившееся голодное бедствие способно довести народ до восстания, следствием чего явится долгожданное падение большевиков, т. е. — что и требовалось доказать»³.

¹ Белов В. Белая печать, ее идеология, роль, значение и деятельность (материалы для будущего историка). Ревель, 1922. 126 с.

² Там же. С. 104.

³ Там же. С. 105.

Следующий вопрос, который рассматривается автором — это вопрос о гарантиях Советской власти внешним помощникам. Здесь В. Белов также видит известную казуистику со стороны эмигрантов: с одной стороны, ничего кроме словесных и письменных обязательств дано быть не может, да и им верить нельзя; с другой стороны, эмиграция предвидела, что в переговоры о гарантиях Советская власть вступать не будет (т. е. помощь и предлагается, да большевики ее не берут).

Автор неоднократно подчеркивает, что сущность взгляда «на голодный вопрос» и отношение к нему в эмигрантской прессе одинаково, но оговаривается, что «реальные пути в каждом отдельном случае оказались самостоятельными и различными, — в зависимости от методов и от «тактики» в деле борьбы с советской властью тех или других»¹ (хотя не так различны, как по многим другим вопросам), выявляя эти разногласия между правыми (В. Бурцев, монархисты) и левыми (П. Н. Миллюков).

В целом глава кажется не завершенной, есть точки зрения эмигрантов, их позиция, но нет реальных действий, даже по затрагиваемым автором вопросам (например, о кредитах), что вероятно, обусловлено самим объектом данной работы — белой прессой. При всем отрицательном отношении автора к позиции русского зарубежья и его действиям, эта книга имела по тем временам огромное значение, т. к. на ее страницах содержались обширные цитаты из эмигрантской периодики, о которой думающие читатели могли получить представление, хоть и искаженное комментариями и купюрами.

Несколько позже, в 1924 г., выходит книга А. Киржница «У порога Китая»², в которой есть часть «Помощь голодающим Советской России». Именно с этого труда начинается разработка исследуемой проблемы на региональном уровне, по которому в дальнейшем идут большинство авторов. А. Киржинец анализирует практическую деятельность комитетов помощи голодающим Дальнего Востока — Общественного комитета ДВР, харбинского комитета, железнодорожного комитета, приводя конкретные фактические данные об их помощи. Эта часть до-

¹ Там же. С. 107.

² Киржниц А. У порога Китая. М.: Красная новь, 1924. — 69 с.

статочно информативна, но крайне мала. Автор нигде не выявляет своего отношения к деятельности эмигрантских кругов в связи с голодом.

Несколько предложений посвящено изучаемой проблеме в книге А. В. Бобрищева-Пушкина «Патриоты без отечества». Главная мысль автора относительно голода и отношения к нему эмиграции заключается в том, что эмигранты хотели сорвать помощь голодающим (встречались с американским послом, чтобы прекратить деятельность АРА в России; пожертвования, собранные для голодающих оставляли для эмигрантов и т. д.)¹. Эта же мысль с некоторыми вариациями развивается и в статье М. Горбунова. Он считал, что голод, в котором эмиграция видела конец Советской власти в России, сильно обнадежил ее и на этой почве она развила широкую и небезуспешную агитацию в буржуазных западно-европейских кругах, при этом помощь голодающему русскому населению предполагалась ими лишь в случае падения Советской власти². Оба этих автора перелицовывали действительность, с одной стороны, не договаривая всей правды, с другой, и вовсе помещая на страницах своих книг заведомо ложные сведения.

Собственно говоря, этими трудами и ограничивается на долгие десятилетия исследование проблемы, как и эмиграции в целом. Впервые после длительного замалчивания этой темы, она вновь поднимается в работе Г. Ф. Барихновского «Идейно-политический крах белоэмиграции...», вышедшей в 1978 г.³ Автор сообщает о создании российских комитетов помощи голодающим в Париже. Он впервые отмечает противоборство в эмиграции по вопросу голода, сообщая, что правые кадеты и монархисты создали комитет для связи с Всероссийским комитетом помощи голодающим, однако соперничавший с ним блок

¹ Бобрищев-Пушкин А. Патриоты без отечества. М.: Кубуч, 1925. 140 с.

² Горбунов М. Торгово-промышленная эмиграция и ее идеология / М. Горбунов // На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией Сб. статей. М., 1923. 271 с. С. 105–124.

³ Барихновский Г. Ф. Идейно-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1921–1924 гг.). Л., 1978. 160 с.

милюковцев и эсеров образует свой комитет¹. Пишет он и о негативной реакции, которую вызвал роспуск Всероспомгола в эмиграции. В целом, автор делает вывод (который не согласуется с его же данными о деятельности парижского комитета помощи голодающим): белогвардейцы хотели использовать голод для удушения советской власти.

И снова на два десятилетия тема отношения эмиграции к голоду 1921 г. забывается и не затрагивается даже вскользь в работах по истории эмиграции и по истории голода.

С возрождением интереса к истории эмиграции с конца 1980-х гг. изучаемая нами проблема вновь появляется на страницах исследований. Одним из первых авторов, который не оставил в стороне тему отношения эмиграции к голоду был В. Костиков². Однако большая часть главы «Тревоги и испытания», собственно и посвященной голоду рассказывает непосредственно о событиях в самой России, о создании Всероссийского Комитета Помощи Голодающим (ВКПГ) и об отношении советских властей к помощи из-за границы. Несколько абзацев работы посвящены первым эмоциональным впечатлениям эмиграции от масштабов голода, от публикаций писем В. Г. Короленко и обращения В. И. Ленина к зарубежью. Автор уделяет внимание и отношению эмигрантов к зарубежной помощи, а также пишет о конкретной помощи эмигрантов, однако все это является лишь фоном для основных событий главы, которые разворачиваются в России и, прежде всего, деятельности и разгону ВКПГ. В целом, глава носит описательный характер и посвящена не столько помощи эмиграции, сколько самому голоду и борьбе с ним. Надо отметить, что эта работа носит публицистический, а не научно-исследовательский характер, отсюда и соответствующий стиль изложения, и скудость научно-справочного аппарата, библиографических сносок.

Более систематическое обращение к изучаемой нами теме наблюдается с середины 1990-х гг., причем надо отметить такую особенность, большинство исследований этого периода по

¹ Там же. С. 102.

² Костиков В. В. Не будем проклинать изгнание... (Пути и судьбы русской эмиграции). М.: Международные отношения, 1990. 464 с.

данной проблеме носят региональный характер, и, как правило, освящают отношение к голоду русской колонии в той или иной стране.

Наибольшее число исследований связано с дальневосточной эмиграцией. В этой группе необходимо выделить работы Г. В. Мелихова¹. В них он более подробно рассказывает о том, что лишь обозначено в вышеупомянутой книге А. Киржинца. В книге «Белый Харбин: Середина 20-х» в целом повторяется и несколько обобщается информация, опубликованная автором в предыдущих работах и статьях, поэтому разговор в историографическом обзоре в основном пойдет о ней. Несмотря на наличие в «Белом Харбине» целой главы, которая так и называется «Белый Харбин помогает голодающим советской России» (47 стр.), лишь 5 страниц посвящено этой помощи, остальные же 42 страницы не имеют к голоду никакого отношения. Автор знакомит читателей с созданием и деятельностью Американско-русского международного комитета помощи голодающим Советской России, Харбинского Общественного и железнодорожного комитетов. Приводя достаточно богатый фактологический материал, цитируя прессу, автор совершенно игнорирует работу с научно-справочным аппаратом. Отсутствие сносок – является существенным недостатком работы, что ставит под вопрос саму научность данной монографии. Еще один, не менее серьезный недостаток связан с отсутствием какого-либо анализа в главе и выводами. Доктор исторических наук Г. В. Мелихов пишет: «Подытоживать сказанное выше трудно, да и нужно ли? Факты говорят сами за себя»². В статье «Деятельность Б. В. Остроумова на КВЖД» больше внимания уделяется личному вкладу ее управляющего в дело помощи

¹ Мелихов Г. В. Белый Харбин: Середина 20-х. М.: Русский путь, 2003. 440 с.; Он же. Маньчжурия далекая и близкая. М., 1991, 2-е изд.; Он же. Российская эмиграция в Китае (1917–1924). М., 1997; Он же. Помощь российской эмиграции в Китае голодающим в Советской России. 1921–1923 гг. // Россия – XXI. 1996. № 11/12. С. 138–158; Он же. Деятельность Б. В. Остроумова на КВЖД (1921–февраль 1922) // Культурное наследие российской эмиграции. 1917–1940. Кн. 1. М., 1994. С. 153–160 и др.

² Мелихов Г. В. Белый Харбин: Середина 20-х. М.: Русский путь, 2003. С. 332.

голодающим, отмечается его роль в создании харбинского Центрального железнодорожного комитета, рассказывается о непростой судьбе этого человека. В работах Г. В. Мелихова, как человека родившегося и проведшего свое детство в Харбине, видно личное отношение ко всем происходившим там событиям, однако, как уже отмечалось, они страдают рядом недостатков и могут быть отнесены по жанру скорее к «свободным эссе», нежели к научным трудам. Хотя надо отметить, что для ряда молодых исследователей его труды по дальневосточной эмиграции стали хрестоматийными и они активно цитируют их в своих работах, так, например сюжеты Г. В. Мелихова о помощи голодающим практически слово в слово повторяются (со сносками на работы профессора) в статье В. П. Иванова «Проблема реэмиграции в СССР в 1920–1945 гг.»¹, поэтому, не смотря на затрагиваемую в ней проблему голода, ее автор не вносит личного вклада в изучение проблемы и не расширяет наши знания о ней. Те же сюжеты затрагиваются вкратце в нескольких абзацах работы Л. Ф. Говердовской².

Несколько страниц уделяет отношению русской эмиграции, проживавшей в Югославии, к голоду в России в своей работе В. Д. Козлитин³. Он в общих словах знакомит читателей с возникновением, структурой и деятельностью Объединения Русских общественных организаций в Белграде по борьбе с голодом в России. К сожалению, автор не приводит точных данных о той материальной помощи, которую смог оказать этот комитет. Но, по сути, это единственное исследование по данной стране о помощи эмигрантов голодающим. Практически полностью повторяется данный материал (со ссылкой на В. Д. Козлитина) в работе И. П. Савицкого, что вызывает крайнее недоумение, поскольку работа, посвящена эмиграции

¹ *Иванов В. П.* Проблема реэмиграции в СССР в 1920–1945 гг. // *Русская эмиграция в Европе (20–30-е гг. XX в.)*. М.: ИВИ РАН, 1996. С. 77–107.

² *Говердовская Л. Ф.* Общественно-политическая и культурная деятельность русской эмиграции в Китае 1917–1931. М.: ИДВ РАН, 2004. 186 с.

³ *Козлитин В. Д.* Русская и украинская эмиграция в Югославии (1919–1945 гг.) Харьков: «РА», 1996. 471 с.

в Чехословакии, но о помощи голодающим эмигрантов, проживающих там — нет ни слова¹.

В работе «Три столицы изгнания»² авторы среди общей массы русских организаций эмиграции особо выделяют комитет помощи голодающим в России, действовавший во Франции. Рассматриваются его основные направления деятельности, структура, связь с международными благотворительными организациями. Не смотря на краткость приведенных данных (всего 1 страница), авторы делают достаточно серьезные и далеко идущие выводы: «Создание и деятельность Комитета помощи голодающим в России... придают особый смысл процессу социальной адаптации русской эмиграции. Стремление российских беженцев делиться своим крайне скудным доходом и имуществом с голодающими соотечественниками наглядно демонстрирует глубину и прочность духовной связи эмиграции с покинутой Родиной. Одновременно становится очевидным, насколько плодотворными являлись объединительные идеи и начинания в среде русского эмигрантского зарубежья»³. При более тщательном исследовании проблемы, эти выводы вызывают массу нареканий, главным из которых, пожалуй, является плодотворность объединительных идей в эмиграции. Плодотворной может быть лишь их реализация, которой, как раз и не было в эмиграции. Не смотря на длительные попытки объединиться, ей так и не удалось этого сделать. Голод в России не стал исключением и поводом для этого, о чем свидетельствует существование множества комитетов помощи голодающим, в той же Франции, да и в других странах.

Исследование этой проблемы на материалах Германии есть в работе А. Лысенко «Голос изгнания: становление газет русского Берлина и их эволюция в 1919-1922 гг.»⁴. Именно подзаголовок работы — «Становление газет...», накладывает

¹ *Савицкий И. П.* Прага и зарубежная Россия (очерки по истории русской эмиграции (1918–1938)). Прага, 2002. 151 с.

² *Ипполитов С. С., Недбаевский В. Н., Руденцов Ю. И.* Три столицы изгнания. Константинополь, Берлин, Париж. Центр зарубежной России в 1920–1930-х гг.- М.: СПАС, РГУ, 1999. 206 с.

³ Там же. С. 186.

⁴ *Лысенко А.* Голос изгнания: Становление газет русского Берлина и их эволюция в 1919–1922 гг.- М.: Русская книга, 2000. 368 с.

свой отпечаток и в изучении нашего сюжета. Специфика заключается в том, что голод и отношение к нему эмигрантов, проживающих здесь, рассматриваются через призму публикаций в русскоязычной немецкой прессе, прежде всего «Голосе России» и «Руле». Автор отмечает время — лето 1921 г., когда на страницах газет впервые появились статьи о неурожае и голоде, при этом он считает, что прогнозы неминуемости голода в конце августа 1921 г. — не могли быть точны, поскольку еще шла уборка урожая и объясняет доверие к подобной информации «ее органичностью с общим представлением русских эмигрантов о РСФСР»¹. Но напомним, что и само советское правительство к этому времени уже осознало масштабы грядущей катастрофы, и эмигрантская печать вовсе не проявляла паники и не делала преждевременных выводов об этом, а вполне объективно оценивала поступающую из Советской России информацию. А. Лысенко увязывает помощь голодающим с рядом концептуально важных в истории эмиграции моментов. Так он отмечает, что наблюдение берлинской русскоязычной прессы за голодом совпало со временем перехода «Голоса России» под идейное руководство П. Н. Милюкова, который развивал в т. ч. и в этой информационной кампании помощи голодающим свою «новую тактику». Кроме того, он пытается связать помощь голодающим с поиском идеи, способной объединить эмиграцию. Конечно, оговаривается автор, было натяжкой усматривать слишком тесную связь между этими явлениями, но «это вовсе не значит, что кампания по продовольственной поддержке не могла идти во благо единству “России вне России”»². В работе приводятся некоторые данные о помощи германского правительства, о реакции эмиграции на создание и разгон Всероссийского Комитета Помощи голодающим в Советской России. Много рассуждая и теоретизируя по поводу проблем спасения России, автор совершенно не касается материальной, фактической стороны помощи, в т. ч. и самих русскоязычных газет Германии, объявивших на своих страницах сбор пожертвований. А. Лысенко считает, что эмигранты все время сгущали

¹ Там же. С. 97.

² Там же. С. 98.

краски. Автор пишет, что хотя и не все газеты захватил политический азарт помощи голодающим (например, «Время»), тем не менее, вся берлинская эмигрантская пресса была едина в своем отношении к голоду, одобряя акцию помощи.

Наиболее полное и детальное исследование на региональном уровне данной темы дается в работе Е. Б. Кудряковой, посвященной российской эмиграции в Великобритании¹. В ней есть отдельная глава «Лондонский общественный комитет помощи голодающим в России», которая может служить примером при написании аналогичных работ по другим регионам. В главе дан целостный анализ деятельности данного комитета — от момента его возникновения до роспуска, его отношение к работе и роспуску Всероссийского Комитета Помощи голодающим, сотрудничество с английскими и американскими благотворительными организациями. Автор останавливается и на позиции Английского правительства в отношении голодающей России. Довольно детальной в работе рассматривается структура комитета помощи, созданного в Англии русскими эмигрантами, вопросы, обсуждавшиеся на его собраниях, но не остается в стороне и практическая сторона вопроса — реальная помощь, оказанная этой организацией голодающим. Е. Б. Кудрякова выявляет сложности, с которыми столкнулся Лондонский общественный комитет в своей деятельности и пути их преодоления. В своей работе автор привлекает самые разнообразные источники (как эмигрантские, так и собственно английские), что, несомненно, обогащает исследование и делает выводы автора аргументированными и достоверными. Пожалуй, единственным недостатком, который можно усмотреть в данной работе, является то, что речь в ней идет исключительно об этом комитете и никак не рассматривается деятельность других организаций и отношение к голоду отдельных представителей русской колонии в Англии. Однако, это ничуть не умаляет достоинства работы.

В ходе подготовки данной монографии нами были написаны несколько статей, предваряющих публикацию данной моно-

¹ Кудрякова Е. Б. Российская эмиграция в Великобритании в период между двумя войнами. М.: ИНИОН РАН, 1995. 219 с.

графии¹, при этом в связи с привлечением новых источников данные были расширены, конкретизированы и исправлены.

Историографический обзор выявляет, что: во-первых, работ посвященных отношению эмиграции к голоду в России очень немного; во-вторых, большинство из них написаны на региональном материале, причем большинство стран рассеяния в них не затрагивается и, в-третьих, почти все они носят конкретно-исторический характер (изучение деятельности отдельных комитетов помощи), а само отношение эмиграции к голоду в России, к делу помощи, дискуссии возникавшие по этому вопросу не исследованы. Выявленные нами особенности историографии позволяют сформулировать цель данной работы – изучение реакции русской эмиграции на голод 1921 г.; а также сформулировать основные задачи:

- определить отношение эмиграции к голоду, выявив при этом сходства и различия позиций;

- изучить точки зрения эмиграции на причины появления голода;

- выявить отношение эмиграции к:

- помощи зарубежных благотворительных организаций и правительств других государств;

- деятельности и роспуску Всероссийского Общественного Комитета Помощи Голодающим (ВКПГ).

- рассмотреть методы и способы, предлагаемые эмиграцией в деле борьбы с голодом;

- исследовать практическую деятельность эмигрантов в деле помощи на примере работы комитетов помощи голодающим и других организаций, созданных в странах рассеяния и ее результаты.

В связи с поставленными целью и задачами, для более полного раскрытия нашей темы и в связи со скудной проработкой

¹ *Беляева А. В.* Голод 1921 года в России и русские эмигранты во Франции // *Россия и Франция XVIII–XX вв. Вып. 6. /Ин-т всеобщей истории. М.: Наука, 2005. С. 197–207; Урядова А. В.* Голод 1921 года и русская эмиграция в славянских странах // *Славяноведение. 2009. № 1. С. 3–13. Она же.* Помощь дальневосточной эмиграции голодающим в России в 1921–1923 гг. // *Вестник Дальневосточного отделения РАН. 2008. № 5 С. 107–111.*

ее в историографии, в работе был привлечен широкий круг источников, который и явился основой написания данной монографии. Можно выделить несколько групп источников, задействованных нами:

1. Делопроизводственные документы самих комитетов помощи голодающим, созданных за границей, а также материалы политический партий и союзов, общественных групп и творческих объединений, военных, религиозных и прочих организаций, выражающие их отношение к голоду.

2. Воззвания, петиции, листовки, меморандумы и др.

3. Документы личного происхождения.

4. Научная литература (прежде всего экономическая) по вопросам голода.

5. Периодика и публицистика.

Делопроизводственные документы составили основу, прежде всего, для написания главы о деятельности самих комитетов помощи голодающим, созданным за границей. Это неопубликованные ранее материалы, хранящиеся в нескольких архивных фондах Государственного Архива Российской Федерации (далее ГАРФ): ф. 5877 Общественный комитет во Франции помощи голодающим, ф. 5920 Комитет помощи голодающим в России при союзе русских студентов в Чехословакии, ф. 5977 Лондонский общественный комитет в Англии помощи голодающим в России, ф. 6057 Бюро русского кооперативного объединения помощи голодающим в Ревеле, ф. 6208 Русский комитет в Женеве по оказанию помощи голодающим в России, ф. 7004 Временный Варшавский Комитет по борьбе с голодом в России, ф. 9110 Русский земледельческий комитет помощи голодающим в России в Праге

Поскольку комитеты переписывались друг с другом, то делопроизводственные документы одного из них могли сохраниться в фонде другого и не отложиться в силу ряда обстоятельств в собственном. Наиболее активную переписку, вел Лондонский общественный комитет: в ф. 5977 отложились делопроизводственные документы Объединенного комитета русских организаций помощи голодающим в Париже, аналогичного Берлинского комитета, Русского пражского земледельческого комитета помощи голодающим в России, Русского общественного комитета помощи голодающим в Нью-Йорке.

Не все комитеты помощи стали фондообразователями, некоторые их документы вошли в другие фонды, но выделены в отдельные дела. Так, например в ф. 9145 (Отдельные документы) содержатся д. 136 Проект Устава Русского Общественного комитета в Германии помощи голодающим в России; д. 225 Отчет Приморского Губернского Комитета общественных организаций по оказанию помощи голодающим в Советской России (г. Харбин); д. 226 Письмо Центрального Дальневосточного комитета общественных организаций по оказанию помощи голодающим в Советской России Харбинскому общественному комитету помощи голодающим о вручении посылок в Советской России¹. Документы могли сохраниться и в виде отдельных вкраплений в другие дела. Так, например, в ряде дел ф. 6845 редакция газеты «Последние новости» есть материалы Объединенной Общественной Организации в Белграде по борьбе с голодом в России и других организаций по борьбе с голодом, созданных эмигрантами в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев (КСХС) и во Франции.

Кроме того, некоторые организации, не имевшие прямого отношения к помощи голодающим, принимали на своих собраниях документы, касавшиеся этого вопроса. Таковые есть, например, в ф. 5680 Канцелярии Министерства иностранных дел при главнокомандующем вооруженными силами на Юге России (Деникине), ф. 5893 Административного центра (Внепартийного объединения), ф. 7067 Лиги Наций, ф. 6096 Русского Национального Комитета (РНК), ф. 6790 Русского Национального Комитета (РНК) в Белграде, точка зрения на голод эмигрантских организаций представлена в ряде дел ф. 9145 (Отдельные документы). По своему характеру делопроизводственные источники — это самые различные документы. Основными являются уставы организаций, положения о ее деятельности, протоколы заседаний, финансово-материальные отчеты и отчеты о работе, входящая и исходящая корреспонденция.

¹ Данное дело не соответствует своему названию, хотя имеет непосредственное отношение к теме: в нем содержатся фотооткрытки о голоде в Самарской губернии, которые продавались в благотворительных целях сбора средств для голодающих.

Уставы и положения о деятельности комитетов помощи голодающим определяют основы функционирования этих организаций, их цели и задачи, общую структуру, могут содержать информацию о ее основных средствах и некоторую др.

Протоколы заседаний позволяют рассмотреть практическую работу организации, выявить возникавшие разногласия в деятельности той или иной структуры по вопросу о методах и средствах борьбы с голодом и др., проследить возможную ее эволюцию, проблемы с которыми сталкивались эти организации и способы их решения и т. д. Иногда, к протоколам прилагаются доклады членов комитетов помощи или их краткое изложение, что также помогает понять, как точку зрения данного докладчика, так и отношение к излагаемому вопросу остальных членов, особенно если возникала дискуссия. Однако, комплектность протоколов оставляет желать лучшего, кроме того, общие собрания устраивались примерно 1-2 раза в месяц, а за это время могло уже многое произойти, в силу чего какие-то события и обстоятельства оставались за рамками собраний. Так, например, если одно из собраний выражало надежду на сотрудничество с ВКПГ, строило планы, ожидая приезда его членов за границу, то уже следующее собрание выражало негодование по поводу его закрытия. Надо отметить, что, не смотря на то, что практически при каждом комитете помощи голодающим были созданы свои структурные подразделения, их документы практически не сохранились. Протоколы являются важным источником не только для воссоздания истории деятельности комитетов помощи, но и для понимания позиции других организаций, поскольку она также находила отражение в этих документах. Материалы протоколов попадали на страницы эмигрантской периодики, излагавшей ход и основные вопросы собраний, в т. ч. посвященных голоду¹.

Не менее существенен для нас такой вид источника как отчет. Это делопроизводственный документ, в котором излагаются основные вехи деятельности комитета помощи, подво-

¹ См., например: Комитет помощи голодающим // Воля России. — 1921. 23 августа; Русские комитеты помощи за границей // Воля России. 1921. 14 августа; В студенческом обществе помощи голодающим. // Руль. 1922. 11 ноября и др.

дится итог его практической работы за определенный период, указываются сложности, с которыми он сталкивался и, как правило, приводятся богатые статистические данные о материально-финансовой стороне этой помощи. Иногда эти годовые отчеты печатались отдельными сборниками для всеобщего ознакомления¹, могли публиковаться и отдельные выдержки из них в эмигрантской прессе².

Для организаций, существовавших в то время достаточно характерен такой вид источника как сведения, сводки, информационные сообщения, материалы, собираемые по тем или иным вопросам (в нашем случае о голоде). Их готовил либо отдельный человек, либо структурное подразделение данной организации. Относительно изучаемого сюжета в них содержалась информация о голоде в Советской России (о голодных районах, масштабах голода, об оказываемой на местах помощи, о перспективах урожая на следующий год и т. д.), в соответствии с которой могли делаться определенные выводы о целесообразности тех или иных методов оказания помощи, путях ее доставки и распределения, способах контроля и т.д. Обычно, эти сведения собирались по материалам советской, реже иностранной прессы, а также свидетельствам (устным или из писем) очевидцев, проживавших или недавно приехавших из России. Корреспонденция касалась в основном трех основных сюжетов: 1) информирование друг друга о своей деятельности и попытки скоординировать свои усилия в деле помощи; 2) выражение своей позиции по тем или иным актуальным вопросам, связанным с голодом (условия помощи иностранных государств и благотворительных организаций, отношение к деятельности и закрытию ВКПГ и др.); 3) письма видным государственным, общественным и религиозным деятелям, а также открытые письма, публиковавшиеся в печати — представляют особый вид корреспонденции, в котором содержался опреде-

¹ См., например: Годовой отчет Российского Общественного Комитета во Франции Помощи Голодающим в России. 15 августа 1921 г. 15 августа 1922 г. Париж, [1922]. 23 с.

² Так, например, отчеты Приморского Губернского Комитета общественных организаций по оказанию помощи голодающим в Советской России г. Харбин публиковались в приложении журнала «Тайфун».

ленный призыв, связанный с голодом (о кредитах, об оказании материальной помощи и др.). Первые две группы писем — документы информативного характера, способствующие расширению фактологической базы по данной теме, третья группа способствует пониманию идеологических установок эмиграции и исследованию агитационно-пропагандистского метода ее работы в отношении голода.

Сродни подобным письмам следующая группа источников петиции, декларации, воззвания, меморандумы и т. д. Это документы, публиковавшиеся в основном в печати для широкого распространения либо отдельными изданиями, либо в эмигрантской и зарубежной прессе. В соответствии со своим назначением они издавались на нескольких языках (русском, французском, английском, немецком). Тематика их могла быть широкой (призыв о помощи голодающим¹) или узкой (по отдельным вопросам²). Обращены они могли быть, как к отдельным категориям населения (например, русской эмиграции), так и вообще «к народам мира, странам, правительствам» и т. д.

Документов личного происхождения относительно голода сохранилось крайне мало. Нам удалось найти: 1) письма; 2) воспоминания; 3) дневниковые записи.

Речь о голоде идет в переписке (сентябрь-октябрь 1921 г.) двух бывших российских дипломатических сотрудников М. Н. Гирса и И. Н. Ефремова³. Из нее мы узнаем о встречах представителей русского дипломатического корпуса в Женеве, а также председателя Российского Красного Креста Ю. И. Лодыженского с Нансеном и об их попытке повлиять на решения Лиги Наций (через общение с ее членами), не допустив принятие помощи по нансеновскому проекту и о результатах этих мероприятий. Несмотря на то, что это личные документы, но написаны они чиновником (И. Н. Ефремовым) и речь в них

¹ См., например: Воззвания белоэмигрантских организаций о сборе средств для помощи голодающим в России. (ф. 5877, оп. 1, д. 36).

² См., например: Меморандум комитета помощи голодающим в России г. Константинополя о возможностях и способах оказания помощи. (ф. 9145, оп. 1, д. 473).

³ См.: ф. 5760 Российская миссия в Швейцарии, д. 56.

идет о деятельности его и его коллег, трактуемой ими именно исходя из своего положения, хотя автор и оговаривается, что на всех встречах с иностранными представителями давал им понять, что каких-либо специальных, особых полномочий их делегация и он лично не имеют.

Сродни этим письмам опубликованная переписка двух бывших дипломатов России соответственно во Франции и в США – В. А. Маклакова и Б. А. Бахметева¹. В ней также речь идет об отношении русского зарубежья к голоду и к иностранной помощи голодающим, о реакции правительств Франции и США к этому вопросу, о благотворительных организациях помощи, о ВКПГ. Поскольку собранная О. В. Будницким, составителем данного сборника, переписка очень обширная и достаточно полная, то можно проследить изменения взглядов этих политиков на перечисленные вопросы в связи с изменением ситуации в РСФСР и в мире.

В работе использовались и другие письма эмигрантов, но их крайне мало, и свидетельства о голоде там представлены буквально несколькими предложениями.

Небольшая часть воспоминаний Ю. И. Лодыженского председателя Российского Красного Креста посвящена помощи голодающим. Он в частности, описывает подготовку и проведение трех Международных Женевских конференции помощи голодающим, состоявшихся по инициативе Международного Красного Креста и свое участие в них, а также свое заступничество в отношении арестованных членов Всероспомгола².

Другой документ личного происхождения – дневник известного общественно-политического деятеля бывшего депутата Госдумы Н. В. Савича³. О голоде он начал писать с середины июля 1921 г. Он видел в нем возможные причины бунтов, од-

¹ «Совершенно лично и доверительно!» М. Стэнфорд, 2002. Т. 1–2.

² Лодыженский Ю. И. Помощь голодающим в России // Ю. И. Лодыженский. От Красного Креста к борьбе с коммунистическим Интернационалом М.: 2007. С. 224–228.

³ Библиотека-фонд «Русское Зарубежье» (далее РЗ). Ф. 7, оп. 1, ед. хр. 2.

нако, как он указывает, пока у советского правительства есть золото, оно будет закупать хлеб и прокормит армию необходимую для их подавления. Н. В. Савич был настроен достаточно пессимистично относительно помощи голодающим, полагая, что при большевиках это не реально: из портов хлеб расхитят красноармейцы, а если и нет, то железные дороги не работают и до народа он все равно не дойдет. Благотворительную же помощь он называл «недоразумением», поскольку по его мнению «нельзя собрать средства, чтобы накормить 20 миллионов».¹ На страницах дневника он рассуждает, где взять такие средства, и приходит к выводу, что единственной возможностью является заем. Но кто и кому может его дать? Советской власти не верят, даже если и дадут деньги, то встанет вопрос о снабжении и распределении, что опять проблематично. Этот же пессимизм и некоторая ирония прослеживается на страницах дневника в отношении ВКПГ. Ирония, неверие в результаты и даже недоверие прослеживается и в отношении автора к деятельности парижских комитетов помощи: «Как будут помогать и кому — об этом думают мало, чтоб не сказать совсем не думают... Но вот политику в будущем на этом можно пожалуй, сделать... Ведь кто накормит голодающих, тот потребует с правом на то титула спасителя. К тому же авось потекут пожертвования, может последовать вмешательство. Тогда можно и профит непосредственно получить, известно, что деньги направленные куда-либо через общественную организацию увлажняют русло, по которому текут и которое их по пути жадно всасывает»². Он считал эмигрантские организации помощи голодающим — «переходной степенью для пересадки в Петербургские министры»³. В этом с ним был солидарен другой эмигрант (судя по всему В. М. Зензинов), который в одном из своих писем, еще в июне 1921 г. пишет: «Всем ясно, какое будет иметь значение и вес тот, кто явится первым, имея в своих руках и организацию и средства для оказания помощи голодающим. Кто палку взял,

¹ РЗ. Ф. 7, оп. 1, ед. хр. 2, л. 16 об.

² Там же. Л. 17

³ Там же. Л. 19.

тот и капрал. Помощь голодающим может оказаться первым и рациональным капральским шестом»¹. В отличие от предыдущих документов (писем), этот дневник и письмо выражают сугубо личную точку зрения авторов, но они были созвучны мыслям многих эмигрантов.

Следующая группа источников научная литература (прежде всего экономическая) по вопросам голода. Примером может служить работа И. Корсакова «Голод в Советской России и его причины»². В ней автор рассматривает «подготовку голода»: продовольственную политику большевиков и постоянный голод городского населения в Советской России; сельскохозяйственную разруху при большевиках; сокращение посева и сбора хлеба; неурожай 1920 г. Во второй части работы автор обращается непосредственно к изучению самого голода 1921 г., разбирая: отношение большевиков к неурожаю и голоду, его размеры, значение и общий хлебный запас. Сродни этой работе, книга И. В. Емельянова³, в которой не столько дается анализ произошедшего, сколько обращается внимание на то, что необходимо сделать для того, чтобы избежать повторения подобной ситуации в будущем, при этом автор обобщает мнения чехословацких и русских аграриев и экономистов. Подобные труды выходили не только отдельными изданиями, статьи экономистов публиковались в эмигрантской прессе, прежде всего в толстых журналах⁴. При характеристике этой группы источников важно отметить, что в отличие от публицистики, традиционных выступлений докладчиков по вопросам голода, экономисты, по возможности, старались отойти от политической оценки событий, рассматривая их именно с точки зрения экономики и развития народного хозяйства. Но в целом таких работ было не много.

¹ ГАРФ. Ф.5893 оп. 1, д. 62, л. 39.

² Корсаков И. Голод в Советской России и его причины. Юрьев: Издательство автора, 1922. 47 с.

³ Емельянов И. В. Помощь России — помощь Европе. Прага: Международное аграрное бюро, 1921. 4 с.

⁴ См. например: Воронович Н. Голод и сельскохозяйственный кризис // Воля России. 1924. № 14-15 (сентябрь). С. 137-145.

Гораздо шире представлена эмигрантская публицистика по вопросам голода. Это отдельные брошюры¹ на разных языках и статьи в периодической (в основном в газетах) и неперiodической (бюллетени²) литературе. Надо отметить, что бюллетени могли выпускаться как с некоторой определенной периодичностью (например, раз в месяц), так и не периодически, публиковались они на разных языках, как правило, сразу на двух языках (русском и иностранном), могли быть одно- и многостраничными. Кроме эмигрантской периодики материалы об отношении эмиграции к голоду публиковались в зарубежной и советской прессе. Публикации, представленные в этой группе можно условно разделить на несколько подгрупп:

1) с места событий по материалам советской, иностранной прессы, писем из России (о голоде, районах его распространения, эпидемиях, борьбе Советского правительства с бедствием и т. д.)

2) рефлексия авторов по поводу голода (причины, методы и средства борьбы, грядущие последствия, возможность участия эмиграции в деле помощи и т. д.)

3) информационные сообщения о деятельности организаций, занимающихся оказанием помощи голодающим, о собраниях по этому вопросу, объявления о сборе денег и т. д.

4) публикация петиций, воззваний, обращений, меморандумов и т. д.

Публицистика, носила, прежде всего, агитационно-пропагандистский характер и служила соответствующим целям. Поэтому для нас она является источником, с одной стороны, помогающим воссоздать настроения эмиграции, ее эмоциональное отношение к голоду. А с другой, содержащаяся в ней

¹ La Famine en Russie Paris, 1921. 8 p.; Голод 1921–1922. Сборник. Издание Представительства Российского Общества Красного Креста в Америке. N. Y., 1922. 160 с.; Le pouvoir Soviétique et la Famine en Russie. Paris, 1922; Голод [Приложение к кн. 8–9 «Русской мысли»]. София: Придворная типография, 1921. 40 с.; и др.

² См. например: Бюллетень Исполнительной комиссии Совещания Членов Учредительного Собрания. 1921. № 1 (1 Ноября); Bulletin of the Russian Information Bureau in U. S. – 1921. – № 44; Société d'étude belgo-russe. Office de documentation et d'information sur la Russie et les pays limitrophes. Bulletin № 78 – 13 aout 1921 и др.

фактическая информация способствует и реконструкции отдельных исторических событий и процессов.

В связи с последним, хотелось бы назвать еще одну группу источников, которые используют прессу, объявления, приглашения в качестве первоисточника, являясь по своей сути вторичными источниками, это — хроники, составленные уже современными исследователями¹. При обработке данных хроник можно получить информацию о лекциях, собраниях и концертах, прошедших в разных странах в эмиграции и посвященных голоду, выявить их частоту, приоритетные темы, основных докладчиков и др. Безусловно, как вторичный источник, он не претендует на полноту освещения проблемы, однако может служить важным подспорьем для оптимизации работы.

Использование всех вышеперечисленных групп источников способствовало достаточно полному, на наш взгляд, воспроизведению событий и воссозданию отношения эмиграции к голоду. Однако при работе с ними мы сталкиваемся с одной, но весьма серьезной и трудноразрешимой в ходе исследования проблемой — их неравномерная сохранность и репрезентативность: а) по периодам — больше материалов сохранилось в связи с началом голода, крайне мало связано с закрытием комитетов помощи и свертыванием процесса помощи; б) по странам — ряд стран представлен достаточно хорошо, другие — хуже, некоторые не были найдены в доступных нам источниках вообще (возможно они есть, но в иностранных архивах). И все же, не смотря на эти пробелы, общая картина событий была восстановлена, по итогам работы были сделаны выводы.

Хронологические рамки работы связаны непосредственно с голодом и ликвидацией его последствий в представлениях эмиграции, исходя из деятельности эмигрантских комитетов

¹ См. например: Историческая наука российской эмиграции 20–30-х гг. XX века (Хроника) / Сост. С. А. Александров. М.: «АИРО-XX», 1998. 312 с.; Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни. М.-Париж, 1993–1997. Т. 1–4; *Beysac L.* La vie culturelle de l'émigration russe en France. Chronique (1920—1930). Faculté des lettres de l'Université de Clermont. Presses Universitaire de France. Paris, 1972. 340 p; Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в чехословацкой республике. /Под ред. Л. Белошевской. — Praha: Slovansky ústav., 2000. и др.

помощи, т. е. лето 1921 г. — начало 1923 г. Мы не определяем четко географию данного исследования, поскольку для нас важным были не конкретные страны рассеяния, а эмиграция, как явление в целом. Поэтому география исследования — страны проживания русских за рубежом в изучаемый период, хотя по ходу исследований будут выявляться некоторые особенности связанные с территориальным размещением. Единственная оговорка, которую необходимо сделать, касается не географических, а национальных рамок — в работе речь пойдет именно о русской эмиграции и в соответствии с этим о тех комитетах помощи голодающим, которые были ей созданы¹.

Данная монография является частью диссертационного исследования, посвященного восприятию эмиграцией Советской России. Исследование базируется на принципах исторического объективизма, не исключает историко-генетического метода, который дает возможность не только выяснить сущностные черты отношения эмиграции к голоду, но и показать его развитие в динамике. В работе применялись дискриптивно-аналитический и историко-сравнительный подходы, а также методы исторической психологии. В исследовании применялся также системный, который позволил дать оценку целостной взаимосвязанной системе (Западные страны — эмиграция — Советская Россия), а не одного компонента (истории России или истории эмиграции), но не исключая этот компонент. Деятельность эмиграции рассматривалась нами, в контексте российской истории и как составная часть мировой истории. В монографии предпринята попытка сравнительного анализа различных точек зрения, представленных в эмиграции в связи с этим вопросом. Она впервые выносит тему отношения эмиграции к голоду 1921 г. в качестве объекта исследования.

¹ Однако, нельзя забывать, что в эмиграции находились и представители других национальностей — бывшие граждане Российской Империи, которые также не остались в стороне от проблемы голода, но помогали, в основном, голодающим своей национальностью. Так, например, в Германии известно о деятельности по крайней мере трех национальных (не русских) комитетов помощи голодающим — украинского (Руль. 1921. 14 августа. № 225), белорусского (ГАРФ. Ф. 6229) и еврейского — евреев России и Украины (Руль. 1922. 13 августа. № 518).

Глава 1

ГОЛОД И ОТНОШЕНИЕ К НЕМУ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Военный коммунизм, гражданская война, последствия мировой войны могли вылиться в аграрную катастрофу в РСФСР еще ранее. Первые признаки голода появились в некоторых районах уже в 1919, а в течение всего 1920 года – ситуация только ухудшалась, голодом были охвачены уже несколько губерний, что не прошло незамеченным мимо эмиграции¹. По мнению некоторых исследователей, тогда удалось избежать трагедии, разразившейся годом позже, лишь потому, что осенью 1920 г. Красная армия заняла Кубань, Крым и Сибирь. Там обнаружили нетронутые запасы хлеба, картофеля и фуража, реквизированные советской властью, что отсрочило всеобщий голод, но не смогло предупредить системный (политический, экономический и финансовый) кризис².

В 1921 г. страшная засуха обрушилась на большинство губерний Поволжья, Предуралья, Северного Казахстана, Западной Сибири, Украины и Крыма то есть на самые зернопроизводящие районы страны. Пастбища не могли прокормить скот. Казахские степи зимой 1921 г. постигло другое страшное для скотоводов бедствие – джунт (гололедица). Не было ни зерна, ни сена. Кроме того, в годы военного коммунизма у крестьян в качестве «излишков» были изъяты практически все запасы зерна, в т. ч. и семенное, а что осталось – было съедено. Сокращение посевов в связи с гражданской войной также лишило страну стратегических запасов продовольствия. А с учетом недорода 1920 г., – засуха стала катастрофой. Поэтому лето 1921 г. село встретило практически опустошенным.

¹ См. например: «Совершенно лично и доверительно!» М., 2001. Т. 1. С. 238.

² Виктор Тополянский. Год 1921-й: наказание голодом // Контиент. 2006. № 130.

Голодом было охвачено 35 губерний. Территория признавалась голодающей, если урожай на ней составлял менее 6 пуд зерновых на душу населения (обычная норма годового потребления того времени – 15–16 пудов на человека), были также «частично голодающие» губернии, в которых некоторые уезды были благополучными, а некоторые голодающими. Не смотря на телеграммы, поступающие с мест, вплоть до конца июня 1921 г. правительство официально не признавало факта массового голода¹.

Среди причин голода исследователи называют с одной стороны, природные явления, приведшие к неурожаю, а с другой, выдвигающиеся за последние годы в число первопричин – социально-политические. Их выделяется множество, но если говорить в целом – это войны (Первая мировая и гражданская) и политика Советской власти.

Советские власти пытались поначалу скрыть истинные масштабы трагедии. «Пуская пыль в глаза» иностранным правительствам и эмиграции, заместитель наркома земледелия В. В. Осинский в интервью эмигрантской газете «Новый мир» 23 июля 1921 г. сказал, что урожай будет средним, даже чуть выше среднего². Однако, по мере разрастания катастрофы, усиливались антибольшевистские настроения среди населения, особенно деревенского. Советское правительство начинает борьбу широкую государственную кампанию по борьбе с голодом.

18 июля 1921 г. при ВЦИК была создана Центральная Комиссия помощи голодающим (ЦК Помгол) – орган призванный решать задачи борьбы с голодом на государственном уровне. Возглавил ее М. И. Калинин. Борьба с голодом стала задачей государственных, партийных и общественных организаций. В районах, подвергшихся засухе, создавались местные комиссии.

Советское правительство не могло справиться с голодом за счет имеющихся в стране запасов и нового урожая. Были необходимы средства для закупок продовольствия за границей.

¹ Правда. 1921. 26 июня.

² Цит. по: Костиков В. Не будем проклинать изгнания... С. 118.

Поэтому началось изъятие церковного имущества. Но деньги часто использовались не по назначению — для голодающих, а на «нужды революции». Всего за границей было закуплено 3 миллиона пудов продовольствия¹. Делалась ставка и на помощь из-за границы гуманитарную или в кредит.

По данным М.И. Бенкендорфа, собиравшегося в августе 1921 г. из РСФСР за границу для агитации в пользу голодающих, к лету 1921 г. их насчитывалось около 25 млн., к осени еще больше. Из них 6 млн. мигрировали по стране², что также составляло серьезную проблему для государства. Естественно, что эти данные не афишировались, а в официальных выступлениях занижались³.

К началу осени голод стал распространяться в районах, не пострадавших от засухи, стал ощутим в городах и охватывал 33 губернии и области где проживали 35–40 миллионов человек. По данным Центрального статистического управления (ЦСУ), численность пострадавшего от неурожая населения в последние месяцы 1921 г. достигала 37 миллионов человек; по другим сведениям, зимой 1921–1922 г. голодали 32–33 миллиона человек⁴.

В наиболее пострадавших районах начался каннибализм⁵, повсеместно началась цинга, тиф, холера, дизентерия, малярия и другие болезни. Голод привел к новому сокращению посевных площадей из-за нехватки семян и поголовья рабочего скота. Для прокорма голодных и восстановления народного хозяйства по подсчетам эмигрантов, Россия нуждалась в импорте 250 млн пудов зерна⁶. Не смотря на это, как только голод пошел на спад, Совнарком принял решение об экспорте хлеба,

¹ Плаксин Р. Ф. Крах церковной контрреволюции 1917–1923 гг. М.: «Наука». 1968. С. 155

² Архив А. М. Горького. М., 2001, т. XVI. С. 48–49.

³ См. например: Итоги борьбы с голодом в 1921–1922 гг. Сборник статей и отчетов. М., 1922.

⁴ Экономическая жизнь. 1922. 2 апреля.

⁵ См. подробнее: Виктор Тополянский. Год 1921-й: наказание голодом // Континент. 2006. №130.

⁶ Воронович Н. Голод и сельскохозяйственный кризис в России. // Воля России. 1924. № 14–15. С. 137–145.

который был дешевле американского и вытеснил его на европейских рынках. Вывоз зерновых из голодающей страны, которой все еще оказывалась гуманитарная помощь, шокировала Запад. К тому же продолжалась и агитационно-пропагандистская деятельность большевиков в других странах, на которую также тратились деньги.

Эмигрантская периодика перепечатывала статьи из советских газет, за границей в списках ходили письма В. Г. Короленко к А. В. Луначарскому¹ о голоде, народные песни и частушки, сочиненные по этому поводу в России. Например:

На мотив коробейников:

*Ой, пустым пуста коробушка,
Нет ни ситца, ни парчи,
Нет уж хлебушка ни крошечки,
Вздорожали все харчи.
Дайте, братцы, зелья хмельного
С горя вдребезги напьюсь —
От раскосого Ульянова
- Погибает наша Русь...*

На мотив «Интернационала» от имени крестьян:

*Лишь мы работники всемирной
Великой армии труда
Владеть землей имеем право,
Но урожаем никогда.²*

Первое время русскоязычная пресса печатала в основном эмоциональные описательные статьи о той катастрофе, которая охватила, покинутую ими Родину: умирающие города, деревни, засохшая земля, голод, начавшееся людоедство. Затем появляются аналитические статьи на тему голода (масштабы, причины, возможные последствия). Первые статьи о катастрофе, которая может разразиться, появились летом 1920 г., тогда эмиграция узнала о недородах, и высказывала мнение, что именно голод погубит большевиков, не Врангель, не Антанта, голод

¹ В 1922 г. они были опубликованы в Париже.

² Маслов С. С. Россия после 4-х лет революции. (Население. Промышленность. Транспорт. Сельское хозяйство. Государственная власть. Образование. Духовные запросы. Печать). 2 т. Париж: «Русская печать», 1922 Т. 1. С. 173.

вынудит народ восстать¹. В марте же 1921 г. разговоры стали уже более предметными. Некоторые эмигранты, проанализировав экономическую ситуацию, считали, что уже в апреле-мае в России начнется голод, который охватит прежде север страны. Фактические данные о масштабах голода, районах охваченных им, эмигрантская периодика черпала главным образом из советских изданий, иногда что-то недоговаривая, преувеличивая размеры голода и преуменьшая помощь, которую оказывает голодающему населению Советское правительство, но в целом, относительно правдоподобно рисуя на своих страницах охватившее Родину бедствие. Не смотря на довольно эмоциональные статьи о голоде, появлявшиеся весной и в начале лета 1921 г. в газетах, думается, это не были идеологические уловки, журналистские средства усиления эффекта. О чем говорят как сами реальные события, разворачивавшиеся в России, так и отношение к этим событиям отдельных эмигрантов на страницах личных писем, в которых не было «игры на публику». Вот что писал, например, бывший российский посол в США Б. А. Бахметьев 22 августа 1921 г. П. Н. Милюкову: «То ужасное, что мне давно казалось неизбежным, наконец, осуществилось. Я говорю о голоде, который, в нынешних условиях, по всей вероятности поведет неминуемо к повальному вымиранию целых областей, к массовым переселениям и проч.»²

Что же касается причин голода, то здесь в чем-то точка зрения эмиграции совпала с позицией большевиков. В РСФСР они были проанализированы в докладах видных партийных деятелей на IX съезде Советов в декабре 1921 г. Секретарь ЦК РКП(б) Е. М. Ярославский обвинял в нем А. В. Колчака, нарушившего железнодорожную связь с Сибирью, председатель ВЦИК М. И. Калинин обосновывал его низкой культурой и систематическим разорением сельского хозяйства, начиная с мировой войны. Нарком земледелия Н. Осинский упрекал правительство в недостаточном финансировании его ведомства,

¹ Exsul Viator. Голод / Viator Exsul // Руль. 1921. 29 января. № 61.

² Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг.: Документы и материалы: Учебн. пособие / Под ред. А. Ф. Киселева. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. 776 с. С. 524.

получившего в 1921 г. бюджетных ассигнований в десять раз меньше, чем запрашивало. Наиболее радикальные соображения высказал председатель Московского совета Л. Б. Каменев. По его мнению, крестьянство было само виновато в случившемся, ибо встретило политику национализации сокращением запасов до размеров собственного потребления, оставив тем самым города без хлеба и не дав советской власти ни зернышка для вывоза за границу¹.

Соглашаясь с большевиками, эмигранты также видели в голоде — последствия войн (мировая, гражданская), анархии первых революционных лет, нарушения традиционных рынков, связи, в том числе и с заграницей, двухлетней засухи². При этом такая причина как экономическая блокада России иностранными державами ставилась под сомнение: «...самый неопытный, самый серый русский человек, давно уже понял, что дело что-то не так: ведь коли хлеб не вывозят за границу, так не голод от этого должен быть, а наоборот — общее довольствие»³. Считали, что блокада может повредить городу, фабрикам и заводам, а не деревне, поэтому главная причина голода, по мнению эмигрантов — экономическая политика большевиков, прежде всего, в отношении крестьянства⁴.

Анализируя голод, эмигранты оценивали его как закономерное явление, главная причина которого лежит в обнищании населения по вине большевиков⁵. Б. А. Бахметев называл голод «прямым и неизбежным последствием экономической больше-

¹ Известия 1921. 25 декабря; IX Всероссийский съезд Советов, стенографический отчет. М., 1922, вып. 2. С. 1–13, 20, 34. Доклад Наркомзема на IX Всероссийском съезде Советов. Тверь, 1922. С. 4–5. *Гуров П. Я.* Девятый Всероссийский съезд Советов и крестьянство. М., 1922. С. 13–14; *Тополянский В.* Год 1921-й: наказание голодом // Континент, № 130. 2006 г.

² *Костиков В.* Не будем проклинать изгнанья... С.118.

³ Большевики и крестьянство. Большевики и крестьянство. Прага: Издание партии социалистов-революционеров, 1921. С. 4.

⁴ См. например: Из письма Б. А. Бахметьева П. Н. Милюкову от 22.08.21 // Политическая история русской эмиграции. 1920–1940. Документы и материалы... С. 524.

⁵ Возрождение. 1921. 31 октября.

вистской системы». По его мнению, большевики повернули российское хозяйство от кооперативного к примитивному¹.

Вот что писали о причинах голода экономисты-эмигранты. Ст. Иванович считал, что голод 1921 г. показал, достаточно наглядно, что крестьянство и крестьянское хозяйство шло ко дну — «не помещика согнал с земли большевизм, а крестьянина»². И. Корсаков, изучив ухудшение продовольственного положения в России, указывал на ряд причин, в т.ч. и экономических: 1) несовершенство системы заготовок — советские учреждения, занимающиеся ими, не смогли (осенью 1920 г.) выполнить, поставленный перед ними план (неурожай, сопротивление крестьян); 2) транспортная проблема — невозможность подвести уже заготовленный хлеб к местам потребления; 3) разрушение большевиками промышленности и уничтожение большевиками торговли. Все это, как он полагал, привело к следующим последствиям в сельском хозяйстве: к расстройству и прекращению общего товарообмена, а также к насильственному изъятию сельскохозяйственных продуктов в виде натуральной повинности. Указывает он и на другие причины, но перечисленные выше, считает главными. По его мнению, в первые годы революции большевики попали в относительно благополучные условия по продовольствию — запасы хлеба достались им «по наследству», что породило у большевиков своеобразную иллюзию хозяйственного благополучия. Это, а также натуральные повинности, ухудшение снабжения инвентарем, недостаток посевного материала (монополия советской власти), приводит к резкому сокращению посевных площадей, ее плохой и мелкой обработке (что особенно сказывается в засушливые годы), убою скота и, как результат — разорение сельского хозяйства.³ Д. О. Линский, анализируя запасы прошлых лет (Россия не вывозит хлеба с 1914 г. (до этого экспорт сотнями миллионов пудов); все население при большевиках живет впроголодь) считал, что в стране должны были быть

¹ «Совершенно лично и доверительно!» Т. 1. С. 426.

² *Иванович Ст.* Пять лет большевизма. Начало и юнцы. Берлин: «Заря», 1922. С. 108.

³ *Корсаков И.* Голод в Советской России и его причины. Юрьев, 1922. С. 7–8, 13–17.

хлебные ресурсы, но их нет. Главной причиной чего (и как следствие голода) он видел в системе хозяйствования (в совхозах и Комиссариате продовольствия). С его точки зрения, совхозы отличались бесхозяйственностью, а Наркомпрод, как и все органы коммунистической власти, действовал «на основе принципа военного воздействия на хозяйственные процессы», поэтому его деятельность успешно протекала лишь в области «изъятия излишков», т. е. выкачивания урожая прошлых лет, чем парализовалась всякая активная продовольственная политика. В результате — нет заинтересованности крестьян в прибыли, так как, получая ее, он обрекает себя на реквизиции и натуральный налог. Поэтому крестьяне стали создавать минимум продуктов, что исключает возможность накоплений продовольственных запасов¹. Передовица «Возрождения» вообще обвиняла в произошедшем III Интернационал².

Тема голода волновала не только эмигрантов-экономистов, но и видных общественных и политических деятелей эмиграции. А. Ф. Керенский в июле 1921 г. чуть ли не ежедневно писал об этой трагедии в России³. Заметки о голоде появлялись практически во всех эмигрантских периодических изданиях⁴.

Следили эмигранты и за борьбой Советской власти с голодом. При этом они отмечали полную бесталанность большевиков, отсутствие творчества и организаторских способностей, использование ими средств и методов, практикуемых ранее в подобных случаях царским правительством (обращения к народу, выпуск однодневных газет в пользу голодающих и др.). Отмечалось также и то, что в охваченных голодом районах советской власти нет, поскольку никто не хочет нести ответственность, а кроме того боится гнева народного⁵.

¹ Линский Д. О. Борьба с голодом // Голод [Приложение к кн. 8–9 «Русской мысли»]. София: Придворная типография. 1921. С. 30–31.

² Голод в Советской России // Возрождение. 1921. 31 октября.

³ Керенский А. Издалека. Сб.ст. (1920–1921 гг.) Париж: Русское книжное издательство Я. Поволоцкого и К°, 1922. С.3–27.

⁴ См. ГАРФ. Ф.5877, оп. 1. д. 34 (Подборка вырезок посвященных голоду из эмигрантских периодических изданий).

⁵ ГАРФ. Ф. 5893, оп. 1, д. 68, лл. 63, 64, 68, 68 об., 71, 72.

Уже анализируя причины голода и борьбу с ним большевиков, некоторые эмигранты приходили к выводу, что спасти Россию от голода можно только, освободив ее от коммунизма и советского строя. Поэтому они возлагали на голод большие надежды, полагая, что доведенный до крайности народ не выдержит и выступит против большевиков: «есть определенное и уверенное настроение,... что благодаря голоду, эпидемиям, недостатку топлива к февралю-марту будущего года народные массы в России будут так озлоблены против большевиков, что подпольным организациям... нетрудно будет поднять общее народное восстание...»¹.

Другие же авторы придерживались прямо противоположных взглядов. Исходя из опыта, они писали, что голодные люди не восстают и ищут не виновников голода, а пропитание: «Убивая активность, голод, не угрожает господствующему строю, он его еще и усиливает». Один из авторов «Руля» обосновывая это тем, что на власть предержавных продовольствия всегда хватит, поэтому они будут сыты и, чувствуя себя обеспеченными, будут психологически спокойны, а значит — сильны, видя их обеспеченность остальные будут тянуться к ним, чтобы получить от них чуть-чуть для себя, т. е. голод усиливает власть и ее соблазны².

Надеявшиеся на голод, рассчитывали, что он подточит власть изнутри, а потому, естественно отрицали любую помощь, в том числе и иностранных благотворительных организаций. Более того, она считалась вредной. Газета «Что делать?» высказывается совсем откровенно: «Оказываемая России благотворительная помощь для спасения голодающих от надвигающейся катастрофы приносит пока пользу больше для комиссаров и для красной армии, чем для русского народа. Если бы не эта «помощь», то, несомненно, большевистская власть должна была бы к зиме пасть, между тем, благодаря международной поддержке, агония русского народа затянется

¹ Русская военная эмиграция 1920–1940-х гг. Документы и материалы. Русская военная эмиграция 1920–1940-х гг. Документы и материалы. Т. 1. Так начиналось изгнание. Кн. 1. Исход. М.: «Гей». С. 89

² Exsul Viator. Голод // Руль. 1921. 29 января. № 61.

еще на долгое время... Мы не можем спокойно созерцать, как интернационалисты всех стран оказывают поддержку советским комиссарам под благовидным предлогом оказания благотворительной помощи русскому народу. Все то, что говорят Гуверы и Нансены – все это ложь! Русский народ можно спасти от неминуемой голодной смерти только путем свержения большевистского правительства»¹.

Как видим деятельность благотворительных иностранных организаций в РСФСР была особым вопросом для эмиграции. Речь идет в основном о трех структурах: Международной комиссии по организации помощи России созданная Верховным советом Антанты, Американской Администрации Помощи (АРА) и Комиссии созданной Краснокрестными организациями различных стран при участии Лиги Наций.

Первая, о которой не так часто вспоминают, когда речь заходит о помощи голодающим, была создана в августе 1921 г. Верховным советом Антанты – Международная комиссия по организации помощи России или так называемая анкетная комиссия. Во главе ее стоял Ж. Нуланс, бывший французский посол при Временном правительстве. Судя по всему, роль первой скрипки в этой организации играла Франция, а может так это воспринималось В. А. Маклаковым, который, во всех своих замечаниях относительно анкетной комиссии, увязывает ее исключительно с этой страной. Он встречался с Нулансом и вынес из разговора следующее: «во-первых, что Франция ни под каким видом не хочет, чтобы из-за вмешательства Европы большевизм хотя бы в какой-нибудь мере вышел укрепленным; во-вторых, что французы были бы рады воспользоваться этим голодом, чтобы начать мирную политику ликвидации большевизма»². Но со временем, судя по всему, эта точка зрения изменилась от воздержания к мирной экономической интервенции для восстановления России. Именно такое ощущение сложилось у М. И. Скобелева, члена IV Государственной думы, социал-демократа, меньшевика, встречавшегося с Брианом³:

¹ Что делать? 1921. № 1.

² «Совершенно лично и доверительно!» Т. 1. С. 443.

³ Французский государственный деятель, с января 1921 г. – премьер-министр и министр иностранных дел коалиционного правительства.

«Голод явился для французов только хорошим поводом занять, наконец, в России то место, от которого они отказались, и попробовать, нельзя ли при совместном и согласном давлении всех правительств восстановить в России условия, при которых можно думать об экономическом оздоровлении»¹. Маклаков полагал, что делая ставку на анкетную комиссию, французы делают ставку на большевиков, но рассчитывают при этом возможность прямого давления, ультиматумов, т. е. активной политики, как это делала АРА².

Комиссия планировала отправить 30 специалистов (от пяти держав) в пострадавшие районы для обследования там ситуации и предоставления последующих отчетов о масштабах голода, распространении болезней, состоянии транспорта и возможного развития событий. Предполагалось включить в эту комиссию видных промышленников и финансистов. Такого легального «шпионажа» большевики допустить не могли. В. И. Ленин от лица Политбюро принял решение: «Поручить Чичерину составить в ответ Нулансу ноту отказа в самых резких выражениях типа прокламации против буржуазии и империализма, особенно подчеркнув контрреволюционную роль самого Нуланса»³. Что и было сделано. В ней Нуланс был обвинен в антисоветчине, сборе информации о внутреннем положении страны, вместо помощи голодающим⁴. На наш взгляд, причиной такого отношения было то, что в отличие от других международных благотворительных организаций, анкетная комиссия не предлагала немедленной помощи, а сначала хотела изучить ситуацию на месте и лишь потом, оценив ее — выделить средства. Как писал Маклаков, «имя Нуланса внушало большевикам такое недоверие, что трудно было рассчитывать, чтобы они пустили к себе работающих под этой фирмой»⁵. К тому же, ко времени вышеупомянутой ноты, Гувер и Нансен уже предложили свою помощь, хоть и с определенными

¹ «Совершенно лично и доверительно!» Т. 1. С. 481.

² Там же. С. 482.

³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44. С. 116.

⁴ Документы внешней политики СССР, т. IV. М.: Госполитиздат, 1960. С. 307–312.

⁵ «Совершенно лично и доверительно!» Т. 2. С. 230.

условиями, но конкретную и без оттягивания решения вопроса.

Когда эта за границей был получен отказ РСФСР в такой резкой форме, некоторые представители зарубежной общественности стали настаивать на демонстративном закрытии анкетной комиссии, именно эта точка зрения преобладала на страницах французской прессы. Маклаков опасался, что комиссия встанет на нее, поэтому приехал в Париж и встретился с Нулансом, который доказывал обратное. Он сказал, «что французские члены комиссии категорически решили ни под каким видом не распускаться, и что англичане уже написали, что будут с ними во всем солидарны»¹. По мнению В. А. Маклакова, «закрытие комиссии Нуланса имело бы одно последствие: развязало бы руки тем государствам, которые в своей помощи России стояли не на нашей точке зрения, т. е. помощи населению, а не большевикам; единственное средство удержать их от сепаратных действий было создать орган международного действия»². Эту позицию разделял и Нуланс, стараясь расширить деятельность комиссии привлечением к сотрудничеству в ней других европейских государств. У него была идея привлечь США или, по крайней мере, действовать посредством АРА, но поскольку Франция хотела раздавать деньги под своим флагом эта идея не была реализована. При посредничестве эмигранта Скобелева, который был другом Красина, Французским Красным Крестом, который не входил в организацию Нансена, но был связан с анкетной комиссией, был подписан договор с советским правительством (аналогичный — незадолго до этого — был подписан с Итальянским Красным Крестом).

В отличие от комиссии Нуланса, к Американской Администрации Помощи, АРА (American Relief Administration — АРА), международной благотворительной организации, возглавлявшейся Г. Гувером, советские власти относились двояко. С одной стороны — с недоверием и осторожностью, как к любой иностранной структуре, тем более американской (правительство США в то время не признавало РСФСР). Л. Д. Троцкий

¹ Там же. С. 12.

² Там же.

назвал ее «высококвалифицированным щупальцем, продвинутой правящей Америкой в самую глубь России»¹. С другой — с определенной долей благодарности, как к зарубежной организации оказавший наибольшую реальную помощь. 26 июля 1921 г. в радиোগрамме Г. Гувер заявил о готовности Американской администрации оказать помощь, при соблюдении ряда условий: немедленного освобождения американцев, содержащихся в тюрьмах в России и предоставления определенных гарантий сотрудникам АРА. На что было получено согласие².

Бывший русский посол в США Б. А. Бахметев высказывал опасения, что переговоры между советскими и американскими представителями могут сорваться, поскольку искренне считал, что американская помощь — единственная реальная, в отличие от Лиги наций и Международного Красного Креста, у которых нет материальной основы. Кроме того, он надеялся, что появление американцев в России будет иметь «глубокие политические последствия»³. С другой стороны, он боялся, что большевики захотят использовать голод как наживку, заманив, таким образом, американцев на переговоры, с целью добиться хоть какого-нибудь признания.

20 августа 1921 г. был подписан официальный договор между советским правительством и Администрацией. По нему АРА доставляла грузы в российские порты и распространяла помощь. Советские власти финансировали внутреннюю транспортировку, связь, безвозмездно предоставляли склады. Американская администрация имела право самостоятельно подбирать необходимый для работы служебный персонал из местного населения, работу которого оплачивала советская сторона⁴. Бахметев считал, что большевики пошли на этот шаг от отчаяния.

К тому времени за плечами АРА был уже 7-летний опыт работы в разных странах, да и ее руководитель обладал не только колоссальным опытом, репутацией, поддержкой прави-

¹ Правда 1922. 30 августа.

² Известия. 1921. 12 августа; Документы внешней политики СССР. Т. IV. С. 246–247.

³ Политическая история русской эмиграции. 1920–1940. С. 524.

⁴ Документы внешней политики СССР. Т. IV С. 281–286.

тельства США, но и, что самое главное, огромными продовольственными ресурсами. Б. А. Бахметев, проживавший в Америке и хорошо знавший ситуацию там, был уверен, что именно эта организация станет центром помощи, поскольку только она может, не смотря на сложное финансовое положение в США, благодаря авторитету и убедительности Гувера собрать деньги. Он отмечал, что и Гувер, и американская печать, и правительство США взяли «правильный тон и заклеямило большевиков, как коренную причину постигших Россию бедствий» и подчеркивал, что АРА стоит на принципиальной позиции абсолютной внепартийности, которую следует избрать и русским, собирающимся оказывать помощь голодающим. Он предлагал эмиграции работать именно через нее¹, что собственно и было сделано. Русское зарубежье действовало через так называемую посылочную программу АРА, которая завершилась в марте-апреле 1923 г. Отправка была платной, но вырученные средства также шли для реализации программы помощи голодающим.

Исследователь Р. Латыпов выделяет следующие мотивы помощи АРА РСФСР: 1) собственно гуманитарные; 2) экономические (стабилизация собственной экономики и преодоления кризиса в сельском хозяйстве); 3) политические (демонстрация эффективности «американской модели», могущее послужить катализатором эрозии социальной основы РСФСР)².

В плане мирового сотрудничества в этом вопросе, Б. А. Бахметев, полагал, что Европа, не имея собственных средств, но декларируя помощь голодающим, хочет прославиться за американский счет³. В. А. Маклаков добавлял к этому, что у американцев больше бескорыстия и умения, но и они считали, что «необходимо восстановить экономическую жизнь и экономическое здоровье России, именно поэтому они вместе могут быть против той политики, которую могут преследовать и англичане, поддерживая большевиков, и утописты вроде На-

¹ «Совершенно лично и доверительно!» Т. 1. С. 428–431.

² *Латыпов Р.* Помощь АРА Советской России в период «великого голода» 1921-1923 гг. // *Relga: научно-культурологический журнал.* 2006. № 1 (23). (URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=864&level1=mai>)

³ «Совершенно лично и доверительно!» Т. 1. С. 428–431

нсена или Международного Красного Креста»¹. В плане социально-политическом, он также высоко оценивал АРА. Но в отличие от некоторых эмигрантов считавших, что Гувер возрождает русский народ, организует общественность, «постепенно забирает в свои руки различные отрасли экономической и социальной жизни России, отбирая их у большевиков», Маклаков был реалистом и понимал, что это сильное преувеличение, поскольку представительства АРА в РСФСР это лишь «крошечные оазисы»². Условия изменились, когда прошел пик голода, и советское правительство объявило о победе над ним. АРА пыталась продолжить помощь на тех же условиях, но советские власти не пошли на это, и она вынуждена была уступить. Может быть, именно поэтому по прошествии времени и деятельность этой организации стала вызывать у эмигрантов некоторую иронию, что видно на примере стихотворного фельетона Лери, посвященного годовщине деятельности этой организации в России³.

*Хочу восторженно кричать,
Хочу я звуков марша! –
Сегодня Ара, так сказать,
Немного юбилярша...
Пальба... Че-ка... Винтовки ствол...
Грабеж... Убийства... Танки –
И тихим ангелом сошел
В Бэдлам сей честный янки...
А Ара мир несла кругом
И даже укрощала
Американским молоком
Советского шакала.
Тащите Аре поскорей
Голодные доллары,
Ах, нет ведь подвига светлей,
Чем подвиг этой Ары.
Давайте радостно кричать
И – громче звуки марша –
Принцесса Ара, так сказать,
Сегодня юбилярша!..*

¹ Там же. С. 443.

² Там же. Т. 2. С. 243.

³ Руль. 1922. 16 июля № 494.

Третья организация возглавлялась Ф. Нансеном, норвежским полярным исследователем и верховным комиссаром Лиги Наций по делам военнопленных. В августе 1921 г. на женевской конференции национальных ассоциаций помощи он был назначен верховным комиссаром Международного Комитета Помощи России. Эта организация объединяла в основном добровольные общества Красного Креста девяти европейских государств (Швеции, Голландии, Чехословакии, Эстонии, Германии, Италии, Швейцарии, Сербии и Дании). К ней советское правительство относилось наиболее благосклонно, видимо рассчитывая на посулы Нансена добиться у различных правительств и организаций долгосрочных займов под небольшой процент. В связи с чем, В. А. Маклаков называл Нансена фантазером. Правительство согласилось с условием, предъявленным этой организацией — наблюдение иностранными представителями за распределением продуктов¹. Б. А. Бахметев назвал это действие «глупой опереткой», поскольку денег у Нансена него не было. При этом, что особенно важно, было время, когда Нансен заявил о готовности помогать на более либеральных условиях, что по мнению бывшего дипломата навредило позиции, занятой гугеровским представителем Брауном². В современных исследованиях также встречаются мнения, что Нансен часто выдвигался советским правительством на первый план в пику Гуверу.

27 августа 1921 г. Нансеном было подписано два соглашения с советским правительством: о создании в Москве Исполнительного комитета международной помощи России и о гарантиях, предоставленных советской властью Нансену и его сотрудникам³. По мнению Маклакова в отличие от АРА, этот комитет был зависим от большевиков, которые входили в его представительство в России, а заключение этого договора только укрепило их позиции⁴. Дело в том, что этот договор оставлял верховный контроль за поставками помощи в руках советского правительства, без оговорки кому и где должна распределяться помощь. Эта организация и сама фигура Нансена

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 18, 21.

² «Совершенно лично и доверительно!» Т. 1. С. 432.

³ Документы внешней политики СССР. Т. IV. С. 294–298.

⁴ «Совершенно лично и доверительно!» Т. 2. С. 12.

контрастировали с АРА. Нансен был не очень хорошим организатором, не имел нужных административных качеств, возглавлял негосударственную организацию, хорошо был известен в России как полярный исследователь без политических амбиций, критиковал действия западных правительств, его представители «передавали продгрузы советским органам, не требуя создания собственного особого разветвленного аппарата»¹. Организации, которые выбрали Нансена, признали договор удовлетворительным, учитывая его комментарии, что при первом же разногласии с большевиками помощь им прекратиться.

Не сравнима была помощь этих двух организаций и в материально-финансовом выражении. На 9 февраля 1922 г. вклад АРА и американских организаций и частных лиц под ее контролем составил сумму 42 млн долл., Советской России – около 12 млн 200 тыс. долл., организация Нансена вместе с другими, кто находился под ее «зонтиком», – около 4 млн долл. По данным парижских «Последних новостей» к июлю АРА израсходовала 50 млн долларов. К сентябрю 1922 г. АРА закупила для России хлеба, продуктов питания и других товаров на 66 млн долларов. 20 млн долларов из этой суммы было выделено Конгрессом США. Было доставлено голодающим России около 30 млн пудов продовольствия, одежды, медикаментов. Всего за два года АРА было израсходовано около 78 млн долларов, из которых 28 млн – деньги правительства США, 13 млн – советского правительства, остальные – благотворительность, частные пожертвования, средства организаций. Если Международный Комитет Помощи России под руководством Нансена с сентября 1921 по сентябрь 1922 г. поставил в Россию 90 тыс. 700 тонн продовольствия, то АРА только за один год поставила около 790 тыс. грузов продовольствия (не считая одежды и др.)². Подводя в 1923 г. итоги деятельности этих международных организаций председатель ВЦИК и председатель ЦК Пом-

¹ Итоги борьбы с голодом. М., 1923.

² Последние новости. 1922. 22 июля; Трифонов И. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы НЭПа (1921–1937). М., 1960. С. 25; Латыпов Р. Помощь АРА Советской России в период «великого голода» 1921–1923 гг. // Relga: научно-культурологический журнал. 2006. № 1 (23). (URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=864&levell=mai>)

гола М. И. Калинин, называл следующие цифры: АРА спасла от голодной смерти 10,4 миллиона человек, а нансеновская организация, — 1,5 миллиона человек. Еще 220 тыс. от голодной смерти спасли другие благотворительные иностранные организации¹.

Надо сказать, что деятельность этой европейской организации была связана отчасти и с анкетной комиссией. После возвращения Нансена из РСФСР, председатель Женевской конференции Адор² уведомил Бриана, что конференция считает необходимым предварительное допущение в Россию комиссии Нуланса, а до тех пор никаких действий предпринято не будет. Об этом Нансен и информировал РСФСР. После возвращения из России он стал первым пропагандистом идеи открытия кредитов советскому правительству. Решение этого вопроса так же задерживалось в связи убеждением анкетной комиссии о его преждевременности.

Какова была реакция эмиграции в этой ситуации? Взаимоотношения РСФСР с иностранными благотворительными организациями ставили ее перед выбором. По мнению В. А. Макакова, с одной стороны, могло получиться так, что комиссия Нуланса будет только мешать прокормить голодающих, с другой, будет еще хуже, если осуществится план Нансена на предоставление кредита, который большевики используют в своих интересах. Оптимальной он считал политику Гувера в этом вопросе: «Необходимо не только не уступать, но и помешать, чтобы кто-либо помимо нас уступил», именно этим на тот момент и занималась анкетная комиссия³.

Но вернемся к Ф. Нансену. В эмиграции отрицательное отношение к его деятельности было связано не только с неподконтрольностью распределения нансеновским представительствам в РСФСР и вхождением в них большевиков. Дело было еще и в том, что одновременно с возглавлением комитета Красного Креста, он заступил на пост Комиссара Лиги Наций по беженским делам. Эмигранты считали, что большевизм и

¹ Калинин М. И. За эти годы. Л., 1926, кн. 1. С. 205.

² Представитель Швейцарии в Лиге Наций, председатель экономической и финансовой комиссии Лиги Наций.

³ «Совершенно лично и доверительно!» Т. 2. С. 14.

эмиграция не совместимы, поэтому деятельность Нансена в России противоречит помощи русским эмигрантам. На что тот ответил, что нельзя вводить политику в гуманитарные вопросы, поскольку тогда это является помехой помощи и голодающим, и беженцам¹. Варшавский эмигрантский комитет по борьбе с голодом не одобрял кандидатуры Нансена в Верховные Комиссары по делам русских беженцев в виду «чрезмерно доверчивого отношения Нансена к Советам»². В Русском Национальном Комитете (РНК) к нему относились как к большевистскому агенту, что вылилось даже в открытый конфликт. Его члены написали Комиссару письмо соответствующего содержания, что, естественно, вызвало с его стороны взрыв негодования и яростные нападки на Комитет, имевшие отражение в резком ответном письме. После чего в РНК разгорелись споры, отвечать на него или нет, и если да то не продолжить ли ругать Нансена дальше. В результате ответили открытым письмом, относительно сдержанно, но определенно враждебно. В нем, в частности говорилось, что голод в России усиливается и никто серьезной помощи не оказывает, а постановления брюссельской конференции, прислушавшейся к Нансену, таково, что ставит оказание помощи и открытие кредитов в зависимость от разного рода условий начиная с признания большевиками старых долгов и кончая переменой внутренней политики, что естественно не исполнимо, а поэтому понятно, что займа не будет³. Конечно, не все эмигранты относились к Нансену негативно. Некоторые охотно шли на контакт с ним (например, бывшие члены Учредительного собрания). В частности, Н. Д. Авксентьев после роспуска ВКПГ обращался к Нансену с просьбой о защите жизни членов ВКПГ после их ареста, которую тот поддержал.

Но вернемся к работе международных организаций. В РСФСР у них возникла масса проблем: начиная от слежки за их членами советских силовых структур, попыток их вербовки и заканчивая нападениями и расхищениями транспортов и

¹ ГАРФ. Ф. 5680, оп. 1, д. 23, л. 36.

² ГАРФ. Ф. 7004, оп. 1, д. 1, л. 70.

³ См. подробнее: РЗ. Ф. 7., оп. 1, ед. хр. 2. Дневники Н. В. Савича. Л. 44–45.

складов продовольствием и т.д. Может быть поэтому, в ноябре 1921 г. М. Горький делился с берлинским корреспондентом «Последних новостей» следующими соображениями: «На международную помощь в ее нынешних формах я возлагаю очень мало надежд. Да она и не может предотвратить катастрофы. Гуманитарная организация до сих пор не сумела оградить свои транспорты от нападений бандитов. Впрочем, одной американской помощи вообще недостаточно»¹.

В. А. Маклаков проанализировав ситуацию, пришел к выводу, что вокруг этих и других международных организаций, а также ВКПГ будет происходить борьба двух тенденций — «между желанием использовать голод, чтобы задушить большевизм, как систему, и между желанием под предлогом голода большевизм поддержать»². И действительно, в эмиграции разворачивается дискуссия, как по этим вопросам, так и по вопросу участия (неучастия) в деле помощи голодающим, размерах, методах, формах этой помощи. Бывший русский дипломат во Франции очень ярко описывает сложившуюся в этой связи ситуацию: «Сначала все понималось довольно просто. Одни злорадствовали несчастьем, которое постигло большевиков в уверенности, что эта катастрофа сбросит их власть. Другие, не надеясь на это, были уверены, что под влиянием голода большевикам придется идти на уступки, на сотрудничество с разумными элементами, к усвоению разумных методов, а потому большевизму все же конец; либо он провалится на попытках сохранить свою монополию и будет сброшен, либо будет поглощен другими элементами и видоизменится до того, что с ним можно будет помириться. В зависимости от этих двух надежд намечались и две тактики. Те, кто думал, что голод сбросит большевизм, логически заключали, что если так, то покуда он его не сбросил, с голодом бороться не следует, чем хуже, тем лучше... Отсюда политика невмешательства... Большинство находило, что нельзя оставаться безучастным к голоду, нельзя допустить десятки миллионов умирать, словом, что нужно помогать; но помогать на известных условиях, так, чтобы не

¹ Последние новости. 1921. 11 октября.

² «Совершенно лично и доверительно!» Т. 1. С. 442.

только большевизм на этом не укрепился, а напротив, чтобы этим его доканать. Эта точка зрения сделалась очень быстро общерусской. У русских людей не поворачивался язык сказать прямо: нет, не помогайте до тех пор, пока большевики не уйдут. У многих язык чесался это сказать и в некоторых статьях Бурцева, да даже и Керенского были истерические возгласы: «Уходите, уходите»... Савинков в своей «Свободе» держится той же точки зрения; но она только читается между строк; сказать он этого не решается»¹.

Надо заметить, что были среди эмигрантов и те, кто не останавливался на отрицании помощи голодающим, а предлагал использовать голод для военной интервенции, в частности используя вагоны с продовольствием (маршруты из Финляндии в Петроград) для переправки своих сил в Россию для борьбы там: «Нахождение путей к проникновению с продуктами в Петроград, конечно, длительно, но не невозможно и это надо сделать возможно скорее»². Центральное бюро партии социалистов-революционеров 15 июля 1921 г. выпустило воззвание «Голод в России», в котором призывало к свержению советской власти большевиков, к созданию в Поволжье беспартийной общественной организации (комитетов), которые должны были противостоять местным органам власти и вести антисоветскую пропаганду на почве голода^{34*}.

Часть эмигрантов, голод убедил в мысли о необходимости новой формы борьбы с большевизмом — экономической. Именно в эту сторону, с лета 1921 г. изменилась тактика достаточно реакционной газеты «Общее дело». Ее издатель, автор и идейный вдохновитель В. Л. Бурцев считал, что эмиграция не в состоянии реально помочь голодающим, более того эта помощь укрепит советскую власть, что идет вразрез с целями эмиграции, поэтому нужно ее бойкотировать⁵.

Большинству простых обывателей было и вовсе не до проблем голодающих. Они были поглощены своими личными за-

¹ Там же. С. 438–439.

² ГАРФ. Ф. 5893, оп. 1, д. 68, л. 25.

³ Воля России. 1921. 4 августа.

⁴ Эту точку зрения эсеры потом пересмотрели (см. далее).

⁵ Русский голод и борьба с большевизмом // Общее дело. 1921. 2 сентября.

ботами, устройством эмигрантского быта. У многих из них не хватало средств на собственную жизнь и пропитание, хотя, не редки были случаи равнодушного отношения к этой проблеме и состоятельных эмигрантов. Некоторые, как указывал «Руль» просто игнорировали вопрос о помощи, так что складывалось ощущение, что публикации о голоде «не производят как будто никакого впечатления на русскую эмиграцию, ей как будто никакого дела нет до того, что происходит на родине. Правда, разговоров по поводу голода происходит очень много, и это несчастье послужило новым поводом для всяких комбинаций, соглашений, паритетов, партийных счетов... Казалось бы — не останется ни одного эмигранта, который не откликнулся бы на тяжелое испытание так или иначе, который не уделит бы хоть какую-нибудь часть своего даже и самого скудного бюджета, который не проявил бы участия к бедствию родины... А между тем... пожертвования поступают невероятно туго. А где же те многочисленные эмигранты, которые теперь разъехались по курортам, которые наполняют всякие благотворительные балы, щеголяют бриллиантами и жемчугами? Неужели они останутся глухи? Ведь и они, полагаем, думают о возвращении в Россию»¹. Другие же самоустраняясь, перекладывали дело помощи исключительно на иностранные благотворительные организации и внутренние российские ресурсы. Так, например «Новое Время», предлагало «передать все дело помощи голодающим... в руки Святой православной Церкви»², поскольку это может сделать только она; Исполнительная Комиссия заграничной конференции членов Учредительного Собрания выпустила воззвание, в котором предлагала передать дело помощи России в руки тех государств, которые оставались нейтральными во время Гражданской войны³.

Споры и дискуссии в эмиграции по поводу голода шли очень оживленные. На этой почве, «вцепились друг в друга» и «погрызлись» «Последние новости» и «Общее дело», что для

¹ Руль. 1921. 25 августа. № 234.

² Цит. по: Белов В. Белая печать, ее идеология, роль, значение и деятельность (материалы для будущего историка). Ревель, 1922. С. 108.

³ Помощь. 1921. 29 августа. № 3.

многих было забавно, поскольку «для всякого беспристрастного читателя ясно было, что они говорили одно и то же»¹. Эта ссора была отражением отношения русского зарубежья к голоду — несмотря на полемику, которая развернулась в эмиграции по поводу извечных русских вопросов, кто виноват и что делать, многие эмигранты все-таки понимали, что бедствие постигло не советское правительство (оно-то как раз будет всегда сыто), а простых русских людей, которые и так страдают под ярмом коммунистов и очень нуждаются в помощи, в их помощи.

Не будем забывать, что у многих в России оставались родные и близкие. Хотя бы поэтому, вопрос о поддержке был для части эмигрантов риторический.

Б. А. Бахметев был убежден, что сомнений в том помогать или не помогать быть не может, нужно сделать все для спасения голодающих. Более того, вмешательство политики в этот вопрос и отказ от помощи, препятствие ей он называл антинациональными действиями. При этом он настаивал на том, что нельзя забывать, что голод порожден самой властью, а, следовательно, будет неизбежно повторяться. Поэтому он рекомендовал «избегать чего-либо такого, что может помочь продолжению и укреплению большевистской власти»². Для сторонников этой точки зрения вопрос помогать или не помогать так же не стоял, проблема была в другом — как должно быть организовано дело помощи.

Еще в начале марта 1921 г. Административный Центр, декларирующий себя внепартийной организацией, проанализировав экономическую и политическую ситуацию, сложившуюся в России предложил правительствам Антанты прийти на помощь голодающему населению столиц и северной России, заявить, что «они готовы немедленно направить туда транспорты продовольствия и одежды, питательные и санитарные отряды, что попытки, делавшиеся ранее в этом направлении, например организацией Нансена и Красного Креста, разбились о противодействие большевистской власти, не желавшей допустить эту помощь в таких условиях, при которых можно

¹ «Совершенно лично и доверительно!» Т. 1. С. 439.

² Там же. С. 426–427.

было бы иметь уверенность, что помощь эта пойдет всему голодающему населению, а не Красной армии и не привилегированным группам советской буржуазии», при этом должны быть даны гарантии действительной помощи населению¹. Однако, призывая правительства других стран оказать помощь, Административный Центр, по его же словам, преследовал, прежде всего, политические, а не гуманитарные цели: 1) опровергнуть легенды о том, что капиталистическая Европа морит голодом рабочих; 2) возложить ответственность за голод на самих большевиков; 3) на этом противопоставлении усилить ненависть голодающего населения к советской власти.

Но, естественно, среди эмигрантов были и такие, кто ставил перед собой одну единственную цель — бескорыстную помощь голодающим. Так, например, группы, примыкавшие к Комиссии Учредительного Собрания, полагали, что в деле помощи голодающим нужно установить своего рода политическое перемирие с большевиками и войти в непосредственное соприкосновение с Всероссийским Комитетом Помощи Голодающим (ВКПГ), общественной организацией созданной в РСФСР. В этом направлении представители Комиссии Учредительного Собрания шли до признания необходимости поддерживать в Европе организацию товарного кредита советской власти. Это направление мысли с небольшими вариациями проявлялось в разных местах от Лондона до Константинополя, даже в кругах идейно близких Национальному Союзу².

Призыв к сбору средств в помощь голодающим был подготовлен некоторыми эмигрантскими изданиями еще в период, предшествовавший началу реальной помощи голодающим. Вот что, например, писала газета «Руль»: «Теперь, однако, судьба большевиков отступает на задний план, все помыслы и вся энергия должны быть отданы страдающему безмерно народу. Нечего смущаться теми препятствиями, которые большевики воздвигают на пути организации и оказания помощи. Какие бы ухищрения они ни придумывали, нельзя сомневаться, что им не удастся поставить стену между умирающим от голода и

¹ ГАРФ. Ф. Р. 5893, оп. 1, д. 68, л. 4, 5, 10, 11.

² ГАРФ. Ф. 5680. оп. 1, д. 23, л. 34.

приносящим ему хлеб»¹. Многим эмигрантам вышеизложенная точка зрения представлялась опасным политическим соблазном, ведущим к соглашательству. Они были не против помощи как таковой, но считали, что нужно все тщательно взвесить, и сделать так, чтобы оказывать помощь именно голодающим. «Руль» же продолжал отстаивать свою позицию, призывая и другие эмигрантские издания поддержать ее: «Перед лицом того страшного бедствия, которое обрушилось на нашу родину, зарубежная печать должна была бы уподобиться принцу Гамлету, который, услышав призыв тени отца своего, обещал вытравить из души своей все впечатления и только о нем одном помнить»².

Часть эмигрантов высказывала следующие пожелания: 1) помощь должна быть оказана; 2) она должна быть сосредоточена в руках иностранцев, а не направляться непосредственно большевикам; 3) в Советской России иностранцы должны работать совместно с аполитическими общественными русскими организациями, ставя это условием своей помощи и четко контролируя независимость этих организаций³. Хотя последний пункт казался и самой эмиграции весьма сомнительным с точки зрения наличия таковых организаций.

Почему для эмиграции так важен был вопрос о распределении? Во-первых, эмигранты опасались, что выделенные продукты будут доставлены голодающим, а не останутся на складах в качестве запаса для дальнейшей продажи за границу или использовании для спецраспределений. Во-вторых, они понимали, что накормить всех голодающих не возможно, а поэтому большевики будут стремиться снизить остроту голодного недовольства, чтобы их не свергли. Следовательно, распределение могло быть не в наиболее голодные районы, а в наиболее недовольные, опасные и близкие (столицы, большие города, места по железным дорогам), и только потом — дальше, если хватит ресурсов.

На начальном этапе, в июне-июле 1921 г., отдельные эмигранты могли отправлять свои посылки только через междуна-

¹ Руль. 1921. 3 августа. № 215.

² Руль. 1921. 23 июля. № 206

³ «Совершенно лично и доверительно!» Т. 1. С. 422–423.

родные организации помощи. Видные деятели русского зарубежья, поддерживавшие дело помощи, обращались к главам правительств с просьбой оказать поддержку России, прежде всего с помощью продовольственных посылок. Не возражали некоторые группы эмигрантов и против предоставления кредитов. Так, в одном из протоколов заграничной делегации партии социалистов-революционеров читаем: «Партия не борется также и против открытия за границей кредитов Советскому правительству, т. к. действительная борьба с голодом возможна лишь при открытии государственных кредитов»¹.

Но некоторые из эмигрантов, стремясь оказать помощь, все-таки опасались, что своим участием, в силу своего «политического имиджа» невольно привнесут политическую ноту в сугубо гуманитарное и благотворительное мероприятие. Так, один из бывших сотрудников Российского Генерального Консульства в Лондоне после первых мероприятий русских кооперативных организаций Англии по оказанию помощи голодающим писал 5 августа 1921 г.: «... свалился камень с плеч. По получении первых известий о голоде в России первую же моей мыслью было — собрать русскую колонию или, по крайней мере, единомышленников в Лондоне и предложить им образовать Комитет для помощи голодающим. Но затем взяло раздумье, как бы политика или, во всяком случае политическая подозрительность, не отравили этого чистого дела в самом его зачатии. Одни боятся «белогвардейских интриг», другие опасаются, как бы под соусом помощи голодающим Н. К. Клышко^{2*} и иже с ним не проводили признания большевистской власти *de jure* и подчинения лондонских русских советской власти *de facto*...».³ Эти опасения, рождали политическую осторожность

¹ Выписка из протоколов заседания заграничной делегации ПСР от 26 декабря 1921 г. — 8 января 1922 г. // Революционная Россия. Центральный орган партии социалистов-революционеров. 1922. № 16–18. С. 49.

² Клышко Николай Клементьевич — представитель ВЧК, секретарь советской торговой миссии, прибывшей в Лондон в марте 1920 г. во главе с Л. Б. Красиным, являлся также его помощником на переговорах.

³ ГАРФ. Ф. Ф. 5977, оп. 1 д. 12. л. 91.

и настороженность: даже те русские, кто высказывался за помощь голодающим, при этом подчеркивали, что для нее есть ряд ограничений.

Одни были категорически против денежных займов иностранных государств и благотворительных организаций, выделяемых РСФСР для борьбы с голодом, поскольку считали, что эти средства большевики потратят не по назначению. «Последние новости» писали так: «Наш долг предупредить заграничные правительства и общественное мнение вовремя, что непосредственная передача займа Советскому правительству, не имея ничего общего с реальной помощью голодающим, лишь укрепит эту власть»¹. Когда же кредиторы начали сомневаться, газета замечает: «... едва ли есть основания опасаться, что новейшее предложение о займе для Советов будет положено в основу обсуждения. ... Слишком очевидно, что здесь идет речь о поддержке Советов, в момент, когда иссякает окончательно их золотой запас»².

Другие требовали гарантий при предоставлении кредитов. Так, по мнению другой эмигрантской газеты «Воля России», требовало гарантий. Она полагала, что международная помощь будет иметь «огромное, исключительное историческое значение, но к великому сожалению, значение, главным образом моральное», поскольку частной благотворительной помощи недостаточно, нужна международная помощь в государственном масштабе. То есть газета была согласна, что без долгосрочных кредитов сложно бороться с голодом, однако при этом она ясно осознавала, что для их получения Россия должна со своей стороны выполнять взятые на себя ранее обязательства (чего она не делала, отрекаясь от кредитов царского правительства)³. И здесь вопрос о гарантии погашения кредитов смыкается с другим — с вопросом о гарантиях как таковых.

Эмигранты хотели иметь реальные гарантии и того, что все, что отсылается в Россию, действительно доходит до голодающих. Советский автор В. Белов, исследовавший в те годы

¹ Последние новости. 1921. 24 июля.

² Последние новости. 1921. 3 сентября.

³ Воля России. 1921. 30 июля. № 267.

белую печать, считал, что это лишь повод, «зацепка», чтобы не помогать, потому что, во-первых, никаких гарантий кроме словесных и письменных обязательств дать невозможно, да и зачем они нужны, если эмиграция все равно большевикам не верит; во-вторых, было изначально понятно, что с эмиграцией Советская власть «ни в какие вообще разговоры о гарантиях вступать не будет, а, следовательно, из этого обстоятельства без труда можно будет создать *casus belli*: “Вот видите, мы хотели помочь, но только просим гарантий... Советская власть никаких гарантий не предлагает, а следовательно помощь не может быть осуществлена не по нашей вине”»¹. На самом же деле, эмиграция требовала не столько формальных обязательств со стороны советской власти, сколько право наблюдения и контроля на местах (своими собственными средствами или иностранными организациями) за распределением помощи. В противном же случае, эта помощь, по их мнению, могла бы пойти не по назначению («Очень надо кормить чекистов за свой счет, да еще приплачивать за пересылку»)².

Эти требования достаточно хорошо были сформулированы в программе помощи, подготовленной Гувером — контроль над распределением продуктов и материалов, независимость международных отрядов помощи от советского правительства, свободное привлечение к работе в отрядах всех желающих, гарантии личной и имущественной неприкосновенности. Эти моменты отражены и в телеграмме русских общественных деятелей, проживавших в Париже Г. Гуверу, в которой они благодарят за помощь: «Эта помощь нам тем дороже, что обусловленные Вами права контроля дают нам основание надеяться, что посланное Вами продовольствие дойдет прямо до голодающего населения, а не послужит к укреплению той самой власти, которая привела Россию на край гибели. В то же время мы горячо приветствуем как избранный Вами способ помощи — посылку продовольствия, а не предоставление денежных для этой цели средств советской власти, так и Ваше

¹ Белов В. Белая печать, ее идеология, роль, значение и деятельность (материалы для будущего историка). С. 106.

² Русское Эхо. 1921. 19 ноября.

твердое решение ограничить Вашу поддержку пределами строго благотворительности»¹. Именно поэтому, большинство эмигрантов поддерживали эту программу, а не программу Нансена, с которой многие из них боролись и пытались не допустить ее принятия Лигой Наций², о чем мы уже упоминали ранее.

Были, конечно, и те, кто безоговорочно выступал за помощь голодающим без всяких условий и ограничений. Так, «Смена вех» указывала, что каждый месяц отсрочки помощи и кредитов стоит России 2 000 000 человек. Ее авторы считали «новую тактику» эмигрантов («за помощь, но против кредитов») преступной, полагая, что необходимо «отказаться от всякой тактики там, где дело идет о спасении своего народа от вымирания»³. Эмигранты отправляли посылки через международные организации помощи голодающим, но, вероятно, это было не всегда удобно (по финансовым или др. соображениям). Постепенно русская поддержка соотечественников, оставшихся на Родине, стала приобретать в эмиграции более организованный характер. На это повлияли также и некоторые перемены, произошедшие в РСФСР.

Во-первых, в июле 1921 г. там был создан Всероссийский общественный комитет помощи голодающим (ВКПГ). В нем работали виднейшие представители русской интеллигенции, он был общественной, не политической организацией. Поэтому для эмиграции, стремившейся помочь голодающим, но не желавшей, чтобы эта помощь была использована большевиками не по назначению, комитет мог стать реальным посредником. Однако его создание и возможность сотрудничества с ним были восприняты русским зарубежьем неоднозначно. Более подробно о ВКПГ и спорах русского зарубежья вокруг него мы расскажем в третьей главе.

Во-вторых, в августе 1921 г. В. И. Ленин впервые в истории существования РСФСР обратился к мировой общественности с просьбой о помощи. 2 августа 1921 г. парижские газеты сообщают: «Ленин обращается с просьбой о внешней помощи

¹ Чему свидетели мы были... Сб. док. В 2-х кн. М.: «Гея», 1998. Т. 2. С. 409–410.

² См.: ГАРФ. Ф. 5760, оп. 1, д. 56.

³ Смена вех. 1921. № 16.

России, ставшей жертвой голода!»¹. Это было неожиданностью для многих эмигрантов.

В-третьих, откликаясь на этот призыв, официальные представители властей Германии, Франции, США выразили готовность оказать помощь, подав пример своими действиями другим странам и собственно эмиграции. Вот, что пишет по этому поводу Б. Бахметьев в уже упоминавшемся письме П. Н. Милюкову: «...Я считаю, что самый факт выступления американцев в России на независимых основаниях будет иметь глубокие политические последствия. Для этого вовсе не надо, чтобы они ставили себе какие-либо определенные цели, намеренно стремились пользоваться беспартийными комитетами, усиливая их и образуя в лице их новые центры власти. Все это выйдет само собой и нам, русским, искренно желающим помощи, надо сдерживать иностранцев и даже своих собратьев от того, чтобы связать с образованием беспартийных комитетов и сношениями с ними иностранцев какие-то политические намерения. Мы этим ослабим комитеты, а не усилим их, так как дадим большевикам оправдание в ограничении или даже полном устранении учреждений»².

Вышеперечисленные факторы оказали существенное влияние на эмиграцию, которая стала уже не просто размышлять абстрактно о голоде и теоретизировать по поводу возможной помощи, а приступила к практической деятельности по ее оказанию. Причем, если на этапе май-июль, она носила еще не систематический, не организованный и не регулярный характер, то с конца июля — начала августа он изменился коренным образом благодаря созданию и деятельности эмигрантских комитетов помощи голодающим, о которых и пойдет речь в следующей главе.

¹ Цит. по: *Костиков В.* Не будем проклинать изгнания... С. 124.

² Цит. по: *Лысенко А.* Голос изгнания... С. 102–103.

Глава 2

ЭМИГРАНТСКИЕ КОМИТЕТЫ ПОМОЩИ ГОЛОДАЮЩИМ В РОССИИ

Рассказ об эмигрантских Комитетах помощи голодающим, их структуре, практической деятельности, взаимодействии с другими организациями и друг с другом, хотелось бы предварить впечатлением от их деятельности самой эмиграции. Газета «Воля России» писала, что они были образованы почти во всех европейских центрах, но не могли иметь крупного самостоятельного значения, на что был ряд причин:

- 1) опирались на распыленную и нищую эмиграцию;
- 2) могли собрать лишь незначительную сумму;
- 3) у них не было таких технических и организационных сил, которые могли бы быть немедленно мобилизованы на борьбу с голодом;
- 4) причины политического характера ставили под сомнение их возможность послать необходимых людей в голодающие губернии.

Отсюда газета делала вывод — «задача русских комитетов ограничивается пределами довольно скудных возможностей беженства. Это не значит, что комитеты бесполезны, и организовывать их не нужно. Они могут сыграть свою, пусть небольшую плодотворную роль, если точно установят цели и характер своей деятельности». И «Воля России» видела такую цель не финансовой деятельности, а в пропаганде и воздействии на общественное мнение Запада. Но для успешной работы, по мнению авторов, «необходимо согласовать все усилия, придать им стройность и единообразие», по возможности, создать единый орган, что облегчит деятельность. «Однако, задачи русских комитетов не исчерпываются деятельностью по организации и расширению помощи голодающим за границей. Они должны стать опорными пунктами для тех общественных элементов, которые постепенно организуются внутри

самой России (контакт с ВКПГ, духовная поддержка людям, живущим в России). «Пожалуй, не менее сложным, чем определение задач комитетов, является вопрос о способе его создания. Не требует доказательств основное положение: комитеты помощи за границей носят не политический, а строго деловой и технических характер. Однако, нельзя сказать, чтоб политический момент отсутствовал вовсе: эти комитеты отнюдь не правительственные, своим происхождением они обязаны общественной инициативе, и основные признаки общественности — выборность, публичность, гарантии личной свободы и независимости и пр. — накладывают на них свой отпечаток. Само собой разумеется, что деловой принцип, легший в основу создания комитетов, позволяет объединиться в деле оказания помощи голодающим лицам различных политических взглядов и группировок. Но тот же принцип делового сотрудничества заставляет нас осудить создание комитетов помощи путем представительства от организаций». Однако, — с прискорбием констатирует газета, — большинство организаций существует лишь на бумаге, они влечат жалкое существование, беженская масса в них не участвует, те же объединения, которые обладают реальной силой и связью с Россией являются чисто политическими группами, поэтому комитеты помощи голодающим за границей могут создаваться лишь по персональному признаку. Это обеспечивает работоспособность и аполитичность комитетов, т. к. если по принципу организаций, то одна из них могли бы добиться там большинства и не смотря на декларацию аполитичности повести свою политическую линию, они будут рассчитывать, что работа в таких комитетах поднимет их политическую репутацию в глазах народа¹.

Мы специально привели такой длинный отрывок из газеты, чтобы более ясно увидеть основные направления и основные проблемы, возникавшие в Комитетах помощи в разных странах, с точки зрения самой эмиграции, которые, на наш взгляд, очень четко отражены в этой статье. Все ли в ней на самом деле соответствует действительности, попытаемся в этом разобратся.

¹ Воля России. 1921. 14 августа. № 280.

Но сначала скажем несколько слов о двух других организациях, оказывавших посильную помощь голодающим. Русская Православная Церковь за границей никогда не была в стороне от проблем русского народа и своей Родины. В августе 1921 г. митрополит Антоний (Храповицкий), Высшее Церковное Управление за границей (ВЦУ) обратились с призывом помочь голодающим и установили тарелочный сбор¹. Такие же шаги были предприняты и подведомственными ВЦУ русскими заграничными епархиями. Во многих странах, где проживали эмигранты, в русских православных церквях возносились специальные молитвы о спасении голодающих, стояли кружки для сбора пожертвований. В результате предпринятых шагов, в распоряжении Высокопреосвященного Антония было передано на помощь голодающим до миллиона динар пожертвований, значительная часть которых поступила от Патриарха Антиохского Григория. Часть этих денег (20 000 \$) пошли на закупку и отправку в Россию продуктов для раздачи через АРА от имени Патриарха Тихона². У митрополита Антония был также план перевоза из России голодающих русских детей и расселения их в православных сербских семьях. Его воззвание к сербам по этому вопросу получило самый широкий отклик. Управляющий западно-европейскими приходами митрополит Евлогий (Георгиевский), на собранные в подведомственных ему храмах деньги, купил вагон пшеницы и с помощью немецкого Красного Креста отправил его в адрес Патриарха Тихона для передачи голодающим (хлеб был передан крестьянам Саратовской губ.)³. Высокопреосвященный Анастасий (Грибановский) из Константинополя и другие архиереи-эмигранты также стремились оказать всяческую поддержку голодающим, в том числе и своими обращениями к главам Церквей. На их призыв живо откликнулись Патриархи Антиохский, Константинопольский, Кипрский и другие, которые направили свои денежные пожертвования Патриарху Всероссийскому. Проблема помощи голодающим была даже специально поднята во время первого

¹ Тарелочный, кружечный сборы — добровольные пожертвования, вносившиеся прихожанами в церквях, где они были установлены.

² Ф. 6845, оп. 1, д. 2, л. 13.

³ Ф. 6845, оп. 1, д. 2, л. 13об.

Русского Всезарубежного церковного собора, проходившего в Сремских Карловцах (КСХС), в связи с чем на заседании 13 ноября 1921 г. с докладом по этому вопросу выступал архиепископ Анастасий (Грибановский)¹. Кроме того, Церковь подключилась к деятельности специально созданных комитетов помощи голодающим, всячески поддерживая их.

Поддержал инициативу по сбору и выделению средств (из бывших государственных сумм) на нужды голодающих эмигрантский Совет послов.²

Еще до создания Комитетов в эмиграции действовала такая организация как Российский Красный Крест, которая играла важную роль в деле помощи голодающим. В частности его председатель Ю. И. Лодыженский обратился с письмом к председателю Международного комитета Красного Креста с просьбой взять на себя инициативу по созыву Международной конференции помощи голодающим. Такая конференция была созвана в Женеве (всего же их состоялось 3). Для ее участников Полунин³ составил очерк (на фр. яз.) о проблеме голода в России в прошлом и настоящем с наглядной картой. Из русских эмигрантских организаций на ней был только Красный Крест, присутствовал и представитель советского Красного Креста, остальные были делегированы различными иностранными благотворительными и общественными организациями. Когда последние стали высказывать благодарность советскому правительству за его согласие допустить организацию международной помощи голодающим, Лодыженский не выдержал и попросил слова. В нем было отмечено, что он, как участник собрания и отчасти его инициатор, отказывается присоединиться к выражению благодарности тем, кто явля-

¹ Русская православная церковь за границей. 1918–1968 гг. / Под ред. А. А. Соллогуба. Т. 1. Н. У.: Изд-во Русской Духовной миссии в Иерусалиме Русской Православной Церкви за границей, 1968. Ст. 34.

² См. подробнее: Кононова М. Деятельность дипломатов царского и Временного правительств в эмиграции в 1917–1938 гг. / М. Кононова // Международная жизнь. 2001. № 9–10. С. 82.

³ Мы не можем персонализировать этого человека, но очевидно это был один из членов русского Красного Креста.

ется действительным виновником голодной катастрофы, ибо такого случая в анналах благотворительных организаций еще не было – чтобы они благодарили тех, кто причиняет людям величайшие страдания. Это выступление вызвало переполох. Поэтому, когда на Второй аналогичной конференции в 1923 г. он попросил слово, председатель собрания заволновался, однако докладчик ограничился чисто деловым изложением проделанной за истекший год работы. Как он отмечает в своих воспоминаниях, к тому времени на Западе уже стало известно, «что вытворяли коммунисты, пользуясь голодной катастрофой, как они саботировали иностранную помощь, всячески затрудняя работу представителей американских и европейских организаций, а главное, как они грабили и кощунствовали в храмах и преследовали духовенство под предлогом «изъятия ценностей» в церквях, якобы на нужды голодающих», а Всероспомгол был распущен¹. Если на международной арене председатель русского Красного Креста больше не выступал с публичными антисоветскими речами, то на заседаниях своей организации, например на одном из заседаний Красного Креста в США, обвинял советский Красный Крест, в том, что Советское правительство вместо помощи голодающим тратит деньги на международную коммунистическую агитацию и т. д.² Представители русского (эмигрантского) Красного Креста входили и в организации, созданные специально для помощи голодающим.

Так, Российское общество Красного Креста стало членом Объединения Русских общественных организаций в Белграде по борьбе с голодом в России (Объединенный комитет) – первой организации, возникшей в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев (КСХС) для помощи голодающим России. Помимо этого в него вошли представители Всероссийского союза земств и городов, Русско-Сербского общества врачей, Общества ученых, Союза русских инженеров и Союза Русских Агрономов, Ветеринаров и Лесоводов. Как связующее звено

¹ Лодыженский Ю. И. Помощь голодающим в России // Ю. И. Лодыженский. От Красного Креста к борьбе с коммунистическим Интернационалом. М.: 2007. С. 225–227.

² Голод 1921–1922. Сборник. Издание Представительства Российского Общества Красного Креста в Америке. – N. Y., 1922. С. 112.

с печатью персонально был приглашен Е. А. Егоров. Состав объединения постоянно менялся: уже в середине августа в связи с организацией другого общества с более широким представительством (о котором речь пойдет позже) из него вышло Русско-сербское общество врачей, в конце марта 1922 г. оно вновь присоединилось к комитету, в конце сентября без объяснения причин вышел из состава объединения представитель печати Е. А. Егоров.

Предыстория создания комитетов помощи голодающим в Белграде такова: впервые вопросы о необходимости создания комитета обсуждались на заседании Российского Национального Комитета (РНК) в Белграде еще 1 июля 1921 г.¹ Установки самого РНК в отношении голода были следующими. Он считал, что необходима оптимизация снабжения голодных районов. Для чего должны быть предприняты следующие меры: ремонт подвижного состава, организация базисных складов (Царицын, Козлов, Трищево, Рузаевка, Самара) для последующей развозки из них по районам, обеспечение продовольствия в портах военной охраной, передача всего дела распределения исключительно в руки иностранцев². Что касается организации комитета помощи, то к началу августа выяснилось, что в эмиграции существуют определенные разногласия относительно его структуры — создавать один или несколько комитетов, по персональному признаку или от организаций. При этом, Земско-городской комитет выразил мнение, что войдет туда только если это будет единая организация или создаст свою собственную³. Поэтому появился не один, а несколько комитетов.

29 июля 1921 г. было срочно созвано заседание ряда организаций (которые мы перечисляли ранее) для обсуждения доклада агронома А. А. Рышнина «О современном голоде в России и необходимости принятия мер по борьбе с ним», в котором приняли участие также и представители Русского Общества Красного Креста и Всероссийского земского союза. На этом заседании было решено: «1) В срочном порядке разрабо-

¹ См.: ГАРФ. Ф. 6096, оп. 1, д. 1, л. 9–13.

² ГАРФ. Ф. 6790, оп. 1, д. 6, л. 14–15.

³ ГАРФ. Ф. 6096, оп. 1, д. 1, л. 21.

тать обращение общего характера, содержащее в себе призыв к оказанию немедленной помощи голодающему населению; 2) Составить план деловой работы», организаций принимавших в нем участие¹. 1 и 8 августа состоялось 2 заседания, посвященных организации Объединения и написанию «Обращения», в ходе которых и были разработаны уставные документы и создан собственно сам Комитет^{23*}. На учредительном собрании был избран Президиум в составе: председателя В. Д. Евреинова, членов А. И. Стебута, П. Ф. Иорданова, А. И. Щетинцева, секретаря Е. А. Егорова⁴.

Вначале объединение имело своей целью выработку реальных планов по борьбе с голодом в России и подготовку личного состава из среды эмигрантов на тот случай, если их труд потребуется для иностранных организаций помощи России. То есть главная задача объединения состояла в оказании «технического содействия иностранным обществам, взявшим в свои руки дело помощи русскому народу»⁵.

Позднее цели и задачи объединения были расширены, а именно: «1) изучение экономического строя заграничных стран; 2) выработка проектов и планов подъема будущей России; 3) познание себя, т. е. выявление среди беженцев экономически творческих и др. сил, необходимых для разрешения поставленных задач; 4) организация библиотек и вообще создание условий, при которых специалисты эмигранты, опыт и знание которых потребуются для будущей России, не только не утрачивали своих знаний, но и имели возможность держать их на прежней высоте, а также развивать и усовершенство-

¹ ГАРФ. Ф. 6845, оп. 1, д. 3, л. 86.

² Там же. л. 86об.

³ В. Д. Козлитин датирует создание Комитета 5 августа, однако без ссылки на источник (см.: *Козлитин В. Д. Указ. соч. С. 246–247*).

⁴ ГАРФ. Ф. 6845, оп. 1, д. 3, л. 87.

⁵ Бюллетень Объединенного Комитета Российского Общества Красного Креста, Всероссийского Земского Союза и Всероссийского Союза Городов в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев. Белград, август 1921. С. 30–31.

вать»¹. В основу объединения были положены главным образом трудовые задачи. Было решено, что в объединение будут входить те трудовые организации, которые, помимо помощи своим членам, ведут работу и общественного характера.

Работа Комитета была распределена не по секциям, как это было сделано в большинстве аналогичных комитетов в других странах, а по организациям, входящим в его состав. Российское общество Красного Креста объявило запись врачей, сестер милосердия и санитаров, чтобы иметь возможность при первой необходимости создать санитарные отряды. Земский Союз занимался разработкой вопроса об индивидуальных посылках. Союз городов – вопросом о помощи ученым и их семьям. Союз русских инженеров – подготовкой сотрудников, могущих при первой возможности, отправится в Россию для восстановления и эксплуатации транспорта, его представители осматривали так же санитарный поезд, подготовленный к отправке. Союз Русских Агрономов, Ветеринаров, Лесорубов – вербовал своих членов для участия в продовольственных отрядах для деятельности в самой России, составил записку о посевной кампании 1921 г.

Общая работа объединения сводилась к следующему:

«1) На заседании Объединения обсуждались общие принципы работы по разрешению вопросов, касающихся помощи голодающим в России.

2) Был открыт прием заявлений от русских беженцев, желающих принять участие в работе по продовольствию...

3) Было принято обращение от группы Донских казаков рассмотреть (в связи с помощью голодающим) вопрос возможного вывоза семей беженцев из голодных мест России.

4) Поступило обращение от Лондонского, Варшавского аналогичных объединений (аналогичных по целям) с предложением вступить с ними в информационную связь»².

К концу сентября 1921 г. Комитет уяснил, что иностранные организации помощи голодающим не могут воспользоваться русскими добровольцами и послать их для распределения

¹ ГАРФ. Ф. 6845, оп. 1, д. 3, л. 86об.

² Там же, л. 88–88об.

продовольствия и борьбы с эпидемиями в Россию, в связи с чем, встал вопрос о необходимости и целесообразности продолжения деятельности Объединения. Однако работа была продолжена.

23 февраля 1922 г. состоялось заседание Объединения, на которое были приглашены особые гости, в частности архиепископ Нежинский Досифей, правительственные уполномоченные, секретарь Державной Комиссии, бывший российский генеральный консул в этой стране А. А. Башмаков, Е. К. Челнокова, проф. Плетнев, проф. А. И. Стебут, проф. Челинцев, С. Г. Семенченко, В. П. Агапеев, Г. Г. Миткевич и другие лица (всего 52 человека)¹. Основной темой собрания была международная Женевская конференция, обсуждавшая ситуацию в России. Архиепископ Досифей был на ней в качестве официального представителя КСХС по делам помощи голодающим. На конференции он встречался и беседовал с возвратившимися из России делегатами различных организаций помощи. На расширенном заседании Объединенного комитета Досифей сделал доклад, в котором затронул основные вопросы, обсуждавшиеся на Женевской конференции, положение в России, иностранную помощь и др. Доклад вызвал массу вопросов, на которые архиепископ с удовольствием ответил, более того он предложил русской эмиграции свою личную помощь: «если у кого появляются опасения ухудшить положение лиц, кому посылаются посылки (например, лишение пайка, усиление надзора Чека и пр.), то предлагает все посылки и письма отправлять от имени его, Архиепископа Досифея, ибо он был в России, учился там, любит Россию и считает своим долгом в пределах возможности оказывать помощь»². Всего же за время существования Объединения было сделано 1 обращение, 9 докладов, до 40 осведомительных сообщений, созвано 24 заседания³. Все доклады были направлены в периодическую печать и в крупные экономические центры.

Последние сохранившиеся протоколы Объединенного комитета датированы началом марта 1922 г., что свидетельству-

¹ Там же, л. 82.

² Там же, л. 84об.

³ Там же, л. 89об.-90.

ет о том, что до этого времени организация оставалась действующей. Продолжила свою работу она и позже, по крайней мере, до конца июля 1922. 14 июля 1922 г. на заседании РНК Н. Н. Салтыков доложил о решении Комитета объединенных организаций по борьбе с голодом в России обратиться к Гувенору по поводу годовщины его плодотворной работы и о желательности сообщить его и другим гуманитарным организациям материалы о действительном положении голода в России. На том же заседании был сделан доклад проф. А. Н. Челинцева о современной ситуации в России и видах на будущее¹. Судя по всему об этом же комитете идет речь и на заседании РНК от 23 июля 1922 г., в котором говорится, что он постановил образовать следующие комиссии: «а) для выяснения размеров бедствия под председательством г. Соколова, б) для выяснения источников снабжения и денежных средств, под председательством Ф. И. Родичева, в) по вопросам транспорта, под председательством Е. А. Шателена, г) по распределению продовольствия под председательством Я. Д. Прядкина»². То есть в конце июля 1922 г. комитет по прежнему строил планы и не помышлял о своем закрытии.

Мы уже упоминали о том, что в КСХС был создан и другой комитет помощи голодающим. 12 августа 1921 г. по инициативе бывшего российский посланника в этой стране В. Н. Штрэндтмана в Белграде состоялось совещание представителей эмигрантских организаций, находящихся здесь, посвященное помощи голодающим в России. На нем был создан Комитет помощи голодающим в Советской России (Общественный комитет), который поддержали более 20 русских организаций, находящихся в КСХС (исключение составили представители Земского и городского союзов, Общество русских агрономов, конституционные демократы и примыкавшие к ним группировки, и некоторые другие)³. На совещании было избрано Исполнительное Бюро Комитета помощи голодающим в России в которое вошли: митрополит Антоний (Храповицкий)

¹ ГАРФ. Ф. 6790, оп. 1, д. 18, л. 31.

² Там же, д. 1, л. 47.

³ Козлитин В. Д. Указ. соч. С. 246–247.

(председатель), С. Н. Палеолог (тов. председателя), Т. В. Локоть, П. В. Скаржинский, А. Н. Шуберский и другие. Работа велась по трем основным направлениям: сбор информации о положении в России, ее анализ и доведение ее до сведения эмигрантов и местных жителей; агитация и пропаганда; сбор средств (с помощью митингов, концертов, благотворительных вечеров)¹.

Обе созданные организации сами не занимались пересылкой помощи в Россию, а передавали ее через учреждения КСХС². Для урегулирования и согласования их деятельности было создано общее бюро, в состав которого вошли президиумы обоих комитетов и представители Земско-Городского комитета³. Это бюро решало наиболее актуальные вопросы. Например, вопрос о самообложении. В большинстве комитетов помощи в других странах активно шел сбор с помощью этого метода, о котором мы расскажем чуть позже, бюро в КСХС постановило воздержаться от него, сочтя не целесообразным⁴. Но в основном, на бюро выносились проблемы, которые вызвали разногласия Комитетов. Так, например, в конце сентября обсуждались следующие вопросы, по которым Комитеты никак не могли прийти к единому мнению: а) с какими организациями помощи входить в общение; б) о кредите на дело помощи; в) о контроле по распределению продовольствия. В результате долгих споров были выработаны следующие решения: а) входить в общение с теми организациями, где нет большевиков; б) мнения разошлись – Объединенный комитет и Земско-Городской комитет высказались категорически против кредита советской власти, Общественный комитет допускал возможность товарного кредита, при условии передачи товаров непосредственно в распоряжение Международного Комитета;

¹ ГАРФ. Ф. 7004, оп. 1, д. 1. л. 24об., 70.

² Новое время. 1922. 18 октября, 25 октября, 27 октября, 1 ноября, 11 ноября, 29 ноября, 19 декабря.

³ ГАРФ. Ф. 6096, оп. 1, д. 1, л. 45.

⁴ Зарплата сборщиков должна была составить 2000 фр. в месяц (ГАРФ. Ф. 6096, оп. 1, д. 1, л. 74), а денежные же сборы в русской колонии в КСХС к 9.12.21. составили всего 5120 фр. (ГАРФ. Ф. 6096, оп. 1, д. 1, л. 121.)

в) первые две организации признали необходимость действительных гарантий по распределению помощи, Общественный комитет настаивал на оговорке, что требование гарантий не следует распространять на местные общественные организации в Советской России¹.

Последнее упоминание о борьбе с голодом в КСХС встречается в совсем уже ином контексте и значительно позже. 23 декабря 1923 г. Русский Национальный Комитет (РНК) в этой стране выпустил обращение к правительствам и народам всего мира. В нем говорилось, что иностранные организации, в частности Нансена и Гувера, помогают Советской власти, которая собирает продналог и продает хлеб за границу. РНК призывал: «не берите хлеба насильно отнятого у умирающего от голода русского народа»².

5 августа 1921 г. в Англии на собрании русских общественных деятелей, созванном по инициативе кооператоров и членов Земско-Городского Комитета (присутствовало по одним данным 58 человек³, по другим – 39⁴) был создан Лондонский общественный комитет помощи голодающим в России. Членство осуществлялось на основе личного представительства людей, выбранных организациями, вошедшими в Комитет. Об образовании комитета была информирована общественность как за границей, так и в России. В частности, комитет обратился в редакции эмигрантских газет «Руль», «Голос России», «Общее дело», «Последние новости», «Воля России» с просьбой поместить информацию об образовании комитета. Он послал ВКПГ телеграмму, в которой, выражая желание работать согласованно с ним, запрашивал дополнительную информацию и просил сообщить состав и маршрут делегации Всероспомгола за границей⁵. На общем собрании был избран временный комитет: А. С. Орлов, С. П. Тюрин, В. Н. Зальгейм, М. В. Брайкевич, Н. В. Чайковский, В. Динео-Шкловский, Х. В. Автономов.

¹ ГАРФ. Ф. 6096, оп. 1, д. 1, л. 72.

² ГАРФ. Ф. 6790, оп. 1, д. 6, л. 18.

³ ГАРФ. Ф. 5977, оп. 1, д. 11. л. 235–236.

⁴ ГАРФ. Ф. 7004, оп. 1. д. 1, л. 33.

⁵ ГАРФ. Ф. 5977, оп. 1, д. 11. л. 235–236.

Временному комитету было поручено: 1) выработать положение о комитете на основе предложений инициаторов, принятых собранием; 2) легализовать Комитет; 3) войти в сношения с Московским Комитетом; 4) выработать план практических мероприятий на ближайшее время¹. Кроме того, собрание постановило: «1) войти в связь с английскими учреждениями и организациями занятыми помощью голодающим в России; 2) организовать правильную информацию английских общественных кругов о положении в России; 3) открыть сбор пожертвований»². В комитет вошли представители 33 русских эмигрантских организаций (кооперативных, творческих, общественных, профсоюзных)³. Руководящим органом Комитета стал Исполнительный комитет (28–30 человек в разное время), избранный на общем собрании русского общества в Англии 13 августа 1921 г.

В уставе Комитета так говорилось о его целях: «а) проявление возможной инициативы по привлечению к делу помощи русским голодающим английских общественных и других организаций; б) организация сбора пожертвований для голодающих среди русского населения, проживающего в Англии; в) направление таких пожертвований в Россию и установление нужной для этого связи со всеми органами, работающими по помощи голодающим в России и за границей; г) поддержание в целях взаимной информации и сотрудничества связи с английскими организациями, преследующими те же цели; д) объединение предложений общественных работников, желающих отправиться в Россию лично для целей работы в организациях по помощи голодающим или в борьбе с эпидемиями. Выяснение вопроса о возможности использования труда таковых лиц»⁴.

Определить основные направления работы Комитета, помогают также названия комиссий, созданных для решения практических задач: 1) по сбору пожертвований; 2) посылочная; 3) медико-санитарная; 4) заготовительная семенная; 5) эконо-

¹ ГАРФ. Ф. 7004, оп. 1. д. 1, л. 33.

² ГАРФ. Ф. 5977, оп. 1, д. 11. л. 236.

³ Там же, д. 3, лл. 17–18.

⁴ ГАРФ. Ф. 5977. оп. 1, д. 5, л. 7.

номическая; 6) литературно-информационная. Соответственно, первые четыре занимались сбором денег, медикаментов, продуктов, товаров, семян (дабы помочь голодающим и избежать повторения голода в следующем году) и их отправлением. Экономическая комиссия занималась аналитикой – изучением и прогнозированием ситуации в России, изысканием путей дальнейшего бескризисного развития ее экономики, и прежде всего, сельского хозяйства, а литературно-информационная – освещением всех этих вопросов в печати.

Средства общества составляли членские взносы (1Ч в год), а также и отчисления и пожертвования различных организаций и частных лиц¹ (в том числе по подписным листам и при помощи концертов, спектаклей и других доходных мероприятий^{2*}). Причем, если соотносить размеры денежных пожертвований от частных лиц и от организаций, то последние, несомненно, были в несколько раз больше. Так на 1 октября от кооперативных организаций поступило 40 200 Ч, от частных лиц – 288,14,6 Ч³ (по данным исследователя Е. Б. Кудряковой – 567,12,5 Ч, хотя она и не фиксирует четко происхождение этих пожертвований⁴). В Лондонский комитет поступали деньги собранные в православных церквях Англии с помощью кружечного сбора⁵. В уставе оговаривалось, что в случае ликвидации общества его средства могут быть обращены только на передачу аналогичным организациям гуманитарного характера или Международному Красному Кресту⁶. Помимо денежных пожертвований Комитет собирал вещи, медикаменты. Так, в ноябре 1921 г. из Лондона в Ригу при посредничестве АРА им был отправлен в Россию груз с медикаментами, полученными им от Земско-Городского комитета⁷.

¹ Там же, л. 8.

² Так, например, концерт, который был дан 26 сентября 1921 г., организованный благодаря С. Л. Барк в г. Истборне принес 244, 11, 11 Ч (ГАРФ. Ф. 5977. оп. 1, д. 11, л. 117.)

³ ГАРФ. Ф. 5977. оп.1, д.11, л. 143.

⁴ Кудрякова Е. Б. Указ. соч. С. 29.

⁵ ГАРФ. Ф. 5977, оп. 1. д. 13, л. 109.

⁶ Там же, д. 5, л. 8–9.

⁷ Там же, д. 13. л. 4, 6.

Благодаря Лондонскому комитету и его сотрудничеству с АРА удалось наладить отправку индивидуальных посылок в Россию. Об этом стоит сказать отдельно, поскольку для эмигрантов этот вопрос был весьма актуален. Многих русских за границей волновала не столько абстрактная помощь голодающим вообще, сколько поддержка своих родных и близких, оставшихся на Родине. В эмигрантские комитеты помощи голодающим всех стран поступали письма с вопросами относительно индивидуальных посылок. Когда стал прорабатываться этот вопрос, выяснилось, что в лимитрофных государствах и пограничных странах заготовка и отправка таковых производится, во-первых, лишь в крупные города Центральной России (а как выяснили комитеты помощи, основная часть эмигрантов хотела отправить посылки на юг России), во-вторых, она велась на спекулятивных началах, в-третьих, доставка адресатам не гарантировалась. Переправку посылок предлагали курьеры советских дипломатических и торговых миссий, контрабандисты (за довольно существенное вознаграждение и также без гарантий). Поэтому наиболее реальной и надежной формой отправки индивидуальных посылок представлялись гуманитарные каналы различных международных организаций, прежде всего Международного Красного Креста и АРА.

Как мы уже отмечали ранее, Американская Администрация Помощи заключила с советским правительством соглашение, по которому имела право производить выдачу продовольствия частным лицам, благотворительным организациям, отдельным группам населения на территории России. Это были стандартные наборы из продуктов, уже находящихся на складах в России, о получении которой отправителю выдавалась расписка адресата. Здесь также не обошлось без проблем. С октября 1921 г. АРА начала прием денежных взносов в уплату посылок, но вносить его надо было в специальные филиалы этой организации, которые были не во всех странах, что ставило эмигрантов проживающих в них в затруднительную ситуацию. И здесь важную роль сыграл Лондонский комитет, который информировал русскую общественность о том, что делала АРА в России, какой состав, стоимость посылок, каковы способы оплаты, где действуют распределители и комитеты-сборщики

и т. д. Кроме того, в тех городах, где не было отделений АРА право принимать деньги и выдавать бланки, было предоставлено русским Комитетам помощи, либо другим организациям по выбору под ответственность Лондонского Комитета. Он служил посредником между русскими эмигрантскими организациями и АРА. В связи с этим, в декабре 1921 г. Лондонский Комитет разослал бланки в русские Комитеты помощи голодающим других стран, которые должны были раз в неделю пересылать деньги и заполненные бланки в Лондон. Лондонский комитет в свою очередь, получив от АРА расписки о получении посылок в РСФСР, переправлял их в соответствующие Комитеты¹.

Второй проблемой, связанной с пересылкой продовольствия Американской Администрацией была территориальная. Склады АРА находились в основном в Приволжских областях, в связи с чем эмигранты неоднократно просили расширить ее деятельность на Крым и Кавказ, учредив и здесь склады, чтобы также производить выдачу продовольствия на руки. Эмигранты даже разработали специальный проект, связанный с расширением территории деятельности этой организации в России. Предлагалось в качестве центральной базы распространения посылок в Крыму выбрать Симферополь, в помощь ему открыть 2 дополнительных склада в Севастополе и Феодосии, а по возможности и небольшой пункт в Мелитополе; на Кавказе в качестве опорных пунктов назывались Батуми, Тифлис, Владикавказ, Баку². Проект не был реализован, что было связано, скорее всего, не с нежеланием американцев проводить его в жизнь, а с политикой Советского правительства, ограничивавшего допуск иностранных организаций помощи в основном эпицентрами голода в Поволжье. В виде компромисса удалось добиться, чтобы на Крым была распространена выдача индивидуального продовольствия, пайков по принципу посылок, путем почтовой пересылки пайка из Ростова или Харькова³.

Третья проблема была связана с относительной дороговизной посылок через АРА. Посылка имела стандартный набор продуктов, разработанный специалистами, и обходилась в

¹ ГАРФ, ф. 5977, оп. 1., д. 11, л. 16

² Там же, л. 5–5об.

³ Там же, л. 2, 6.

10 \$, что было тогда немалыми деньгами, особенно для русских эмигрантов. Поэтому многие из них отправляли посылки не через Американскую Администрацию Помощи, а через Международный Красный Крест, где плата за них составляла всего 2 \$¹. Парижский Объединенный Комитет Русских организаций еще в октябре 1921 г. связался с Латвийским Красным Крестом, который отправлял индивидуальные посылки непосредственно из Риги в адрес Латвийского Красного Креста в Москве и Петрограде, расширяя тем самым географию помощи, но об этом чуть позже.

Особое внимание Лондонский комитет уделял обсеменению полей, для чего и была создана особая комиссия. Она сталкивалась с определенными сложностями в своей работе, поскольку в Англии не проживало русских специалистов по сельскому хозяйству. Они сосредоточились в основном в Праге и Белграде. Комиссия Лондонского комитета разработала специальную программу, которая и была разослана русским агрономам-эмигрантам для оценки и комментариев. В ней предполагалось, что одним из способов помощи может быть помощь в запашке полей под яровое, особенно на юге. В случае отсутствия инвентаря, рабочей силы предлагалось организовать особый парк тракторов, базируясь на порты с собственными иностранными рабочими, ремонтными мастерскими, т.д.²

С весны 1922 г. работа по оказанию помощи голодающим вступила в новую фазу — помощь отдельным социальным группам. В связи с чем, в марте в Лондонском комитете возникла еще одна комиссия по оказанию помощи русской интеллигенции³. Комитет стал помогать лицам свободных профессии⁴. А несколько позже возник самостоятельный Лондонский комитет помощи интеллигенции в России, в состав которого вошли как англичане, так и русские⁵. К осени 1922 г. комитет решил, что борьба с голодом и его последствиями утратила свою остроту

¹ Там же, д. 15, л.126.

² Там же, д. 11, л. 165—168.

³ Там же, д. 7, л.14.

⁴ Там же, д. 16. л. 103.

⁵ Там же, д. 7, л.15.

и 19 октября на общем собрании было принято решение самораспуститься, а всем его членам вступить в состав русской секции Комитета помощи интеллигенции в России¹.

Подводя итог деятельности Лондонского комитета, надо отметить несколько характерных особенностей: во-первых, практически все, что было им собрано отправлялось либо с помощью АРА, либо с помощью различных английских благотворительных организаций. Во-вторых, Англия была довольно дорогой страной, поэтому покупка здесь семян, агротехники, даже опубликование бланков посылок и т.д. не представлялись возможными, в связи с чем, Комитет входил в контакт с другими эмигрантскими структурами, с целью удешевления расходов и оптимизации дела организации помощи голодающим. В-третьих, в связи с вышесказанным и в силу налаженных связей с АРА и другими организациями, которые доверяли Лондонскому комитету, он претендовал на роль координационного центра эмигрантских организаций помощи голодающим, хотя в силу ряда обстоятельств, на которых мы остановимся далее, это ему не всегда удавалось.

Франция была местом сосредоточия самых разных эмигрантских организаций, которые высказывали зачастую диаметрально противоположные идеи, что породило, как и в КСХС создание нескольких Комитетов помощи голодающим.

Одной из организаций, объединявших деятельность широкого круга эмигрантов, был Русский Национальный комитет (РНК). Как и у большинства русских зарубежных организаций, у комитета возник вопрос «как примирить несомненную необходимость помогать миллионам русских людей... с неизбежностью войти в соприкосновение с большевиками»². РНК обращался с меморандумами к Председателю Совета Министров Франции, к Гуверу и другим политическим деятелям, которым доказывал, что России необходима помощь в международных масштабах, но при определенных условиях³. Русский Национальный Комитет считал большевиков виновниками голода и

¹ Там же, д. 24. л. 1.

² ГАРФ. Ф. 5680. оп. 1, д. 23, л. 34.

³ ГАРФ. Ф. 6096, оп. 1, д. 18, л. 15, 16, 48.

постановил, что ни он сам, ни отделы Союза не могут вступать ни в какие сношения с Московским Комитетом, председатель которого — большевик¹. Помощь, по мнению РНК, могла идти через иностранные организации, но лишь в том случае, если они сумеют организовать ее непосредственную передачу голодающему населению. Такую точку зрения разделял и Совет Торгово-Промышленного Союза. Между этими двумя организациями были проведены переговоры. Российский Финансово-Торгово-Промышленный Союз взял на себя созыв всех русских организаций для обсуждения вопроса о голоде, совместном выступлении перед иностранцами^{2*} и принятии других общих мер. По его инициативе были собраны все находящиеся в Париже русские организации для обсуждения вопроса о голоде и принятии общих мер. Собрание состоялось 1 июля 1921 г. На нем присутствовали представители 8 организаций: 1) Российского Финансово-Промышленно-Торгового Союза; 2) Главного Управления Российского Красного Креста; 3) Комитета представителей русских банков; 4) Российского Земского-Городского Комитета; 5) Парламентского Комитета; 6) Сопровождающего Российских Послов; 7) Национального Комитета; 8) Исполнительной Комиссии совещания членов учредительного собрания.

Комиссия Учредительного Собрания и группы, примыкавшие к ней высказывали свою точку зрения, как по организационным, так и идеологическим вопросам помощи голодающим и не присоединились к комитету созданному вышеперечисленными организациями. Они полагали, что в деле помощи нужно установить своего рода политическое перемирие с большевиками и войти в непосредственное соприкосновение с Московским Комитетом, оказать ему содействие за границей, добиваясь в том числе и организации товарного кредита советской власти европейскими государствами. Одновременно с вышеперечисленным собранием учредилорцы созвали свое, к участию в котором приглашались не организации, а отдельные личности (с ориентацией на левый фланг).

¹ ГАРФ. Ф. 5680. оп. 1, д. 23, л. 34.

² Кстати в самом Союзе был создан, так называемый «Голодный комитет»

Таким образом, в Париже одновременно действовало несколько комитетов: Объединенный Комитет (5, Place du Palais Bourbon), включавший в своей состав представителей шести эмигрантских организаций («правый» по своему составу); Общественный комитет (Comité Russe en France de Secours aux Populations éprouvées par la Famine en Russie – 179, Rue de la Pompe), созданный по персональному принципу Комиссией Учредительного Собрания («левый»); Земско-Городской Комитет, который не присоединился ни к одной из новых организаций, а решил оказывать помощь самостоятельно¹. Кроме этого для согласования действий комитетов, а также для совместных выступлений перед иностранцами, был создан Контактный комитет.

Первый и второй комитеты имели достаточно серьезные расхождение в вопросах помощи (относительно ВКПГ и советской власти), третий – занимал серединную позицию, декларируя свою аполитичность. Различие было и в структуре организаций (формирование на основе личного членства или представительства организаций). Как точно подмечал Маклаков – дело было в выборе акцентов, в «ударении»: «одни ставят его на необходимости помощи только при некоторых условиях, а другие ставят его на условиях, при соблюдении которых только возможна и помощь. Но и те и другие все-таки стоят и за помощь и за условия, и отдельно их не принимают»². Даже самим организациям вскоре стало ясно, что их одновременная деятельность не только снижает эффективность помощи, но даже может быть вредна и скандальна.

Это привело их к попыткам объединиться, или, по крайней мере, согласовать свою деятельность, особенно в целях координирования их внешних выступлений и сношений по вопросу голода в России была создана контактная комиссия («Контактный комитет»). Видимо на первых порах ее деятельность была достаточно условна и относительна, поскольку Объединенный и Общественный комитеты никак не могли сойтись в выборе председателя и некоторых других вопросах, поэтому пришли к

¹ ГАРФ. Ф. 5680. оп. 1, д. 23, л. 35.

² «Совершенно лично и доверительно!» Т. 1. С. 440.

выводу, что будут действовать две организации, но их выступления за границей будут совместные¹. Однако, при попытке подготовить обращение к Верховному Совету Лиги Наций выяснилось, что организации не могут найти компромисс по ряду принципиальных вопросов. «...Учредилловская группа требовала для воззвания: 1) отсутствия каких бы то ни было упоминаний о большевизме как причине беды; 2) чтобы, обращаясь в Conseil Supreme, не говорить ни о каких условиях, которые нужно ставить для помощи; предполагалось, что сам Conseil Supreme догадается, что это необходимо сделать, а что упоминание об этом со стороны русских может произвести дурное впечатление в России. Таковы были желания учредилловцев, но в торгово-промышленной группе, наоборот, хотели всегда указать на невозможность сотрудничества с большевиками и, во-вторых, выражали сильный скептицизм по отношению к комитету московскому, считая, что он, раз туда пошли большевики, рискует превратиться в их орудие»². Что еще раз уверило комитеты, что они расходятся в принципиальных вопросах, а поэтому их совместная деятельность не возможна.

Но тут вмешался случай — в газетах появилась прокламация московских эсеров о том, что нельзя помогать большевикам, не поставив им определенных условий, что привело к смене точки зрения учредилловцев, которая стала вполне соответствовать позициям выработанным в промышленном комитете. Сравнив в очередной раз воззвания Верховному Совету, они пришли к выводу, что комитеты «не только согласны во всем, но что, в сущности, каждый из них... говорил языком более свойственным его противнику»³, поэтому было решено написать совместное заявление. Тому было две причины, во-первых, не смотря на расхождения по ряду вопросов, комитеты все же выступали за помощь, а, во-вторых, перед лицом иностранной общественности было бы не разумно «выносить сор из избы», тем более по такому вопросу как голод.

По мнению В. А. Маклакова, с подачей этого совместного заявления, «которое, действительно, может поразить иност-

¹ Там же Т. 1. С. 423.

² Там же.

³ Там же. С. 424, 439.

ранцев своим единодушием, роль этих заграничных организаций тоже кончилась»¹. Этот шаг мог стать первым на пути к дальнейшей совместной работе, однако это не вышло в связи с неприемлемостью «некоторых имен для русской общественности внутри России»². Тем не менее, понимая, что цель к обоим комитетам единая, они сочли необходимым продолжить деятельность «контактной комиссии».

«Контактный комитет» имел следующую структуру. В его состав вошли Президиумы трех вышеуказанных организаций, причем председательствование велось по очереди председателями комитетов. Секретариат, технический аппарат также был совместный от трех организаций³. Контактный Комитет объединял не только работу самих Комитетов, но и их параллельные секции. Так было достигнуто относительное единство, а внешним выступлениям придано больше значения и авторитета, поскольку основные документы подписывались одновременно всеми организациями. В этом контактном комитете были созданы 4 комиссии для практической работы по различным направлениям деятельности и принимались меры к обеспечению финансовой стороны дела.

Русский общественный Комитет помощи голодающим был основан по инициативе Исполнительной Комиссии Совещания Членов учредительного Собрания, поэтому, предваряя рассказ о нем, остановимся сначала на деятельности этой комиссии, которая также уделяла не мало внимания вопросам помощи голодающим. При первых известиях, появившихся в печати о голоде в России, Исполнительная комиссия на специальном заседании 15 июля 1921 г. признала необходимым немедленно предпринять ряд мер, чтобы привлечь внимание Европы, Америки и русских эмигрантских кругов к этому вопросу. Она подготовила и опубликовала в русской и иностранной прессе ряд воззваний, в которых, показывая масштабы катастрофы, доказывала, что единственный шанс помочь голодающим это — ши-

¹ Там же. С. 425.

² Там же. С. 440.

³ ГАРФ. Ф. 5977, оп. 1, д. 25, л. 12.

рокая международная помощь¹. Одновременно с выпуском воззвания Исполнительная Комиссия издала брошюру, в которой был систематизирован материал из советской прессы о голоде. Брошюра была опубликована на страницах журнала «Еигоре Nouvelle» и вышла отдельным изданием на французском языке. Затем, Исполнительная Комиссия взяла на себя инициативу по организации Комитета помощи голодающим, исходя из предположений, что подобный Комитет должен быть единым, охватить все слои русской эмиграции в Париже, без различия партий и организаций, и что в основу построения комитета должны быть положены принципы делового подбора отдельных лиц, а не организаций. Исполнительная комиссия созвала на 30 июля совещание общественных деятелей, которое должно было взять на себя дальнейшую заботу об организации комитета и всего дела помощи голодающим. На втором собрании 5 августа Совещанием был сконструирован комитет с наименованием Российский общественный комитет помощи голодающим в России и избран исполнительный орган². Одновременно с организацией общественного Комитета Исполнительная Комиссия приняла участие в собрании представителей некоторых русских организаций в Париже, созванном по инициативе Торгово-Промышленного Союза для обсуждения вопроса об организации помощи голодающим (о котором мы писали ранее). Представители Исполнительной Комиссии отстаивали на этом собрании необходимость создания единого, вне партий и организаций, Комитета, на основе персонального подбора. Однако эта точка зрения не встретила поддержки у представителей некоторых организаций (Красного Креста, Парламентского Комитета, Национального Комитета, Комитета банков и др.) и ими было принято решение приступить к созданию собственного комитета, который и был вскоре образован из указанных организаций с присоединением к ним коллегии русских послов.

Окончательное конституирование Русского общественного комитета помощи голодающим состоялось на собрании 12 августа, на котором был сформирован первоначальный состав Ко-

¹ Бюллетень Исполнительной Комиссии Совещания Членов Российского Учредительного Собрания. Париж, 1921. С. 10.

² Там же. С. 13.

митета в количестве 40 человек. Комитет возглавлялся Бюро, в которое вошли (16–18 человек в разное время): Н. Д. Авксентьев, А. С. Альперин, Н. К. Волков, И. И. Голобородько, И. П. Демидов, Г. Г. Исхаков, И. М. Коварский, К. Р. Кровопусков, П. Н. Милюков, О. С. Минор, Р. М. Плеханов, Т. И. Полнер, Я. Л. Рубинштейн, А. А. Свечин, В. А. Харламов, С. Ф. Штерн, С. Б. Щупак. Председателем организации стал Н. Д. Авксентьев, казначеем – И. П. Демидов, секретарем – А. А. Свечин. Видные общественные деятели русской эмиграции, проживавшие во Франции включились в работу Комитета (П. Н. Милюков, С. Ф. Штерн и др.). На последующих общих собраниях состав членов пополнялся путем новых выборов и к ноябрю 1921 г. составлял 126 человек¹, наибольшее число его членов достигало 190 человек². Как пишет Г. Ф. Барихновский, этот комитет представлял блок милюковцев и эсеров, в исполком же входили в основном кадеты³.

В уставе были прописаны цели и задачи данной организации. Это была общественная гуманитарная организация, целью которой являлось «оказание помощи голодающему населению России»⁴. Для осуществления поставленной цели было предусмотрено решение целого ряда задач, главной из которых, было доставление помощи непосредственно в места голода. Среди других, надо выделить следующие: а) единовременный и периодический сбор денег и вещей, отправка пожертвований, предметов (продовольствия, медикаментов и т. д.) организациям, работающим по борьбе с голодом в России; б) пропаганда идеи оказания помощи в России через осведомление иностранного общественного мнения о событиях в России, через учреждение собственных и способствуя учреждению иностранных комитетов помощи; в) установление деловых сношений с иностранны-

¹ Там же. С. 13–14.

² Годовой отчет Российского Общественного Комитета во Франции Помощи Голодающим в России. 15 августа 1921 г. 15 августа 1922 г. Париж, [1922]. С. 3.

³ Барихновский Г. Ф. Идеино-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1921–1924 гг.). – Л., 1978. С. 102.

⁴ ГАРФ. Ф. 5877, оп.1. д. 1, лл. 5, 10, 15, 43.

ми правительствами и гуманитарными организациями помощи (национальными и международными); г) сношение с российскими и иностранными организациями, действующими в России и за границей в целях взаимной информации и сотрудничества, д) отправка отдельных лиц и продовольственных отрядов в Россию для организации помощи, содействие лицам, едущим в Россию для работы по оказанию помощи голодающим; е) сбор информационного материала по всем аспектам деятельности организации; ж) организация и проведение лекций, собраний, концертов и спектаклей, публикация отдельных агитационных брошюр, бюллетеней, информационных и агитационных статей в периодической печати¹.

Для выполнения поставленной цели и решения вышеперечисленных задач, было создано 6 секций в соответствии с направлениями работы: финансовая; пропагандистско-агитационная; информационная; санитарно-техническая; личного состава (административная); снабжения (продовольственная)², но реально действовали только первые четыре. Со временем, к этим секциям добавились еще несколько: театральная (практически не имела самостоятельного значения), помощи детям, помощи ученым (помощи интеллигенции) и по сбору хлеба (так называемая «кусочек хлеба»)³.

Начало деятельности Комитета совпало с образованием Московского Общественного Комитета, и в первые дни работы Парижский комитет возлагал надежды на установление с ним постоянной связи. Было предложено — немедленно по приезде за границу делегации ВКПГ войти в сношения и тесную связь с ней. Последовавший вскоре роспуск Московского Комитета лишил первоначальный план работы Парижского общественного комитета его основания и побудил сосредоточить усилия на связи с международными организациями и учреждениями помощи⁴.

¹ Годовой отчет Российского Общественного Комитета во Франции Помощи Голодающим в России... С. 3.

² ГАРФ. Ф. 5877, оп. 1. д. 1, лл. 8, 13, 20.

³ ГАРФ. Ф. 5877, оп. 1. д. 1, л. 13, д. 36., л. 32–32об. (на фр. яз.)

⁴ Бюллетень Исполнительной комиссии Совещания Членов Учредительного Собрания. 1921. № 1 (1 Ноября). С. 14–15.

В течение первых месяцев своей деятельности Комитет был занят главным образом установлением способов гарантированной доставки помощи в Россию, что было весьма затруднительно в связи с почтово-транспортной изоляцией России. Надо сказать, что некоторые эмигранты не верили в возможность претворения в жизнь поставленных им целей и задач. Так, в одном из эмигрантских писем от 2 сентября 1921 г. сообщается, что «Общественный комитет помощи голодающим» не может выполнить поставленных задач, т. к. не располагает техническим аппаратом, статистикой, специалистами и практиками для разрешения вопросов транспорта, хлебоснабжения, экономического и агрономического состояния голодающих регионов России»¹. Как и большинство других подобных организаций, этот общественный комитет стал действовать при помощи АРА, для чего он связался с Лондонским комитетом. Дело в том, что первая попытка Парижского комитета обратиться в отделение гуверовской администрации во Франции была неудачна, его сотрудники рекомендовали русским эмигрантам выяснить вопрос в главной европейской штабквартире АРА – в Лондоне². Но отправка через эту организацию, как мы указывали ранее, имела свои недостатки, поэтому Парижский комитет пытался найти и другие каналы переправки собранных средств.

Член Комитета С. Д. Шупак был командирован в государства-лимитрофы (Латвию, Эстонию, Финляндию), для того, чтобы в целях удешевления организовать отправку посылок оттуда. Кроме выяснения этого вопроса командированный, по прибытии на место, занялся и реальной практической помощью – в районе скопления беженцев из голодных местностей между Нарвой и Ямбургом, он приступил к организации помощи голодающим и устройству там питательного пункта³.

Это натолкнуло Парижский общественный комитет на новые возможности оказания помощи не только голодающим в самой России, но и голодающим-беженцам, которых, как выяснилось,

¹ Цит. по: *Серегина Д. М.* Российская торгово-промышленная эмиграция во Франции в 1920–1939 гг. Дисс. к. и. н. М., 2005. С. 136.

² *Кудрякова Е. Б.* Указ. соч. С. 33.

³ Рувль. 1921. 27 ноября. № 313.

было много в российских приграничных районах. Предлагалось организовать помощь в виде питательных пунктов, поскольку правительства страны-лимитрофы согласны были пропустить продовольствие в полосу притока беженцев, а Латвийское правительство обещало даже содействие в его доставке. Но закупать продовольствие в Латвии было не выгодно, слишком высоки были цены, для этого был выбран Данциг. Парижский комитет планировал привлечь к этому и другие эмигрантские комитеты, предложив им пересылать в Ригу имеющееся у них продовольствие¹. К сожалению, эта попытка наладить поставку продовольствия в приграничные районы, минуя советскую власть, потерпела поражение, поэтому С. Д. Щупак занялся отправкой грузов вглубь России. Благодаря инициативе этого уполномоченного Парижского комитета, Отделение Московского Народного Банка в Прибалтике отправило организациям врачей в Россию медикаментов на сумму 200 000 франков^{2*3}.

Надо сказать, что в отличие, например, от Лондонского комитета помощи голодающим, Парижский комитет меньше внимания уделял отправке индивидуальных посылок, а был озадачен, прежде всего, переправкой крупных грузов. Отправка личных посылок была, но как пишет один из членов комитета в ответ на соответствующий запрос: «...по тактическим соображениям наш Комитет решил не оглашать в печати этого факта, дабы не привлекать к нему излишнее внимание советской власти и тем затруднить доставку посылок адресатам, но Комитет может относительно отправки личных посылок в Москву и Петроград выполнить все Ваши поручения, т. к. для сего в Риге налажена местная организация, всецело находящаяся в нашем распоряжении»⁴. Было определено три типа стандартных ин-

¹ ГАРФ. Ф. 5977, оп. 1. д. 13, л. 29.

² Чтобы соотнести эту цифру с проживанием эмигрантов приведем некоторые парижские цены на 1920–1921 гг.: цена проезда в метро – 20 с., хороший обед в приличном ресторане – 3 фр. 25 с. плюс 25 с. чаевые. (Ковалевский Е. Русский Париж пол века тому назад / Е. Ковалевский // Возрождение. 1970. № 220. С. 119–120)

³ Годовой отчет Российского Общественного Комитета во Франции Помощи Голодающим в России... С. 6.

⁴ ГАРФ. Ф. 9110, оп. 1, д. 4, л. 18.

дивидуальных посылок, которые по договоренности с Латвийским Красным Крестом шли, в основном, через Ригу в адрес учреждений этой организации в Москве и Петрограде. При отправке посылок Красным Крестом – осуществлялся досмотр, дабы в посылках не было предметов, запрещенных советскими властями для ввоза в Советскую Россию¹. Вообще, судя по документам, Латвия являлась для Парижского комитета основой базой переправки. Комитет заключил на этот счет соглашение с Экономическим Бюро Латвийского Правительства и Русским кооперативом в Риге, оплата производилась через «Западный Банк в Лондоне», имевший парижское отделение, что также облегчало работу. Определенную помощь Парижскому комитету оказывали Эстония (Ревельский порт использовался для переправки посылок) и Финляндия (отправка через финские организации)². Помимо посылок был налажен и перевод денег по льготному тарифу по внутренней советской почте, что было медленнее и менее безопасно, чем пересылка через банк, но значительно дешевле (примерно в 3 раза)³.

Более точно сведения о путях доставки и количестве средств, собранных и израсходованных Парижским Комитетом дают его отчеты. На 31 марта 1922 г.:

«1. Отправлено в Россию через АРА (отдельно детям, отдельно взрослым)	– 9732,35
2. Отправлено продовольственных посылок через АРА (от детской секции)	– 340,2
3. Расходы по отправке... из Прибалтики в Россию, расходы представительства в Прибалтике	– 10 140,57
4. Расходы по организации и сборам	– 2150,3
5. Расходы по сборам и отправке детей	– 3865,3
6. Содержание штата и расход секретаря	– 15 700,85
7. Телеграммы Хуверу	– 354,6
8. На внесения на текущий счет	– 100
9. Секретарские и типографские расходы детской секции	– 346,25

¹ Там же, л. 19–20.

² ГАРФ. Ф. 5977, оп.1, д. 12, л. 61–62.

³ ГАРФ, Ф. 6845, оп. 1, д. 345, л.

10. Внесено «Ассистант Пюблик» по спектаклям-гала – 8696,25

11. Отправлено вещами в России по приблизительным подсчетам

– одежда и обувь через Амстердамский Союз профсоюзов – 700

– одежда – 113 000

– обувь через АРА – 472 000

– консервы и одежда через Финский комитет ученых – 102 109

– медикаменты через организацию врачей – 250000

ИТОГО ИЗРАСХОДОВАНО – 523 535,58»¹

Приведенные данные переводят в денежный эквивалент и средства, собранные в материальном виде (вещами, медикаментами т. д.), если же брать исключительно денежные сборы, то по отчету на 31 марта 1922 г. было собрано денег на сумму 80 941,4 фр. и 1 дол.², за год работы Комитета во Франции – 98 882,5 фр., с учетом Прибалтики – 273 971,75 фр.³

Денежные средства по их поступлению можно разделить на 4 основные группы, собственно, как и у других аналогичных организаций: членский взнос (4 фр. в месяц)⁴; добровольное самообложение русских граждан; сбор пожертвований среди русских и французов; устройство доходных мероприятий (спектакли, лекции, концерты). Согласно имеющимся данным на 31 марта 1922 г.: членские взносы составили 2006 фр., самообложение – 5170,65 фр., пожертвования – 23 367,85 фр., пожертвования на детей, собранные детской секцией – 9973, 65 фр. и 1 дол., доход с предприятий (спектакль, продовольственная касса) – 34 938 фр., доход с предприятий детской секции (детские праздники, концерты, лекции) – 5485,25 фр. Кроме того, за этот период было собрано вещевых пожертвований (в т. ч. медикаментов, продуктов, одежды) по приблизительной

¹ ГАРФ, Ф. 5877, оп. 1, д. 8, л. 2.

² Там же, л. 1 (подсчет автора)

³ Годовой отчет Российского Общественного Комитета во Франции Помощи Голодающим в России... С. 9.

⁴ Шли непосредственно на нужды самого комитета.

оценке на сумму 503 309 фр.¹. Если с членскими взносами все понятно, то на самообложении стоит остановиться, чуть поподробнее. Это был сбор, который устроил Комитет, обходя квартиры русских эмигрантов. Члены Комитета считали эту помощь моральной обязанностью русских граждан, своего рода «обязательным пожертвованием». За основу самообложения во Франции была принята квартирная плата: минимум – 5 % от месячной квартплаты за меблированную комнату; 10 % с платы за не меблированную комнату и 1 % с платы за комнатный пансион². Этот сбор был несколько замедлен, так как требовал сотрудничества с другими организациями помощи голодающим, для чего была образована объединенная комиссия по самообложению³. Добровольные пожертвования могли вносить как частные лица, так и целые организации, русские и иностранцы. Наиболее крупными были пожертвования от редакции газеты «Русский Солдат-Гражданин» – 8843 фр. 75 с.; Joint Distribution Committee – 5000 фр., японской колонии во Франции – 12 366 фр. 50 с., г-жи Уильям Мосс Арнольд – 300\$⁴. Мероприятием, принесшим наибольшую прибыль был спектакль-гала в Grande Opera в Париже 23 февраля 1922 г., чистый денежный сбор от которого, не считая вещей и других пожертвований, составил 24 742 ф. 39 с.

Как мы уже отмечали, в комитете действовали секции, каждая из которых разрабатывала свое направление. Санитарно-техническая изыскивала средства на оказание непосредственной помощи врачам пищей, одеждой, медикаментами, занималась вопросами пропаганды с целью привлечь внимание к тяжелому положению врачей и медико-санитарного дела в России. Детская секция также занималась пропагандой, сбором средств и одежды, но уже для детей. Соответственно секция интеллигенции отвечала за оказание помощи интеллигенции, для чего было создано сначала 8 землячеств, а затем их коли-

¹ ГАРФ, ф. 5877, оп. 1, д. 8, л. 1.

² Там же, д. 36, л. 23.

³ Бюллетень Исполнительной комиссии Совещания Членов Учредительного Собрания. 1921. № 1 (1 Ноября). С. 14.

⁴ Годовой отчет Российского Общественного Комитета во Франции Помощи Голодающим в России... С. 9.

чество доведено до 19 — по числу базисных складов организации Гувера. В своей работе эта секция опиралась на поддержку не только русской, но и французской интеллигенции. Ей были получены 5000 франков от Американской Еврейской Организации Помощи¹. Секция по сбору хлеба собрала 3725 кг хлеба, из которых 2225 кг к августу 1922 г. с помощью «Общества Друзей» (квакеров) были отправлены в Россию и распределены на местах². Члены агитационно-пропагандистской секции читали доклады, которые носили не только агитационный, но и прежде всего благотворительный характер (сбор средств для голодающих). За год деятельности были сделаны следующие доклады: Н. Д. Авксентьевым «О новых вопросах помощи голодающим в России в Америке», П. Н. Милюковым «О задачах помощи голодающим», «О Брюссельской конференции», С. Д. Щупак «Об организации помощи голодающей России из Прибалтики», Р. М. Бланк «О деятельности Берлинского Комитета Помощи Голодающим»³. Эта секция занималась также публикацией воззваний⁴ («По кусочку», «Не забывайте голодающих», «Помогите» и др.), брошюр («Советская власть и голод» и др.)⁵, фотографий голодающих⁶. Причем материалы публиковались не только на русском, но и европейских языках. Помимо пропагандистско-агитационного, информационно-ознакомительного и финансового, они имели и чисто практическое значение — в них указывались адреса, по которым в разных странах принималась помощь голодающим.

Накануне расширенной Брюссельской конференции представителей 27 государств по вопросу о помощи России, созванной 6 октября Комиссией Верховного Совета состоялось общее собрание Парижского общественного комитета, который обра-

¹ Помощь голодающей интеллигенции // Руль. 1922. 16 июня. № 479.

² Годовой отчет Российского Общественного Комитета во Франции Помощи Голодающим в России... С. 8, 18.

³ Годовой отчет Российского Общественного Комитета во Франции Помощи Голодающим в России... С. 8.

⁴ ГАРФ, ф. 5877, оп. 1, д. 36.

⁵ Там же, д. 32, 37.

⁶ Там же, оп. 1, д. 36.

тился к ней с телеграммой: «Русский Общественный Комитет во Франции помощи голодающим России считает необходимым ассигнование Международной Комиссией кредитов для оказания помощи голодающим, но, полагая недостаточными условия, выговоренные в договоре Нансена, считает нужным положить в основании целесообразного употребления кредитов международной организации независимость ее действий в России, привлечение к содействию ей местного населения и строгое сохранение гуманитарного характера помощи»¹. Нансен был крайне возмущен этой телеграммой, но возможно, она оказала свое воздействие на участников конференции и его проект был отклонен.

Общественный комитет, судя по всему, а вернее некоторые его секции продолжили свою деятельность и в 1923 г. Сохранилось письмо В. А. Маклакова от 7 сентября 1923 г., в котором он, отвечая на вопрос том, какие организации занимаются оказанием помощи учителям, называет организацию землячеств и «то, что осталось от так называемого Общественного комитета помощи голодающим»². В этом письме он высказывал также мысль о том, что отправка посылок становится все труднее и нецелесообразней, о чем пишут и из России³.

Парижский Объединенный Комитет русских организаций помощи голодающим возник 1 августа 1921 г. В него вошел 31 человек. Председателем был избран С. Н. Третьяков, тов. председателя Б. Е. Иваницкий, В. Д. Кузьмин-Караваев, Я. Д. Прядкин, М. М. Федоров. Этот комитет Г. Ф. Барихновский по партийной принадлежности относит к правым кадетам и монархистам, считая, что он был создан для связи с российским комитетом⁴.

¹ Бюллетень Исполнительной комиссии Совещания Членов Учредительного Собрания. 1921. № 1 (1 Ноября). С. 16.

² «Большевизм есть несчастье, но несчастье заслуженное» (Переписка В. А. Маклакова и А. А. Кизеветтера) // Источник. 1996. № 2. С. 6.

³ Там же. С. 7.

⁴ Барихновский Г. Ф. Идеино-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1921–1924 гг.). Л., 1978. С. 102.

На самом деле Комитет ставил перед собой следующие задачи: «1) объединение отдельных организаций по борьбе с голодом; 2) изыскание и собирание денежных средств (самообложение и проч.); 3) собирание и организация личного персонала, готового работать в России; 4) обращение к иностранным правительствам и организация с просьбой о помощи голодающим в России; 5) широкая пропаганда идей помощи России перед европейским мнением¹; 6) выявление перед Европой и Америкой современного положения России и причин ее разложения, заключающихся в коммунистическом хозяйничании»².

Только за первый месяц деятельности комитета состоялось 15 заседаний, на которых были разработаны вопросы внутренней организации, сконструирована система координирования действий параллельно действующих в Париже организаций борьбы с голодом; разработаны тексты воззваний, обращений, приветствий к общественному мнению и представителям государств и отдельным деятелям и положено начало мероприятий практического осуществления помощи голодающим.

Комитет пытался использовать любое крупное политическое и общественное событие и вокруг него объединить помощь голодающим. В начале августа в Париже состоялось заседания Конференции Верховного Совета, наметившего в числе своих программных задач обсуждение вопроса о помощи голодающим в России. Объединенный комитет счел своей прямой обязанностью использовать это событие, чтобы разъяснить точку зрения эмигрантской общественности. Одновременно с этим посланием Верховному Совету, Русский общественный комитет послал телеграмму Гуверу, где также разъяснял позицию русских зарубежных организаций по вопросу о голоде³. От-

¹ Надо отметить, что парижские комитеты были одними из самых активных в этом вопросе и направляли свое рвение не только в адрес французской общественности, но и мировой. Другое дело, что призывы русских, по мнению Б. А. Бахметева, как правило, были очень длинными и мало кто на них обращал внимание, зарубежные газеты их не печатали. Поэтому он называл их холостыми выстрелами («Совершенно лично и доверительно!» Т. 1. С. 429.)

² ГАРФ. Ф. 5977, оп. 1, д. 25, л. 12.

³ ГАРФ. Ф. 5977, оп. 1, д. 25, л. 16–50.

дельные организации, работавшие в Объединенном комитете, так же представили свои доклады. В частности, члены Русского Национального комитета выступил с тремя докладами: в первом были разобраны причины голода, его размеры и размеры необходимой помощи; во втором — практические пути помощи из южных портов; в третьем — методы оборудования путем подвоза и распределения помощи. Эти доклады послужили основой для следующего этапа — подачи меморандума Международной Комиссии Помощи Голодающим в России, образованной по инициативе Верховного Совета, который был составлен Объединенным Комитетом и представлен в Брюсселе 5 октября. По отзывам членов комиссии, этот документ оказался одним из немногих серьезных материалов в ее работе¹. Он ставил своей целью не столько декларацию объединенных взглядов русской общественности, как это имело место в других документах, обращенных комитетом к мировой общественности, сколько деловую консультацию по разрешению практических вопросов борьбы с голодом в России и восстановления хозяйственных производительных сил России. В заключение меморандума указывалось, что одной продовольственной помощью, спасти Россию нельзя, необходимо оказать экономическое содействие восстановлению ее сельскохозяйственного производства с помощью ввоза материалов, техники и т. д.

Комитет не только обращался с меморандумами к различным международным организациям, он вообще занимался широкой агитационно-пропагандистской деятельностью, главным проявлением которой был регулярный (раз в 1–2 недели) выпуск «Информационного бюллетеня» (первый номер вышел в декабре 1921 г.). В них печатались материалы о положении голодающих в России, о смертности, о деятельности иностранных организаций помощи и другие².

Комитет проводил и практические мероприятия по сбору пожертвований и организации индивидуальных посылок в Россию. Сбор осуществлялся совместно с другими организациями в Париже, для чего были выпущены общие воззвания о произ-

¹ ГАРФ. Ф. 5680. оп. 1, д. 23, л. 35.

² ГАРФ. Ф. 5977, оп. 1, д. 25, лл. 51–98.

водстве сбора путем самообложения. Другая задача сводилась к заключению соглашений с международными организациями помощи голодающим о порядке, способах заготовки продовольственных посылок (строго определялся их размер, состав и т. д.). Как и Лондонский комитет, Парижский объединенный комитет практически не занимался фактической пересылкой продовольственных посылок в Россию: отправитель лишь оплачивал посылку, а адресат получал соответствующий эквивалент оплаченных продуктов на складах или питательных пунктах международных организаций в России. Объединенный комитет пользовался теми же каналами, что и Парижский общественный комитет, в частности — посредничеством Латвийского Красного Креста. Существовало 3 типа посылок на 100 фр., 52 фр. и 27 фр.¹:

Тип А — 100 фр.

Овсянка	5 фунтов
Рис	5
Манная крупа	4
Сахар	5
Шоколад	1
1 банка консервированного молока	
1 банка кофе	4
1 банка какао	
Какао в порошке	1
Кофе в зернах	1
Чай	—
Сушеные яйца «Эгго»	—
Монпасье	1
2 ролика печенья	1
Сухари белые	5
Мыло 2 куска	2
Сало, коковар или мясных консервов	3
Соль	1
	40 фунтов

Тип В — 52 фр.

Овсянка	3
Рис	3
Манная крупа	2
Сахар	3
Шоколад	—

¹ Там же, лл. 49–51.

Конденсированное молоко	1
Какао	—
Чай	—
Сухари	3
Мыло	1
Жировые вещества	2
Соль	—
	20 фунтов

Тип С — 27 Фр.

Рис	1
Манная крупа	1
Сахар	2
Чай	—
Какао	—
Шоколад	—
Конденсированное молоко	1
Мыло	1
Соль	1
Жировые вещества	1
	10 фунтов

Через уже называвшийся ранее Латвийский Красный Крест членом Объединенного Комитета Ю. И. Поплавским с октября 1921 г. была налажена отправка личных посылок¹.

Комитет просуществовал довольно долго. Сохранилось письмо Комитета в Совет Лиги Наций о голоде в России, датированное 28 августа 1923 г., то есть временем, когда большинство аналогичных организаций уже прекратили свою деятельность. Интересно отметить, что в данном документе речь идет уже не о продовольственной, а о медицинской помощи. Авторы письма указывают, что голод в России стал хроническим, он оказал очень сильное влияние на здоровье людей, начались эпидемии. А для того, чтобы их преодолеть, необходимы медикаменты, медицинское и санитарное оборудование. Отдельно внимание уделялось медицинскому персоналу, который предан, но бессилен, поскольку борьба против расширения болезней ведется в нищенских условиях. Все это, по мнению эмигрантов, отбрасывало Россию на много веков. Комитет обращается в Совет Лиги Наций с просьбой призвать правительства разных стран

¹ ГАРФ. Ф. 5977, оп. 1, д. 13, л. 47.

к организации специальных «Дней», гуманитарных акций, обещающая при этом помощь со стороны русских эмигрантов¹.

О деятельности третьего парижского Комитета помощи голодающим при Союзе Земств и Городов, сохранилось очень мало сведений. Для Парижского Земгора работа по оказанию помощи не была основной. Борьба с голодом отразилась в следующих направлениях деятельности Парижского Земгора: 1) согласно распоряжениям Лондонского комитета помощи голодающим (заключившим соглашение по этому вопросу с АРА) он был посредником в денежных перечислениях за индивидуальные посылки; 2) осуществлял переписку в агитационно-пропагандистских и информационных целях с международными организациями; 3) члены Земгора представляли русскую эмиграцию на Конференции международных гуманитарных организаций в Женеве².

2 августа 1921 г. по инициативе Председателя Временного Главного Комитета Всероссийского Земского Союза А. С. Хрипунова состоялось предварительное совещание ответственных сотрудников Всероссийского Земского Союза и представителей наиболее крупных общественных организаций, на котором было признано необходимым образование в Константинополе Особого русского комитета помощи голодающим в России (что и было сделано 6 августа) и намечены основные этапы его деятельности³. В его состав вошли представители 23 русских общественных организаций Константинополя (Центросоюз, казачьи организации, санитарное ведомство и др.)⁴. Председателем комитета был избран А. С. Хрипунов, во главе встало особое Исполнительное Бюро в составе Председателя и 5 членов: Н. Н. Баратова, С. Д. Ижболдина, Н. Н. Михайлова, С. М. Гутника, кн. Н. И. Аматуни, управляющим делами комитета был назначен С. Л. Флок. Как и другие аналогичные организации, Комитет не преследовал политических интересов. Его целью являлось «оказание продовольственной, меди-

¹ ГАРФ. Ф. 7067, оп. 1, д. 510, л. 1–10б.

² ГАРФ. Ф. 7004, оп. 1, д. 1, д. 36–40.

³ Там же, л. 24.

⁴ Южин В. Константинополь и помощь голодающим (письмо из Константинополя) // Руль. 1921. 16 августа. № 226.

ко-санитарной и иных видов помощи страдающему населению России». Приоритетным направлением была не непосредственная помощь, а разработка плана помощи голодающим для представления иностранцам¹, поскольку в противном случае они будут ее осуществлять без учета российской специфики и без знания российских условий (география, психология и т. д.)².

Для более успешной работы были созданы 6 комиссий: по заготовке и сортировке продуктов, организации складов в Константинополе; по организации транспорта морского и сухопутного и организации складов на местах; медико-санитарная; юридическая; агрономическая; по организации работы на местах. При управлении делами Комитета функционировала информационная часть, которой заведовал журналист Ш. Лукаш. Информационная часть регулярно отправляла обзор прессы по вопросам голода, бюллетени о деятельности Константинопольского комитета в другие русские комитеты помощи. Комитетом велась запись врачей, готовых ехать в Россию с американским Красным Крестом³. С сентября 1921 г. были начаты сбор пожертвований в пользу голодающих и отправка индивидуальных продовольственных посылок⁴.

В декабре 1921 г. Константинопольский комитет, предложил всем аналогичным эмигрантским комитетам согласовать предлагаемые иностранцам планы помощи, с тем, чтобы они существенно не расходились между собой. Для чего, как считали константинопольцы, целесообразно было распределить между комитетами регионы России для более тщательного и детального изучения там ситуации (каждым комитетом в доставшемся или выбранном им регионе России), но так, чтобы ни один из районов не был обделен вниманием. Так, например сам Константинопольский комитет планировал взять Юг и Юго-Восток России⁵. Однако, поскольку, во-первых, слаженной деятельности всех эмигрантских комитетов не было (за исключением ин-

¹ ГАРФ. Ф. 5977, оп. 1, д. 13. л. 83–85.

² Там же, л. 13.

³ Южин В. Константинополь и помощь голодающим (письмо из Константинополя) // Руль. 1921. 16 августа. № 226.

⁴ ГАРФ. Ф. 5977, оп. 1, д. 13. л. 84об.

⁵ Там же, л. 13.

формационной), а во-вторых, данная работа требовала времени и не была на тот момент наиболее актуальной, такого распределения не произошло. Сам же Константинопольский комитет использовал в своей работе эту идею, что являлось его особенностью по сравнению с другими аналогичными организациями. В нем действовали несколько территориальных секций: Таврическая, Право- и Левобережной Украины, Волжско-Камская, Донская, Кубанская, Терская, Астраханская, Ставропольская, Горцев Северного Кавказа и Черноморского побережья. Они занимались собиранием материалов по этим регионам, для того, чтобы затем составить представление о необходимой помощи по каждому из них в международные организации (о тоннаже, сроках необходимых поставок, о сравнительной стоимости продуктов в разных странах, по медико-санитарным вопросам, составляли карты, диаграммы и т. д.). Этот материал был обобщен и передан директору Константинопольского отделения американского Красного Креста майору Дэвису, а также эмиссару Гувера г. Сандерсу, выехавшему в Россию.

Обобщая собранную за предыдущий период информацию, в 1922 г. Комитет составил «Меморандум...о возможностях и способах оказания помощи» (на 18 листах), в котором был представлен детальный план помощи, которую могут оказать международные благотворительные организации. В нем предлагалось организовать несколько специализированных портов и центральных складов на железнодорожных ветках, связанных с портами (ориентировочно в гг. Козлове, Царицыне, Рузаевке, Самаре, Донецком бассейне). Поскольку большевики не давали никаких гарантий, то распределением помощи на местах должны были заниматься иностранцы (уполномоченные), доставка до места должна была осуществляться с использованием военной иностранной охраны сопровождения (что само по себе было не реально)¹. Меморандум предлагал распределение продовольственной и семенной помощи следующим образом: 1) путем отпуска на дворе установленного количества продовольствия и семян; 2) путем устройства столовых для тех, кто

¹ Эти идеи, как видим, созвучны предложениям РНК, о которых мы писали ранее.

по тем или иным причинам не мог воспользоваться первым способом помощи. В меморандуме уделялось внимание и санитарной части, необходимости проведения медико-профилактических мероприятий предупредительного характера с помощью организации эпидемических и дезинфекционных подвижных отрядов. Таким образом, как указывалось в этом документе, «вся организация может быть представлена в следующем виде: 1) склады и главные распределительные управления в портах; 2) хорошо налаженные магистрали между портовыми управлениями и складами в основных железнодорожных центрах; 3) управление обозначенными железнодорожными узлами и сообщением с голодающими округами в указанных центрах; 4) окружное управление в административных центрах пораженных голодом местностях: Казани, Саратове, Симбирске, Самаре, Астрахани и южном уезде Уфимской губернии; 5) санитарное управление в этих же окружных городах; 6) уполномоченные по расчету примерно 1 на 200 000 человек населения с управлением при них на местах; 7) агенты на местах каждый на территории примерно на 20 верст в окружности»¹. То есть главный упор был сделан на централизацию с привлечением организаций непосредственно занимающиеся помощью голодающим (избегая лиц, связанных с советской властью). В целом, можно сказать, что Константинопольский комитет, больше занимался информационно-аналитической, а не практической работой. Дату закрытия комитета установить не удалось.

Несколько комитетов помощи голодающим было создано в Эстонии. 31 июля 1921 г. в Ревеле состоялось собрание русских кооператоров в повестке дня которого, было три вопроса: 1) Доклад П. А. Богданова о положении, создавшемся в России на почве голода; 2) Доклад Н. З. Соколова об организации помощи голодающему населению России; 3) Создание временного органа для развития деятельности в направлении оказания помощи голодающим. Последний пункт вызвал наибольшие прения. Одни считали, что этим должен заниматься Комитет русских эмигрантов, поскольку у него есть связи и он может наладить транспортировку продуктов в Россию, кроме

¹ ГАРФ. Ф. 9145, оп. 1, д. 473 л. 16–18.

того, в этих вопросах нельзя полагаться на организации созданные при Советской власти. Другие возражали, ссылаясь на то, что у этой организации есть свои задачи и функции, поэтому Комитет будет не в состоянии заниматься делом помощи. Поступило также предложение создать при эмигрантском Комитете особый орган, в который войдут представители всей общественности. Это вызывало сложности другого, юридического порядка, связанные с регистрацией новой организации. При этом, обсуждая вопрос о том, кто и как будет оказывать помощь, на тот момент участники собрания не знали как отнесется к этому предложению сам эмигрантский комитет и примет ли советская власть помощь эмигрантов.

Результатом собрания явилось создание Временного комитета помощи голодающим (всего 5 человек: Колпаков, Богданов, Соколов, Штейн, Иконников), который должен вступить в переговоры по вопросу помощи голодающим с Комитетом эмигрантов¹. Вскоре, уже после создания Русского общественного комитета помощи голодающим в Эстонии, выяснилось расхождение позиций этих двух организаций, поэтому кооператоры создали свой орган — Русское кооперативное объединение помощи голодающим. Его председателем стал П. А. Богданов, увеличилась численность объединения. Оно имело целью связать воедино работу русского кооперативного движения по борьбе с голодом². В учредительных документах оговаривалось, что это внепартийный демократический орган из кооперативных работников, который сотрудничает с аналогичными группами на Западе и в самой России. Собственно разногласия с Общественным комитетом касались именно политической позиции. Кооператоры считали, что в деятельности Общественного комитета преобладающее значение получили антисоциалистические тенденции, что необходимо поставить его работу «на широкую общественную ногу, для чего необходима реконструкция Комитета на свободно-демократических основах вне зависимости от Комитета эмигрантов в Эстонии»³. Объединение об-

¹ ГАРФ. Ф. 6057, оп. 1, д. 1, л. 1–3.

² ГАРФ. Ф. 6057, оп. 1, д. 4, л. 1–3, 24.

³ Там же, д. 3, л. 1, 4, 4об.

ращалось с воззваниями (прежде всего к кооператорам, международным организациям помощи), которые публиковались в эмигрантской демократической прессе; издавало сборники в пользу голодающих¹. В целях пополнения средств они ходатайствовали перед Лондонским кооперативным объединением о перечислении общеккооперативных средств в пользу голодающих. Основные средства складывались из самообложения и единовременных отчислений кооперативных товариществ².

13 и 14 августа 1921 г. состоялось собрание общественных организаций в Ревеле, на котором был образован Русский общественный комитет в Эстонии помощи голодающим. В него вошли представители Комитета русских эмигрантов в Эстонии, а также по 2 представителя от 20 русских общественных организаций. Было избрано Бюро (10–19 человек в разное время). Председателем стал В.А. Рогожников, товарищем председателя С. А. Острогорский. Комитет ставил перед собой следующие задачи: «1) Сбор средств для помощи голодающим; 2) Учет работников, могущих отдать свои силы для борьбы с голодом; 3) Наиболее полное освещение вопроса о фактическом положении неурожайных местностей и голодающего населения; 4) Содействие всем учреждениям, которые будут работать в том же направлении, а равно и посредничество по отношению к тем из них, которые будут направлять свою помощь в Россию через Эстонию... В тоже время Комитет считает необходимым организовать дело так, чтобы доставляемая помощь достигала непосредственно нуждающегося гражданского населения и распределялась учреждением, пользующимся доверием населения»³.

В Ревеле при редакции газеты «Свободное Слово» был организован сбор пожертвований. Сбор велся очень активно, продолжался в течение 4 месяцев, вплоть до закрытия этой газеты. Было собрано 6.500 марок (большая часть среди сотрудников и служащих этого периодического издания). Причем, как отме-

¹ См.: Там же, д. 4. л. 1-3, 10, 11, 12, 14, 15, 17, 18, 21, 22, 24; д. 5, л. 5.

² Там же, д. 3, л. 3.

³ ГАРФ. Ф. 7004, оп. 1. д. 1. л. 34; Ф. 5977, оп. 1, д. 13, л. 36–37.

чает В. Белов, с начала объявления сбора (и именно в связи с ним) эмиграция причислила газету к «большевистским», и тираж за две недели понизился на одну треть¹. Это довольно странно, поскольку эмигрантские комитеты помощи голодающим сами активно использовали периодику для сбора средств и через газеты же публиковали имена жертвователей, чтобы таким образом поблагодарить их.

Поддержали голодающих и эмигранты Чехословакии. Были установлены кружечные сборы в русских приходах, а 25 сентября 1921 г. в них прошел единовременный сбор пожертвований в пользу голодающих в России². Попытки же организовать здесь Общественный комитет помощи голодающим ознаменовались рядом инцидентов, дошедших до применения физической силы и вмешательства местной полиции³. Еще 5 августа 1921 г. Земско-городской союз опубликовал воззвания «На помощь голодающим», в котором в том числе приглашал поучаствовать в собрании общественных деятелей и общественных организаций⁴. Оно состоялось 7 августа⁵, однако возникли определенные сложности и фактические выборы состоялись лишь 13 августа⁶. 14 августа состоялось второе собрание общественных деятелей и представителей групп и организаций для создания Комитета помощи голодающим в России, поскольку ряд общественных деятелей согласившихся ранее на участие в комитете, сняли свои кандидатуры и отказались от руководящих должностей (А. С. Ломшаков, Л. Мегеровский, И. Емельянов). Председателем комитета был избран В. Гуревич⁷. Уже на этом собрании разгорелись политические страсти, и даже самим его участникам было понятно, что кроме партийной борьбы никаких реальных результатов такой комитет не даст. Это привело к тому, что 25 августа совещание представителей русских об-

¹ Белов В. Белая печать, ее идеология, роль, значение и деятельность... С. 115.

² Огни. 1921. 26 сентября.

³ ГАРФ. Ф.7004, оп. 1, д. 1, л. 24; Общее дело. 1921. № 394.

⁴ Воля России. 1921. 5 августа.

⁵ Воля России. 1921. 12 августа.

⁶ Огни. 1921. 22 августа.

⁷ Воля России. 1921. 17 августа.

ественных организаций постановило для выборов строго делового Русского комитета помощи голодающим призвать всех членов русской колонии к свободной подаче голосов, другими словами устроить референдум. Поэтому окончательно Комитет был выбран именно таким образом, только 8 сентября и являлся по положению исполнительным органом русской колонии¹. В него вошли 25 человек (С. В. Маракуев, И. Емельянов, А. Е. Котомкин, А. Г. Винничук, В. И. Штейн и др.) — в основном интеллигенция, кооператоры, земледельцы, агрономы. Совещание признало, что действительной будет та помощь, которая, прежде всего, ставит себе целью «всемерное содействие возрождению производительности пустующих русских полей и их Хозяину Кормильцу России — русскому земледельцу, не исключая, однако, и других видов заботы о страждущем населении России»². Вследствие изложенного Комитету было присвоено наименование Русского земледельческого комитета помощи голодающим в России³. Председателем был избран С. В. Маракуев, секретарем А. Г. Винничук. Первое, что сделал комитет — это послал приветственные, благодарственные телеграммы, а также письма с просьбой о помощи Председателю Чехословацкой Республики проф. Масарику, д-ру Черному, д-ру Бенешу, министру Швегле, обратился с воззваниями ко всем кооперативным организациям призывая начать сбор пожертвований⁴. Поддерживая голодающее русское и украинское население, Комитет считал, что помощь должна быть оказана не только деньгами и продовольствием, но и семенами, сельскохозяйственными орудиями, медикаментами, обувью, одеждой и т. д.⁵. Так же как и многие другие подобные комитеты, чешский не занимался переправкой собранного сам, а действовал через международные организации. Причем, в отличие от других подобных организаций, он действовал исключительно как организатор,

¹ ГАРФ. Ф. 9110, оп. 1, д. 1, л. 3.

² Там же, л. 15.

³ ГАРФ. Ф. 5977, оп. 1., д. 13, л. 143; д. 14, л. 3; Воля России. — 8 сентября. — 1921.

⁴ ГАРФ. Ф. 9110, оп. 1, д. 4, л. 9; Воля России. — 1921. — 2 августа.

⁵ ГАРФ. Ф. 6057, оп. 1, д. 7, л. 4.

а не жертвователь¹. Еще одна особенность — приоритеты в помощи отдавались, прежде всего, земледельцам.

Судя по некоторым данным, в Праге действовал и другой Российский комитет помощи голодающим, образованный 19 августа. В его президиум входили: Председатель В. М. Вершинин, зам. пред. проф. Е. А. Ляцкий, тов. пред. Н. Е. Шаповалов и П. Л. Макаренко, казначей С. Ф. Шохорова, секретари В. Г. Архангельский и М. П. Звягин. О его деятельности известно лишь то, что они также обратились с телеграммой к президенту Чехословацкой республики и в его лице к чешскому народу по вопросу оказания помощи².

Другой «профессиональной» организацией, созданной в Чехословакии, являлся Комитет помощи голодающим в России при союзе русских студентов. Он возник значительно позже аналогичных организаций — 5 февраля 1922 г., декларировав при этом свою аполитичность. Задачами Комитета являлись: «а) собирание денежных и иных средств в пользу голодающих; б) организация и посылка в Россию врачебно-питательных, санитарных и эпидемических отрядов; в) содействие к устройству в России питательных пунктов, столовых, яслей, приютов, госпиталей и др. подобных учреждений; г) заготовка продовольствия, медикаментов и иных необходимых материалов для помощи голодающим; д) широкая пропаганда, как среди русских беженцев, так и населения Чехословакии идеи помощи погибающему русскому народу; е) объединение деятельности помощи отдельных русских общественных организаций в Чехословакии и содействия им в осуществлении тех специальных задач, которые могут быть выполнены ими успешнее, чем Комитетом; ж) исполнение в пределах Чехословакии поручений общественных организаций помощи голодающему населению в России существующих в других странах; з) содействие технической помощи русскому земледельчеству по запашке и обсеменению полей»³. Понятно, что студенты во все времена были не самыми богатыми, поэтому оказывали посильную помощь

¹ ГАРФ. Ф. 5977, оп. 1, д. 13, л. 142.

² Воля России. 1921. 23 августа.

³ ГАРФ. Ф. 5920, оп. 1, д. 1, л. 1.

— отказывались от добавочного питания (выделяемого в рамках русской акции правительством Чехословакии), отправляли в Россию, имеющийся у них инвентарь¹. Помогала комитету в сборе денег и профессура. Так, например, 19 марта ей было перечислено 7 115 крон. С марта 1922 г. Комитет приступил к отправке посылок на родину, в основном это осуществлялось через Методическую миссию. Как и в АРА, и в Красном Кресте — была составлена стандартная посылка стоимостью 500 чешских крон. Комитет совместно со всем студенчеством принял активное участие в вечерах и сборах, посвященных помощи голодающим². Известно, что с 1 мая по 1 декабря 1922 г. Комитетом было отправлено помощи на сумму 122500 чешских крон³ (то есть около 245 посылок). По некоторым данным Комитет продолжал свою деятельность и в 1923 г., вероятно, в этот год и закрылся.

Сбор средств в пользу голодающих вела и центральная русская газета Чехословакии «Воля России». Он был начат 1 августа 1921 г. За первый день было собрано 1310 чешских крон⁴, к 30 августа сумма составила 13490,7 ч. кр.⁵.

С середины июня 1921 г. в Германии среди эмигрантов стали образовываться инициативные группы, ставящие себе целью организацию специального комитета помощи голодающим. Берлинская газета «Руль» призывала их участников создать единую структуру, так как «если бы было образовано несколько комитетов, то непосильной и самой по себе задаче, был бы сразу нанесен непоправимый вред и вся вина за неудачу пала бы на эмиграцию. Нужно отбросить всякие посторонние соображения, всякие личное и партийное самолюбие...»⁶.

В результате деятельности одна из таких групп, выработала следующие принципиальные положения относительно буду-

¹ Там же, д. 10. л. 1.

² Русские студенты в Чехословакии // Студенческие годы. Прага. 1922. № 1/2. С. 30; О настроениях молодежи // Студенческие годы. Прага. 1925. № 1. С. 39.

³ ГАРФ. Ф. 5920, оп. 1. д. 10. л. 10.

⁴ Воля России. 1921. 2 августа.

⁵ Воля Росси. 1921. 30 августа.

⁶ Руль. 1921. 23 июля. № 206.

щей организации: «1) создаваемая организация должна носить строго аполитический характер и задаваться исключительно деловыми целями; 2) Комитет должен включать в себя представителей всех групп и течений среди эмиграции, но составление его должно происходить по принципу персональному; 3) задачи и деятельность комитета допускают возможность непосредственных сношений с советской властью; 4) необходимо образование русского комитета, независимого и самостоятельного от германских властей»¹.

Именно эти положения и легли в основу созданного в июле 1921 г. Берлинского общественного комитета помощи голодающим. Кроме него в Берлине действовал также Студенческий комитет помощи голодающим, который работал в тесном сотрудничестве с общественным комитетом, но при этом состоял в основном из студентов и имел своей целью поддержку русского студенчества. Не остались в стороне от дела помощи голодающим и Земско-Городской комитет и Российский Красный Крест в Германии.

Уже в конце июля 1921 г. Земско-Городской комитет неоднократно публикует на страницах «Руля» свое программное заявление по вопросам голода. В нем поддерживается инициатива эмигрантов в борьбе с голодом, при этом Комитет полагал, что она будет успешно развиваться только при международной поддержке. Особенно важна, по его мнению, была поддержка Красного Креста, зарубежные организации которого, Земгор видел центрами, «организующими усилия русских людей, объединяющими работу всех, могущих возникнуть частных комитетов, кружков и иных союзов, направленных на те же цели»². В рядах самого Земгора было немало людей, посвятивших многие годы общественной работе, посильно служивших русскому народу, хорошо знающих условия местной жизни, в тех губерниях, уездах, где протекала их работа. Поэтому Комитет заявлял о своей готовности вернуться к этой работе, «встав под знамя и охрану Красного Креста, немедленно отправится в наши родные места, чтобы там,... работать не покладая рук»³.

¹ ГАРФ. Ф. 5977, оп. 1, д. 25, л. 3.

² Руль. 1921. 26, 28 июля. — № 208, 210.

³ Там же.

Что касается представителей самого Российского Красного Креста – в начале августа 1921 г. А. А. Врангель как уполномоченный Российской миссии Красного Креста посетил главу Германского Красного Креста по вопросу о совместной работе двух этих организаций¹. 14 августа 1921 г. под председательством Ф. В. Шлиппе состоялось заседание совета особо уполномоченных Российского Красного Креста в Берлине по вопросу оказания помощи голодающему населению России. Ф. В. Шлиппе охарактеризовал создавшееся положение и задачи Красного креста. Барон А. А. Врангель сделал доклад о работе русского Красного Креста и своих переговорах с германским Красным Крестом. На заседании совета была принята следующая резолюция:

«1) Совет Красного Креста полагает возможным и целесообразным в деле помощи голодающему населению России работать совместно с образовавшимся в Москве комитетом, если только сообщение об его аполитичности и независимости от советской власти соответствует действительности;

2) Совет Красного Креста признает целесообразным в целях борьбы с общим бедствием, постигшим Россию, чтобы организуемый комитет российского Красного Креста помощи голодающим вошел в деловые отношения с образовавшимся по принципу персонального приглашения общественным комитетом помощи голодающим...

3) Работа по оказанию помощи голодающему населению России не может и не должна ни в какой мере отражаться на работе по оказанию помощи русским эмигрантам и надлежит обратить внимание, всего мира, что русские люди, находящиеся за пределом России, продолжают бедствовать»².

Активные действия по оказанию помощи голодающим вели студенты. Уже 30 июля 1921 г. русские студенты совместно с ИМКА (YMCA – Young Men Christian Association, Ассоциацией молодых христиан) провели студенческий вечер, на котором была принята петиция в «Помощь голодающим»³. 7 августа

¹ Руль. 1921. 6 августа. № 218.

² Руль. 1921. 16 августа. № 226.

³ Руль. 1921. 2 августа. № 214.

1921 г. состоялось собрание Студенческого комитета помощи голодающим, который постановил обратиться с предложением об оказании помощи голодающим ко всем германским, иностранным и русским студенческим союзам и разослать во все студенческие организации специально выработанное воззвание. Что касается практических мероприятий, то комитет постановил открыть во всех студенческих союзах подписные листы и запись живой студенческой силы, которая будет представлена комитетом в распоряжение Берлинского комитета помощи голодающим в Советской России. Комитет предложил всем студенческим союзам отчислить 50 % с месячных поступлений членских взносов и передать эти деньги в распоряжение берлинского общественного комитета. Ранее намечался также сбор медикаментов и продовольственных посылок, но Комитет постановил воздержаться от самостоятельной работы и координировать свои действия в этом отношении с берлинским общественным комитетом. Кроме того, было решено устроить в студенческих союзах ряд концертов и вечеров с тем, чтобы весь сбор поступил в распоряжение Берлинского общественного комитета¹.

Надо сказать, что после обращения к студенческим союзам, этот комитет помощи приобрел интернациональный характер, объединив в своих рядах 3 организации берлинских студентов — русскую, еврейскую и болгарскую². Позже его состав расширился до 7 студенческих организаций (3 русских, 2 болгарских, 1 еврейская, 1 эсперантистов), а затем до 15, когда в его состав вошли студенческие организации заграничных немцев, сербская, 2 румынские, греческая, египетская, литовская и грузинская³. 17 мая при комитете было создано бюро для организации помощи в международном масштабе, оно издавало воззвания к студенческим организациям мира на разных языках (даже китайском). Не смотря на наибольшее представительство именно русских студенческих организаций, они были очень пассивны и проявляли, как отмечали организаторы комитета, безразличие к делу помощи.

¹ Руль. 1921. 9 августа. № 220.

² Руль. 1922. 2 апреля. № 420.

³ Руль. 1922. 7 июня. № 471.

В целом же можно сказать, что деятельность Студенческого комитета помощи протекала достаточно плодотворно. Так, в апреле 1922 г. был объявлен специальный сбор на голодающих по так называемым «чекам долга» — по 350 чекам было собрано за 1 неделю 100 000 марок. Поступившие средства были переданы в немецкий Красный Крест, который закупал продукты, хлеб и отправлял их в Россию¹. За май месяц было собрано еще 210 000 марок. Из них 100 000 марок были переданы в германский Красный Крест, который закупил на них муку и 26 мая отправил ее в Симферополь, куда груз прибыл в конце июня и был распределен между детскими приютами. 100 000 марок были перечислены в Лигу спасения детей им. В. Г. Короленко². К осени 1922 г., как и в большинстве комитетов помощи голодающим, работа этой студенческой организации постепенно сходит на «нет», поэтому возникает вопрос либо о самоликвидации, либо о реорганизации. В ноябре 1922 г. было решено продолжить работу дальше, но сделав при этом акцент на пропаганде делу помощи³.

Помимо этих трех организаций многие другие общественные и профессиональные союзы русских эмигрантов стремились оказать помощь, хотя бы единовременную. Приведем лишь несколько примеров. 10 августа 1921 г. состоялось заседание президиума Комитета Союза русской торгово-промышленных и финансовых деятелей в Германии, посвященное оказанию помощи голодающим⁴. 13 августа состоялось экстренное общее собрание членов Общества русских врачей в Германии, посвященное вопросам практических мероприятий по борьбе с голодом и эпидемиями в России, на котором было признано необходимым организовывать в Берлине санитарные курсы (для врачей и среднего медперсонала) по борьбе с эпидемиями. Из членов общества была избрана комиссия по организации помощи⁵. 28 августа 1921 г. в бюро Берлинского общественного ко-

¹ Руль. 1922. 30 апреля. № 442.

² Руль. 1922. 7 июня. № 471.

³ Руль. 1922. 11 ноября. № 595.

⁴ Руль. 1921. 23 августа. № 224.

⁵ В русском Красном Кресте // Руль. 1921. 16 августа. № 226.

митета помощи голодающим поступили 1730 марок, собранных Союзом русской присяжной адвокатуры в Германии¹. Оказывали аналогичную единовременную помощь и другие русские организации Германии.

Естественно, что наиболее плодотворной и систематической была деятельность Берлинского общественного комитета помощи голодающим, учредительное совещание которого состоялось под председательством Р. М. Бланка 22 июля 1921 г.^{2*} На нем присутствовали гг. Барладьян, Бланк, Гессен, Гланц, Голубев, Звездич, Кадиш, Койчек, Переселенсков, Станкевич, Троцкий, Шклявер, Элькин, Яковлев. Собрание постановило расширить состав образованного комитета приглашением к участию в нем следующих лиц: гг. Абрамовича, Берза, кн. Васильчикова, Гуля, Давидова, Далина, Каминки, Кочана И. Г., Косовского, Михина, Набокова, Поляка, Рабиновича И. М. и Е. И., Саакиана, Тетеля, Фальц-Фейна, Фрумкина, Шварца, Ширмана, Шлиппе, Шнейдера и Шрейдера³. Берлинский комитет был создан по принципу персонального вхождения, с чем некоторые эмигранты, проживавшие в Германии, были не согласны⁴.

Если говорить о практической работе Берлинского комитета, то для начала необходимо выяснить его отношение к самой проблеме помощи. Мы уже отмечали, что эмиграции, особенно на начальном этапе, было сложно определиться с методами помощи. Необходимо было решить, как относится к деятельности ВКПГ, посредничеству советских властей. В этом отношении Берлинский комитет был одним из немногих лояльно относившихся к этой проблеме. Уже через неделю после возникновения состоялось второе совещание Берлинского комитета, которое по предложению левой инициативной группы направило резолюцию в Московский общественный комитет о поддержке

¹ Руль. 1921. 30 августа. № 238.

² Примечательно, что по документам, имеющимся в нашем распоряжении, это был первый подобный комитет созданный в эмиграции, позже (в августе) аналогичные организации стали создаваться и в других странах русского рассеяния.

³ Помощь голодающим // Руль. 1921. 24 июля. № 207.

⁴ Руль. 1921. 30 августа. № 238.

его работы. В ней также говорилось о том, что Бюро Комитета предпримет все меры к предотвращению возникновения в Берлине конкурирующих организаций помощи голодающим¹. Это важный момент, поскольку политические расхождения, о которых мы говорили ранее, приводили в ряде стран к созданию нескольких параллельных комитетов помощи голодающим, что, безусловно, наносило вред.

На третьем собрании Берлинского комитета 5 августа был принят устав и определена структура организации. В уставе цели и задачи Комитета определялись следующим образом: агитация о помощи среди русских и иностранцев, собрание всех необходимых для оказания помощи сведений, информация европейского общественного мнения о размерах бедствий в России, сношения со всеми русскими и иностранными организациями в Германии, в России и других странах, могущих оказать помощь голодающим в России, учреждение отделений комитета, как в Германии, так и в других странах, сбор денежных пожертвований, организация санитарных и продовольственных отрядов, организация пересылки и распределения пожертвований в России и вообще принятие всех доступных мер помощи голодающим в России². В комитет вошло 40 членов учредителей. Текущие дела и исполнение постановлений было возложено на Бюро Комитета (16 человек): Абрамович Р., Браун Ф. А., Гессен Г. В., Григорович-Барский Д. Н., Глянц Р. Я., Кадиш М. П., Койген Д. М., Набоков В. Д., Новгородцев Р. И., Саакян С. С., Треттлер А. А., Троцкий И. М., Фальцфейн В. Э., Хейфиц И. Я., Шклявер С. Я., Шрейдер А. А.³ (позже, после образования уже упоминавшегося Объединенного студенческого комитета помощи голодающим, к составу бюро присоединились и его члены — Г. Г. Курляндский и Цыпкин). Кроме того, выбирался Президиум. Председателем Общественного комитета был избран Шлиппе, членами Президиума Руднев, Давыдов и Врангель.

¹ ГАРФ. Ф. 5977, оп. 1, д. 25, л. 3об.

² ГАРФ. Ф. 9145, оп. 1, д. 136, л. 1.

³ Когда А. А. Шрейдер был командирован в Москву, в Бюро его заменил И. М. Троцкий.

Для практической работы комитетом было выделено 4 секции: санитарно-техническая, финансовая и сбора пожертвований, агитационная, информационная¹. Был организован сбор пожертвований среди русских эмигрантов. Обращение к ним уже в августе 1921 г. нашло широкий отклик, но не в финансовом плане, как хотелось бы, а в плане предложения личной помощи и своего труда. Поэтому Комитет поставил перед собой задачу активизировать в сентябре работу именно по сбору средств среди русских.

По предложению товарища председателя финансовой секции И. М. Троцкого были выбраны следующие направления получения денег: 1) организация митингов, концертов в русской колонии с привлечением широких слоев германского общества; 2) посылка делегаций на международный съезд страховых обществ в Баден-Бадене, где, по его мнению, успех дела был гарантирован²; 3) организация подписных (по подписным листам) и кружечных, тарелочных (в церквях) сборов; 4) самообложение³.

Комитет регулярно публиковал воззвания к русским колониям и организациям для активизации денежного сбора. Помимо вышеперечисленных, средства Комитета составляли ежемесячные членские взносы и единовременные пожертвования членов Комитета на своих собраниях. Так, на одном из собраний (28 августа 1921 г.) было собрано соответственно: 3635 марок и 15 430 марок⁴. Членские взносы шли, как правило, на обеспечение работы самого комитета.

Не смотря на активизацию работы по собиранию средств, частные пожертвования поступали все-таки слабо, поэтому в

¹ ГАРФ. Ф. 5977, оп. 1, д. 25, л. 3об.-4; Руль. 1921. № 229.

² Руль. 1921. 30 августа. № 238.

³ Члены Комитета считали эту помощь моральной обязанностью русских граждан, своего рода «обязательным пожертвованием». Однако точных данных о предмете самообложения в Берлинском комитете нет. В разных комитетах помощи голодающим за основу самообложения могла приниматься либо заработная плата, либо квартплата русских эмигрантов, в зависимости от которых они должны были отчислять из них тот или иной процент на нужды голодающих.

⁴ ГАРФ. Ф. 5977, оп. 1, д. 25, л. 2, 2об.

конце ноября финансовая секция решила организовать в Берлине, Лейпциге и Гамбурге митинги-концерты. В программе вечера были доклады членов комитета гг. Адамова и Моргулиеса, а также выступления видных деятелей эмиграции писателей А. Толстого, Ал. Ремизова и артистов Качалова, Кузнецова, Полевицкой, Орской, Слободской и др.¹ К, сожалению, у нас нет данных насколько прибыльны были эти мероприятия, но то, что они проводились не однократно, говорит об их экономической целесообразности. Так, в марте 1922 гг. Комитет вновь устроил митинг в Берлинской филармонии, билеты на который стоили 5 марок. На нем выступали М. К. Адамов, Ф. М. Блюменталь, Андрей Белый, И. В. Гессен, А. С. Гурович, В. М. Зензинов, М. С. Маргулиес, П. Н. Милюков, В. Д. Набоков, Л. М. Неманов, Ф. В. Шлиппе².

Как видим, перечисленные виды денежных поступлений (сборы, самообложение, митинги-концерты и др.), были традиционны для организаций подобного рода. Кроме этого, в целях изыскания средств, Берлинский комитет предложил также 3 крупных финансовых проекта, требующих серьезной подготовки и проработки: устройство лотереи на сумму 10 млн марок; издание международного литературного сборника в пользу голодающих с привлечением к участию в известных русских и зарубежных писателей; постановка грандиозного фильма с участием виднейших представителей русской культуры, артистического и художественного мира и при содействии крупных германских кинематографических фирм³. Эти мероприятия, обещали существенный приток денежных средств⁴. Сведений о реализации этих планов нет. На наш взгляд, это были утопические проекты поскольку: во-первых, сами по себе они уже требовали не малых вложений, которых не было у эмиграции;

¹ В Русском общественном комитете помощи голодающих // Руль. 1921. 27 ноября. № 313.

² Руль. 1922. 7 марта. № 397.

³ В то время режиссерами В. Гардиным и В. Пудовкиным в РСФСР был снят документальный фильм «Голод... голод... голод...», о котором сейчас редко вспоминают. Возможно именно он и натолкнул эмиграцию на мысль о фильме.

⁴ ГАРФ. Ф. 5977, оп. 1, д. 25, л. 1, 2.

во-вторых, в Германии набирал силу экономический кризис, что также ставило их осуществление под вопрос; в-третьих, их реализация была сопряжена с юридическими и налоговыми сложностями. Думается, вряд ли они были осуществлены, в противном случае об этом широко бы оповещала эмигрантская пресса в Германии, что не было нами зафиксировано.

Сложности работы Комитета, на наш взгляд, были связаны, в том числе и с недостаточным вниманием эмигрантской прессы к его деятельности. Со временем эта ситуация была частично исправлена, поскольку «Голос России» представил себя в распоряжение Берлинского Комитета, как в информационных, так и в агитационных целях. «Руль» также информировал своих читателей о деятельности этого и студенческого комитетов, о голоде в России, объявил на своих страницах о сборе средств в пользу голодающих самой редакцией газеты, что также принесло определенные результаты: к 3 августа 1921 г. было собрано 9210 марок и 550 царских рублей¹, а к 12 августа уже — 12 460,2 марок и 550 царских рублей².

Естественно, что от успеха денежных сборов зависела результативность практической работы Комитета в целом и его секций, у которых так же были серьезные планы. Так, в своем докладе, на одном из заседаний комитета, председатель санитарно-технической секции И. И. Голубев наметил следующие первоочередные задачи: 1) снабжение России предметами аптечного, больничного и дезинфекционного снаряжения — медикаментами, прививками, хирургическими инструментами, техническими материалами; 2) организация индивидуальных посылок и более крупных транспортов; 3) учет и распределение личного санитарного персонала³.

Председателем информационной секции был П. И. Зведич. Секция занималась сбором статистического и фактического материала для последующего его предоставления иностранному и русскому зарубежному мнению. Работа сталкивалась с серьезными препятствиями вследствие неразвитости и слабо-

¹ Руль. 1921. 3 августа. № 215

² Руль. 1921. 12 августа. № 223.

³ ГАРФ. Ф. 5977, оп. 1, д. 25, л. 2; Руль. 1921. 30 августа. № 238.

сти технического аппарата Комитета и из-за незначительности средств, которые секция могла на это потратить.

Агитационная секция доводила до сведения общественности материалы, собираемые информационной секцией с помощью лекций, бюллетеней и т. д.¹. В целях расширения агитации не только среди эмигрантов, но и среди немецкого населения, 12 августа члены Комитета встретились с представителями германской печати и обратились к ним с призывом о помощи². Эта секция способствовала также установлению связей и привлечению к работе аналогичных немецких организаций (Германского Красного Креста, Германского комитета помощи голодающим, Союза Германской печати). Через Германский Красный Крест, например, заготавливались индивидуальные продовольственные посылки стоимостью в 50–100 марок³.

Первоначально Берлинский комитет, как мы уже указывали, планировал осуществлять всю помощь через Московский комитет помощи голодающим, поэтому, когда один из его членов П. И. Бирюков приехал в Германию, эмигрантский Комитет опубликовал его воззвание к русскому обществу, организовал 2 конференции с его участием⁴, где кроме него доклады сделали проф. С. Л. Франкфурт и Р. Я. Гланц⁵. Для дальнейшего развития контактов в Москву был командирован член Берлинского общественного комитета А. А. Шрейдер⁶. После роспуска ВКПГ (о реакции на это событие мы поговорим позже) Берлинский комитет решил всю материальную помощь передавать через различные международные организации на имя Патриарха Московского и Всея Руси Тихона для распределения через приходские организации как для православного так и инославного населения. После того, как некоторые из арестованных деятелей ВКПГ были отпущены и уехали за границу, они активно включаются здесь в дело помощи голо-

¹ См., например: Голос России. 1921. 8 сентября.

² Руль. 1921. 13 августа. № 224.

³ ГАРФ. Ф. 7004, оп. 1, д. 1, л. 70.

⁴ Руль. 1921. 13 августа, 17 августа, 21 августа. № 224, 227, 230; Голос России. 1921. 14 августа.

⁵ ГАРФ, Ф. 5977, оп. 1, д. 25, л. 1.

⁶ ГАРФ. Ф. 7004, оп. 1, д. 1, л. 24.

дающим. Так в частности, 20 июня 1922 г. состоялось общее собрание Берлинского комитета, созданное специально для заслушивания докладов бывших членов ВКПГ С.Н. Прокопович и Е. Д. Кусковой¹.

Постепенно деятельность Комитета затухает, в источниках сохранились лишь отрывочные сведения о ней². Известно, что в марте 1922 г. с помощью АРА Комитет отправил голодающим детям Самарской губернии продовольственной помощи (в основном консервированное молоко) на сумму 400 \$, эта посылка была названа «Капля молока памяти В. Г. Короленко», а когда стало достоверно известно о его доставке и распределении между сиротами г. Малекесса был создан фонд «Капля молока», который начал собирать средства именно для посылок подобного рода. С середины июля 1922 г в связи с экономической ситуацией в Германии повысились почтовые расходы, поэтому на продовольственную посылку стали собирать вместо 50–100 марок, всего же за июнь 1922 г. посылочным отделом было отчислено в пользу голодающих 17 646 марок³. К осени из берлинской эмигрантской прессы практически пропадают публикации о голоде и о деятельности Комитета, не сохранились и протоколы его собраний за этот период, что косвенно свидетельствует о постепенном сворачивании работы Комитета. Точных данных о времени закрытия Берлинского общественного комитета помощи голодающим — нам не удалось найти, вероятно, как и большинство аналогичных комитетов, он прекратил свою деятельность к концу 1922 г.

3 августа 1921 г. в Польше был организован (временный) Варшавский Комитет по борьбе с голодом в России. Председателем был избран П. Э. Бутенко. Своей целью комитет ставил:

¹ Руль. 1922. 22 июня. № 424.

² На почве акций помощи голодающим в начале 20-х годов в Германии возникает «Общество друзей новой России», члены которой были выходцами главным образом из хорошо обеспеченных кругов просвещенной буржуазии. Среди них надо упомянуть такие блестящие имена, как Альберт Эйнштейн, Эрих Гумбель и Отто Клемперер. Возглавлялось оно коммунистом Эризом Бароном. (См.: Шлегель. Берлин, Восточный вокзал... С. 224.)

³ Руль. 1922. 16 июля. № 494.

«объединение русских общественных сил в Польше и также организацию специалистов для совместной работы с русскими и международными организациями по борьбе с голодом»¹. На первых порах Комитет был занят тремя основными направлениями: 1) своим собственным устройством (пополнением комитета отдельными лицами и представителями русских организаций); 2) налаживанием взаимоотношений с Польским комитетом², а также с русскими комитетами по борьбе с голодом за границей на предмет совместных действий³; 3) регистрацией квалифицированных специалистов по санитарной части, транспорту и продовольствию (медиков, железнодорожников и специалистов по продовольствию) для их вовлечения в дело помощи в России желающих поехать в Россию для работы⁴. Для работы Комитета были образованы 4 секции: по транспорту, медицинская, агитационная и административная. На своих заседаниях члены комитета заслушивали доклады о положении дел в России, о мерах предпринимаемых международными организациями для оказания помощи голодающим и о переговорах этих организаций с советской властью. Интересно отметить, что Комитет не одобрял кандидатуры Нансена в Верховные Комиссары по делам русских беженцев в виду «чрезмерно доверчивого отношения Нансена к Советам»⁵. Вопрос об отношении к Всероспомголу также волновал членов комитета. Уже на втором заседании (26 августа) Б. А. Евреинов предложил выступить с декларативным заявлением о готовности к совместной работе с ним. Однако после прений большинством было решено «излишним выносить в настоящее время опреде-

¹ ГАРФ. Ф. 7004, оп. 1, д. 1. л. 23.

² Для чего 5 августа 1921 г. (то есть через день после создания) было написано письмо Польскому комитету. Через месяц был получен ответ, что совместная работа возможна, но ситуация в Польше не позволяет рассчитывать на большую помощь. (ГАРФ. Ф. 7004, оп. 1, д. 1, л. 38, 41).

³ ГАРФ. Ф. 7004, оп. 1, д. 1. л. 6.

⁴ Уже за первый месяц было зарегистрировано около 100 человек, была велика вероятность того, что в случае предоставления реальной возможности работы в России, число желающих возросло бы (ГАРФ. Ф. 7004, оп. 1, д. 1. л. 42).

⁵ ГАРФ. Ф. 7004, оп. 1, д. 1. л. 70.

ленное постановление по вопросу об отношении к Московскому Комитету»¹.

Членами комитета состояли бывшие члены Учредительного собрания и представители следующих русских организаций в Варшаве: Русского Комитета, Общества помощи русским беженцам, Русского Попечительского комитета, Академического Союза и Союза студентов. Эти организации проводили и собственную работу по борьбе с голодом (например, Культурно-просветительская комиссия Русского Комитета организовала лекции о голоде), при этом Комитет помощи голодающим, как правило, поддерживал эти мероприятия организационно и финансово. К весне 1922 г. работа Комитета была перенесена в сферу борьбы с последствиями голода и эпидемиями. Изучив ситуацию в России, член комитета Иоселевич сделал вывод, что весной потоки голодных двинутся на Западную границу России, а вместе с ними придут сюда и эпидемии, другой член комитета Азаревич Ю.А. обследовал восточные границы Польши и убедился, что прибывающие сюда беженцы очень слабы, среди них наблюдается большая смертность. Еще осенью 1921 г. Земгор, узнав о начавшемся движении беженцев из голодных мест предпринял ряд мер. Был намечен план по их встрече — питание и приют 1000 человек в день в 22 точках. Весной он начал осуществляться — на границе были открыты специальные пункты. Однако эта помощь была явно недостаточной, так как число беженцев было больше прогнозируемого, кроме того, в смету не входила медицинская помощь и одежда. Члены Комитета боялись распространения эпидемий в Европу, в связи с чем, обратились к Международной конференции, которая была посвящена именно этим вопросам и состоялась в марте 1922 г. в Варшаве².

Советские органы, находившиеся в Польше (дипломатическая миссия, комиссия по репатриации) не вели работы по вопросу борьбы с голодом, только просоветски настроенная газета «Варшавский голос» открыла сбор пожертвований³:

¹ Там же, л. 22.

² Там же, л. 1—1об.

³ ГАРФ. Ф. 7004, оп. 1, д. 1. л. 41об.—42.

к 24 августа 1921 г. ей было собрано 90826 мар. 50 фен., 1 232 547 советских рублей, 138 рублей николаевских, 7 руб. 25 коп. серебром и 15 коп. медью¹. Редакция вообще всячески защищала Советское правительство перед эмигрантами, и писала, что оно делало все для помощи голодающим, пошло даже на обращение к другим державам, а белая армия пытается использовать голод в своих целях².

В августе 1921 г. был образован Русский общественный комитет помощи голодающим в Нью-Йорке. В него вошли люди, принадлежавшие к разным политическим, профессиональным, общественным кругам (художник Н. К. Рерих, композитор В. И. Рахманинов, балетмейстер М. М. Фокин, проф. А. Петрункевич, проф. С. А. Корф и др.). В его состав делегировали своих членов русские неполитические организации. Мы располагаем минимальной информацией о его деятельности. Известно, что на первых этапах был создан Временный президиум, в который вошли: Башкиров В. Н., Буймистров В. В., Виноградов Д. И. Ингерман С. М., Малахов А. Г., Оберучев К. М., Сомов Е. И. Комитет был создан на принципах аполитичности и внепартийности³. В задачи Комитета входило установление связи со всеми существующими за границей и в России русскими организациями помощи голодающим и посредничество между ними и организацией Гувера⁴. Содействие деятельности последней являлось одной из основных задач Комитета. Однако здесь были свои сложности — эта организация не занималась индивидуальными посылками, тогда как многие эмигранты, проживавшие в Америке, хотели отправить их своим близким в Россию. В связи с чем, она вступила в переписку с Всероссийским комитетом помощи голодающим по вопросу их принятия и распределения в Советской России. Американский комитет надеялся на помощь Всероссийского, однако пока вопрос обсуждался — ВКПГ был закрыт.

¹ Живое дело // Варшавский голос. 1921. 24 августа.

² Предательство, но с чьей стороны? // Варшавский голос. 1921. 19 августа

³ ГАРФ. Ф. 5977, оп. 1, д. 12, л. 6.

⁴ ГАРФ. Ф. 7004, оп. 1, д. 1, л. 70.

Несколько организаций помощи действовало на Дальнем Востоке. Первым возник Дальне-Восточный Центральный Комитет по оказанию помощи Советской России в Чите. 13 августа 1921 г. состоялось его первое заседание. На нем была принята следующая конструкция организации комитета: от правительства – 2 человека, от кооперативного бюро – 3, от торгово-промышленной палаты – 4, от дальневосточных профсоюзов – 6, от Бюро Дальнего Востока РКП – 7, от Дальневосточного Бюро эсеров – 8, от Дальневосточного Бюро социал-демократов – 8 человек. Не смотря на политические разногласия, в вопросах помощи – они были солидарны¹.

Активно участвовали в сборе средств для голодающих профсоюзы ДВР^{2*}. С 14 августа по 31 декабря 1921 г. ими было собрано золотом – 15 115 руб. 50 коп.; кружечный сбор (церковные пожертвования) серебром – 632 руб. 25 коп.³

15 августа 1921 г. в полосе отчуждения КВЖД возник Международный (американо-русский) Комитет помощи голодающим Советской России. Его председателями стали князья А. Б.(?) Куракин и Н. А. Ухтомский. За 1921 г. Комитет собрал пожертвований на сумму около 12 тыс. золотых рублей. Комитет организовал в Маньчжурии отдел местной помощи тем голодающим, которым удалось добраться сюда из России. Их было немного, но они ежедневно получали обед и были расселены в бараки, рассчитанные на 200 чел. Содержались за счет комитета и 50 детей из голодающих районов⁴.

В 1920-е гг. советский автор А. Киржниц писал в своей работе об Общественном комитете, созданном в ДВР по инициативе особо уполномоченного тов. Озарнина и объединившем 25 общественных, профсоюзных, национальных и благотворительных организаций⁵. Этот комитет развернул большую агитационную работу: лекции, доклады, использовал печать, лис-

¹ Помощь. 1921. 29 августа. № 3.

^{2*} В тот момент они не были эмигрантскими, но не были советскими, поэтому мы сочли уместным упомянуть о них

³ Шанхайская жизнь 1922. 22 января. № 672(14)

⁴ Мелихов Г. В. Белый Харбин: Середина 20-х. М.: Русский путь, 2003. С. 327–328.

⁵ Киржниц А. У порога Китая. М.: Красная новь, 1924. С. 59.

товки, однодневные газеты, устроил выставку фотографий из жизни голодающих и образцов хлебных суррогатов. Возможно, такой комитет и существовал. Однако из дальнейшего перечисления его мероприятий следует, что речь идет о Харбинском общественном комитете помощи голодающим (ХОКПГ), организованном в августе 1921 г. Возможно, это тот же Приморский губернский комитет общественных организаций по оказанию помощи голодающим в Советской России г. Харбина – под таким названием он значится в архивных документах. Известно, что сюда поступали средства и отчетность из нескольких комитетов помощи голодающим: Никольск-Уссурийского, Приамурского, а также Владивостокской городской комиссии Губкомпомгола (Губернского комитета помощи голодающим). Следовательно, такие организации как в самой России, так и за ее пределами сотрудничали. Имеющиеся в нашем распоряжении документы не дают возможности утверждать это точно, тем не менее очевидно, что они входили в структуру этой организации¹. В их отчетах не указаны денежные единицы, но можно предположить, что это рубли, поскольку некоторые из помголов находились на территории России. Из отчета с 24 октября 1922 г. по 1 июня 1923 г. (в это время острота проблемы голода уже была снята) следует, что комитет собрал 107 245, 37 руб.²

В состав ХОКПГ вошли представители 47 общественных эмигрантских организаций Харбина. Возглавил его руководитель Харбинской Еврейской общины доктор Абрам Иосифович Кауфман. Деятельность комитета быстро вышла за пределы полосы отчуждения, в связи с чем, были организованы отделения почти во всех городах Японии и Китая, где проживало русское население, они существовали практически на всех крупных станциях (всего действовало 12 подотделов³). Основной статьей дохода комитета были пожертвования: деньгами, продовольствием, вещами. Сбор средств для голодающих осуществлялся

¹ ГАРФ. Ф. 9145. оп. 1, д. 225, л. 3об.

² Там же, л. 4.

³ *Говердовская Л. Ф. Общественно-политическая деятельность и культурная деятельность русской эмиграции в Китае в 1917–1931 гг. ... С. 110.*

по подписным листам. Кроме того было с 1 сентября 1921 г. члены профсоюзов полосы отчуждения ежемесячно отчисляли Комитету 5 % из своей зарплаты¹. Шла помощь и от доходных мероприятий (платных лекций, докладов, концертов, балов, спектаклей, увеселительных вечеров). Были отпечатаны благотворительные марки достоинством в 5 и 10 коп., которые выдавались посетителям в магазинах вместо сдачи. Некоторые владельцы кинотеатров, клубов, ипподрома, цирка отчисляли процент от сборов. Это были немалые средства: так только от одного благотворительного бала в Железнодорожном собрании чистый сбор составил 29 тыс. золотых рублей, что позволило отправить в Россию вагон продовольствия².

В эмигрантской дальневосточной периодике публиковались материалы о голоде, агитационные воззвания с призывами о помощи. Сбор в пользу голодающих проводился газетой «Шанхайская жизнь», о чем регулярно сообщалось на ее страницах. На общественных началах в информационно-агитационных целях была подготовлена и выпущена однодневная газета «Голод», печатались листовки с материалами о ходе кампании. Газета «Заря» призывала домохозяек собирать и сушить остающиеся у них куски хлеба. Откликаясь на призыв Патриарха Тихона о сборе пожертвований, Комитет принимал пожертвования и от церкви. По всей Маньчжурии проводились тематические мероприятия: «Неделя сборов вещей и продовольствия», «Дни медикаментов», кампании «Дети — детям» и другие. Из специальных мероприятий можно назвать изготовление значков «Подарок голодному» и «Приморье голодному», выпуск тематических журналов «Горе Пахаря» и «Тайфун», детских сказок, афиш, летучек (печатных тематических листовок-прокламаций), обращений, плакатов. Выходили спецвыпуски газет, например «Шанхайская жизнь», «Русское рождество», «Вестник воскресения»³. Были отпечатаны почтовые карточки с фотографиями

¹ В таком виде проходило здесь самообложение.

² Мелихов Г. В. Белый Харбин: Середина 20-х. С. 328

³ Шанхайская жизнь. 1922. 18 января. № 672; Русское рождество: спец. ж-л в пользу голодающих СССР. Шанхай, 1922; Вестник воскресения: изд-ие комитета патриарха Тихона по оказанию помощи голодающим, при православной церкви в Шанхае. Шанхай, 1922.

голодающих в различных районах страны. Только со снимками, сделанными в Самарской губернии, было выпущено 10 серий-альбомов (по 50 коп. каждый) по 10 открыток¹. Средства от их продажи шли в пользу голодающих.

В целях получения постоянного дохода на эту кампанию, было задумано открытие доходного предприятия — театра «Буф», для чего был произведен капитальный ремонт здания, что само по себе являлось весьма затратным делом. Кроме того, в расходную статью бюджета Комитета входили оплата пересылки, зарплата сотрудников и другие статьи, которые «съедали» более половины собираемых сумм.

Два крупных харбинских коммерсанта, экспортеры зерна, пожертвовали 30 вагонов хлеба, которые за их же счет были отправлены в Самарскую губернию. Общество домовладельцев и землевладельцев г. Харбина (председатель Общества Н. Л. Гондатти) выделило для голодающих 7 вагонов проса. Два вагона муки были получены в дар от трудящихся Сучанских каменноугольных предприятий. Голодающим были переданы все средства, полученные мусульманами Маньчжурии в праздник Гайди-фитр 27 мая 1922 г.² В начале октября 1921 г. в Россию был направлен первый продовольственный маршрут: 30 вагонов, из них 15 вагонов пшеницы, 10 вагонов крупчатки, 1 — какао и 4 вагона смешанного груза — чай, сахар, мануфактура, обувь, одежда, белье, 36 пудов медикаментов и т.п.

Даже к концу своего существования Комитет не снижал темпов своей работы. 2 февраля 1923 г. был объявлен новый сбор в пользу голодающих по анкетам ХОКПГ, предполагалось (не позже 20 февраля) отправить 15 «продмаршрутов»³. Думается цифра изначально завышенная и не реальная. Тем не менее, сбор средств продолжался и за первые пять месяцев 1923 г. составил 107 245,37 рублей, благодаря которым комитет отправил еще 2 продовольственных маршрута⁴. В целом же Комитет послал из Маньчжурии в Поволжье 14 маршрутов

¹ ГАРФ. Ф. 9145. д. 226.

² Мелихов Г. В. Белый Харбин: Середина 20-х. С. 327

³ Новости жизни. Харбин, 1923. 3 февраля. № 26.

⁴ ГАРФ. Ф. 9145. оп. 1, д. 225, л. 4.

с продовольствием и одеждой, каждый из которых состоял из 30 вагонов¹, т. е. около 400–450 пудов хлеба².

Так же как и в Европе, принимались индивидуальные посылки в виде так называемых пищевых переводов: суммы от 10 до 50 американских долларов пересылали через Американский Международный банк в Харбине. Одна четвертая часть пересылаемой суммы поступала в фонд помощи детям в России; остальные три четверти распределялись так: на каждые посланные 10 \$ — адресат получал на месте 50 английских фунтов белой муки, 25 фунтов риса, 20 банок консервированного молока, 10 фунтов жиров, 3 фунта сахара и 3 фунта чая³. Выдавали их в Советской России местные склады АРА. Средства перечислялись как непосредственно в Американскую Администрацию, так и для нее через Харбинский Союз Молодых Христиан (ХСМХ — отделение УМСА)⁴. Как мы отмечали ранее АРА поручала и доверяла ряду организаций за границей делать благотворительные сборы на посылки от ее имени. В Европе таким центром был Лондонский комитет помощи голодающим. Судя по всему, в Харбине им стал ХСМХ. Он собирал (и перечислял на счет АРА) деньги, пожертвованные отдельными гражданами. Затем в России АРА выдавала голодающим купленные на эти средства продовольственные наборы.

Интересный случай произошел во Владивостоке. Владивостокский комитет помощи голодающим прислал в Харбинский Общественный Комитет помощи голодающим 270 руб. переданных Японским консулом во Владивостоке. При этом консул передал лишь часть денег, вырученных от концерта в пользу голодающих (возможно, остальные были оставлены на погашение расходов по организации этого мероприятия), оговорив при этом в какие города и каким детским домам необходимо их перечислить (голодные районы в них не включались). В результате. В результате ХОКПГ, посчитав такую ситуацию оскорбительной, отказался от этих денег, постановив, собрать

¹ Экономическая программа КВЖД // Экономический вестник Маньчжурии. 1923. 11 февраля. № 3.

² Киржниц А. У порога Китая. М.: Красная новь, 1924. С. 60.

³ Шанхайская жизнь. 1922. 6 апреля. № 737.

⁴ Мелихов Г. В. Белый Харбин: Середина 20-х. С. 328

такую же сумму дополнительно, дабы не были затронуты интересы голодающих¹.

В октябре 1921 г. в этом регионе, где большинство эмигрантов были связаны с КВЖД, по инициативе русского инженера, управляющего КВЖД Б.В. Остроумова был создан Центральный железнодорожный комитет помощи голодающим, который он же и возглавил. Сначала этот комитет не намеревался отправлять хлеб в Советскую Россию, но затем изменил тактику. За период с октября 1921 г. по июнь 1922 г. добровольные взносы железнодорожников из жалованья составили сумму в 38 905 руб.² Железнодорожный комитет направил свой первый продовольственный эшелон в Россию 22 января 1922 г. Всего железнодорожники Китайской Восточной железной дороги направили в Россию, по неполным данным, 5–6 продовольственных маршрутов (в Пермскую губ.³), 2 врачебно-питательных поезда и 1 специальный тракторный⁴. Посылки из первого продовольственного состава были распределены к середине апреля 1922 г. в Екатеринбурге, Перми и других местах. При этом важно было, что с составами ехали специальные сопровождающие, которые, возвратившись, могли подсказать, уже исходя из личного опыта и общения с голодающими, что необходимо изменить в деле помощи. В частности один из уполномоченных, прикомандированных к этому маршруту, сообщал о нецелесообразности больших бакалейных посылок, и о том, что голодающие просят слать главным образом муку (Ч размолот, Ч просом)⁵. Отдельно надо сказать о врачебно-питательных поездах. Это поезда, которые помимо вагонов с продовольствием и медикаментам включали в себя несколько вагонов-кухонь, вагонов-пекарен (с печами для хлеба), амбулаторию с койками для больных и собственным штатом медицинских сотрудников, аптеку. Уже в пути был открыт детский дом с собственным изолятором, баней.

¹ Шанхайская жизнь. 1922. 26 января. № 679(21).

² Мелихов Г. В. Белый Харбин: Середина 20-х. С. 328.

³ Киржниц А. У порога Китая. С. 61.

⁴ Мелихов Г. В. Белый Харбин: Середина 20-х. С. 329.

⁵ Шанхайская жизнь. 1922. 6 мая. № 760(102).

Комитет помощи задумывался не только о том, как помочь голодающим сегодня, но и как не допустить голода в будущем. С этими мыслями был снаряжен «Тракторный поезд», доставивший в РСФСР не только продовольствие, но трактора, и даже собственный тракторный отряд, который проработал в Челябинской области с июня по ноябрь 1922 г. Надо сказать, что когда острота проблемы спала – появилось постановление Дальревкома об объявлении инженера Остроумова «вне закона» с требованием от граждан РСФСР доставить его в распоряжение ДРК для предания суду революционного трибунала или же в случае невозможности – уничтожить его¹. Когда Остроумова и его ближайших сподвижников арестовали, Центральный Железнодорожный Комитет помощи голодающим выступил в его защиту². После года содержания в харбинской тюрьме они были освобождены за отсутствием состава преступления.

Приведенные ранее данные об аналогичных эмигрантских комитетах помощи в Европе позволяют говорить о том, что деятельность дальневосточных организаций имела некоторые особенности. Во-первых, они были автономны и не искали сотрудничества ни с аналогичными эмигрантскими и зарубежными структурами, не встречается и упоминания о ВКПГ. Во-вторых, в силу своей близости к границе, а также в связи с транспортными возможностями они сами (без посредников) отправляли собранные средства, продовольствие. В-третьих, помимо помощи со снабжением, дальневосточные организации, в отличие от других оказывали и практическую помощь (медицинскую, сельскохозяйственную). В-четвертых, данные об их деятельности доходят до осени 1923 г., тогда как большинство эмигрантских комитетов помощи прекратили свое существование уже в конце 1922 г.

Сведения о других комитетах, созданных эмигрантами еще более отрывочны. В Бельгии таковой был создан в Брюсселе 15 сентября 1921 г. в составе проф. Крайчика, д-ра Голубкина,

¹ Мелихов Г. В. Деятельность Б. В. Остроумова на КВЖД (1921–февраль 1922) // Культурное наследие российской эмиграции. 1917–1940. Кн. 1. М., 1994. С. 159.

² Заря. Харбин, 1923. 9 января.

помощника присяжного поверенного К. Декерта, д-ра Б. Солова, экономиста Гринблат-Декабрева, инженера Куликова, Цебрикова, Криман, Неверова, и др. Членские взносы в Бельгийский комитет составляли минимум 0,50 сан. в месяц. Были определены дни дежурств, когда можно было приносить пожертвования¹. Комитет постановил установить информационный контакт со всеми русскими организациями помощи России и устроить в Бельгии цикл лекций, посвященных вопросу о голоде². При нем было создано общество помощи русским детям, куда входили русские и бельгийские женщины. Оно заботилось, прежде всего о детях, находящихся в Бельгии, о приеме и доставлении сюда детей из голодающих районов, о русской школе и т. д.³ Оказывал комитет и помощь русским ученым, литераторам и артистам, проживающим в России путем отправки индивидуальных посылок через Гельсингфоргский комитет помощи Русским Ученым.

В Выборге 18 августа 1921 г. по инициативе проф. Г. Ф. Цейдлера состоялось Совещание по вопросу об оказании помощи голодающему населению. В нем участвовали представители 30 русских организаций Финляндии. Они признали необходимость помощи через Международный Красный Крест, в случае если тот дает гарантии ее доставки. Было выбрано временное бюро (Цейдлер, Браиловский, Грубе, Добровольский, Радлов, Александров, Андреев)⁴.

Известно также, что в Женеве существовал Русский комитет по оказанию помощи голодающим в России. Судя по всему, это был не столько региональный комитет русских эмигрантов, сколько русское отделение Международного (Нансеновского) комитета помощи России⁵, действовал он приблизительно с конца сентября 1921 г. по ноябрь 1922

Известно, что Комитеты действовали в Ковно, Риге⁶. Возможно, существовали и другие организации. Были предложе-

¹ Руль. 1921. 30 ноября. № 315.

² ГАРФ. Ф. 7004, оп. 1, д. 1. л. 70.

³ Руль. 1921. 30 ноября. № 315.

⁴ ГАРФ. Ф. 7004, оп. 1, д. 1. л. 26.

⁵ ГАРФ. Ф. 6208.

⁶ ГАРФ. Ф. 7004, оп. 1, д. 1, л. 70.

ния организовать Комитет в Нарве. Но сведения об этом лишь косвенные – сохранилось письмо А. Кириллова, который пишет, что в Нарве никакой помощи голодающим нет: одни не умеют, другие – не хотят, в связи с чем, он просит Ревельские организации прислать кого-нибудь для организации дела здесь. В связи с письмом Кириллова необходимо сказать несколько слов о частной инициативе. В середине августа 1921 г. он предложил проект организации гужевого обоза для работы в Петрограде, который будет особенно важен и незаменим в зимнее время. Этот проект он отослал в русские эмигрантские и американские организации помощи. Причем, он даже собрал единомышленников (из местных крестьян и эмигрантов), готовых выехать из Нарвы в Россию (за условную зарплату и паек)¹. В документах эмигрантских комитетов встречается много писем с предложением личного вклада в дело помощи своей работой (клерков, счетоводов)², были и такие, которые просились в первую очередь, как только представится возможность – отправить их для оказания помощи непосредственно в Россию³. Как уже говорилось ранее, некоторые комитеты специально собирали сведения о лицах, которые могли бы поехать на Родину для оказания помощи на местах, в связи с чем, те заполняли соответствующие анкеты⁴.

О желании эмиграции помочь голодающим, было известно в высших эшелонах советской власти. Так в одном из докладов заместитель председателя ВЧК И.С. Уншлихт сообщал В. И. Ленину о том, что она категорически отвергала какую-либо спекуляцию на голоде и обсуждала возможные перспективы интеграции распыленной интеллигенции, возрождения общественных объединений и установления их контактов с западной цивилизацией⁵. Вероятно, советские представители стремились отслеживать работу эмигрантских комитетов, а может быть, и пытались внедриться и контролировать эту по-

¹ ГАРФ. Ф. 6057, оп. 1, д. 5. л. 6–7.

² Там же, л. 10-...

³ См., например: ГАРФ. Ф. 7004, оп. 1, д. 1. л. 77.

⁴ Там же, л. 78- ...

⁵ *Тополянский В.* Год 1921-й: наказание голодом // *Континент.* 2006. № 130.

мощь, но об этом сохранились лишь отрывочные и, возможно, недостоверные сведения. Так «Руль», перепечатал материалы «Русского дела», в котором говорилось, что Комиссар иностранных дел РСФСР разослал, своим заграничным представителям циркуляр следующего содержания: голод в России вызывает недовольство против советских учреждений, которое изначально идет из-за границы, что установлено, что белые вошли в сношение с американскими организациями, чтоб через них проникать к голодные районы и разжигать там ненависть крестьян, поэтому необходимо установить контроль над всеми лицами, устраивающими сборы на голодающих и неработающими в связи с советскими органами, особенно кадетов — социал-революционеров в Берлине, работающих совместно с немецким Красным Крестом и частными организациями¹.

В целом, можно указать следующие эмигрантские организации, работавшие в деле помощи голодающим²: 22 июля был создан Берлинский общественный комитет помощи голодающим³; 31 июля в Ревеле — Русское кооперативное объединение помощи голодающим⁴; 1 — августа Парижский Объединенный Комитет Русских Организаций помощи голодающим⁵; 2⁶ (6)⁷ августа — Константинопольский Особый Русский Комитет Помощи Голодающим в России; 3 августа — Временный Варшавский Комитет по борьбе с голодом в России⁸; 3—4⁹ (13—14)¹⁰ августа — Русский общественный комитет в Эстонии помощи

¹ Надзор за эмиграцией // Руль. 1921. 13 ноября. № 302.

² Даты создания организаций помощи могут быть не совсем точные, поскольку, во-первых, они разнятся в источниках, а во-вторых, за начало деятельности могут быть выбраны разные отправные точки, например, учредительное собрание или регистрация в иностранных государственных инстанциях. Расхождения могут составлять около 7—10 дней.

³ ГАРФ. Ф. 5977, оп. 1, д. 25, л. 3.

⁴ ГАРФ. Ф. 6057. оп. 1, д. 1, л. 1.

⁵ ГАРФ. Ф. 5977. оп. 1, д. 25, л. 3.

⁶ Та же, д. 13, л. 83.

⁷ ГАРФ. Ф. 7004, оп. 1, д. 1, л. 24.

⁸ Там же, л. 6.

⁹ ГАРФ. Ф. 5977, оп. 1, д. 12, л. 36.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 7004, оп. 1, д. 1, л. 34.

голодающим; 5 августа – Лондонский общественный комитет помощи голодающим¹ и Объединение Русских общественных организаций в Белграде по борьбе с голодом в России²; 8 августа – Русский Общественный комитет в Германии помощи голодающим в России³; 12 августа – Белградский комитет помощи голодающим Советской России⁴; 13 августа – Всероссийский Общественный Комитет в Чехословакии помощи голодающим в России (с отделениями в различных городах Чехословакии)⁵, Российский общественный комитет во Франции помощи голодающим в России⁶, Дальневосточный Центральный Комитет по оказанию помощи Советской России⁷, Русский общественный комитет в Эстонии помощи голодающим⁸; 15 августа в полосе отчуждения КВЖД возник Американо-русский (Международный) Комитет помощи голодающим советской России⁹; чуть позже Центральный железнодорожный комитет помощи голодающим (ЦЖКПГ)¹⁰ и Харбинский общественный комитет помощи голодающим (ХОКПГ)¹¹; не позже 26 августа в Нью-Йорке – Русский Общественный Комитет Помощи Голодающим¹²; 8 сентября в Праге – Русский Земледельческий Комитет Помощи голодающим в России¹³; 15 сентября в Бельгии – русский комитет помощи голодающим¹⁴; 5 февраля

¹ ГАРФ. Ф. 5977, оп. 1, д. 11, л. 236.

² *Козлитин В. Д.* Русская и украинская эмиграция в Югославии (1919–1945 гг.). С. 246.

³ ГАРФ. Ф. 9145. оп. 1, д. 136, л. 1.

⁴ *Козлитин В. Д.* Указ. соч. С. 247.

⁵ Огни. 22 августа. 1921.

⁶ ГАРФ. Ф. 5977, оп. 1, д. 12, л. 74.

⁷ Помощь. 29 августа. 1921. № 3.

⁸ ГАРФ. Ф. 7004, оп. 1, д. 1, л. 34.

⁹ *Иванов В. П.* Проблема реэмиграции в СССР в 1920–1945 гг. // Русская эмиграция в Европе (20–30-е гг. XX в.). М.: ИВИ РАН, 1996. С. 106.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² ГАРФ. Ф. 5977, оп. 1, д. 12, л. 6.

¹³ ГАРФ. Ф. 5977. оп. 1, д. 14, л. 3; ГАРФ. Ф. 9110, оп. 1, д. 1, л. 3.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 7004, оп. 1, д. 1, л. 70.

1922 г. — Пражский Комитет помощи голодающим в России при союзе русских студентов в Чехословакии¹. То есть большинство эмигрантских организаций помощи голодающим было создано в августе 1921 года. Надо отметить, что если дата создания большинства комитетов известна (сохранились учредительные документы этих организаций, упоминания в прессе) то определить время их закрытия можно лишь в редких случаях (в виду отсутствия источников).

Подводя итоги деятельности комитетов, хотелось бы выделить следующие моменты. Географически большинство комитетов размещались в столицах стран проживания, местах концентрации русской эмиграции. Время деятельности эмигрантских организаций помощи голодающим — 1921–1922 гг.: большинство их было создано в августе 1921 г. и прекратили свою деятельность к концу 1922 г. (в редких случаях к концу 1923 г.). Создание комитетов проходило, как правило, на собраниях русских организаций или известных и значимых эмигрантов. Исключение составила Чехословакия, где вопрос о деятельности комитета решался референдумом всей русской колонии, проживавшей в этой стране.

Комитеты имели различный принцип комплектования: одни, образовывались при действовавших общественных или иных организациях (например, Комитет помощи голодающим в России при союзе русских студентов в Чехословакии, Комитеты Земгора); другие объединяли представителей, делегированных различными эмигрантскими организациями страны проживания (большинство так называемых Объединенных комитетов); третьи действовали на основе личного членства (большинство так называемых Общественных комитетов); четвертые — представляли собой согласительные органы комитетов и создавались в случае наличия в стране проживания нескольких аналогичных комитетов для координации их усилий. Практически все комитеты были не партийные, созданные из представителей разных политических течений от монархистов до демократов.

В большинстве стран рассеяния эмиграцией было создано по несколько комитетов помощи голодающим в связи со

¹ ГАРФ. Ф. 5920, оп. 1, д. 1.

спорами как по вопросам принципа комплектования, так и по вопросам тактики и стратегии помощи. Хотя даже с точки зрения некоторых эмигрантов компромисс был возможен, о чем писал в Б. А. Бахметьев в письме П. Н. Милюкову. Он предлагал, чтобы «в вопросе о голоде сопоставлялся принцип группового представительства и индивидуального. В настоящем вопросе можно будет избрать средний путь: получить представительство некоторых групп, где это возможно — добавить представительство личное, но, так подобрав людей, чтобы они фактически представляли собою или были бы связаны с многочисленными организациями и чтобы, конечно, их титулы были поименованы»¹.

Организации помощи имели различную структуру. Во всех Комитетах для управления выбирался руководящий орган и Председатель. Однако, были случаи, когда кроме этого выбирался и исполнительный орган (например, в Берлинском общественном комитете). Комитеты могли иметь региональные подотделы (например, как в Приморском губернском комитете общественных организаций по оказанию помощи голодающим в Советской России). Большинство же комитетов помощи голодающим создавалось для координации этой работы в целом в стране проживания, и не имело при этом региональных отделений. Практическая работа комитетов, как правило, велась по секциям, которые выделялись в связи с основными направлениями работы. В большинстве комитетов действовали: материально-финансовая (сбор продовольствия, одежды, денег) и агитационно-информационная секции, в некоторых комитетах выделялись также медико-санитарная и аграрно-семенная. Могли создаваться структурные подразделения для помощи отдельным категориям граждан (детям, интеллигенции), а также помощи отдельным регионам (например, в Константинопольском комитете). По направленности помощи Комитеты могли быть специализированными, т. е. оказывающими поддержку людям отдельных профессий, социальных (например, Лондонский комитет помощи интеллигенции в России²), возрастных групп (комитеты помощи детям, существовавшие в разных странах)

¹ Политическая история русской эмиграции. 120—1940. С. 527.

² Кудрякова Е. Б. Российская эмиграция в Великобритании в период между двумя войнами. С. 35.

и т. д. В большинстве своем эмигрантские организации помощи голодающим имели многопрофильный характер, в связи с чем, в них создавались секции, отвечавшие за помощь той или иной категории населения.

Помощь, оказанную эмиграцией можно разделить на крупногабаритную (вагонами) и индивидуальную (посылки). Большинство организаций занималось лишь сбором средств для них, а отправку осуществляло через другие организации (в основном международные). Особенностью Комитетов расположенных в государствах, граничащих с Советской Россией, было оказание помощи непосредственно голодающим приграничной зоны (например, Варшавский, Дальневосточные комитеты), а также посредническая деятельность при переправке помощи эмигрантов из Западной Европы.

В своей деятельности комитеты сталкивались с несколькими основными проблемами: 1) отсутствие финансовых средств; 2) сложности с доставкой денег и продовольствия голодающим в Россию; 3) отсутствие единообразия и скоординированности в деятельности аналогичных структур в разных странах, делающее их работу менее эффективной.

Не зависимо от различий и акцентов в своей работе, все комитеты позиционировали себя как беспартийные организации, а свою деятельность, как аполитичную и имели одну цель — помощь голодающим в России.

ВСЕРОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ПОМОЩИ ГОЛОДАЮЩИМ И РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ. ПОПЫТКИ ЭМИГРАНТСКИХ КОМИТЕТОВ СКООРДИНИРОВАТЬ СВОЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В июне 1921 г. интеллигенцией (группой агрономов, экономистов, университетских преподавателей, общественных деятелей разных направлений) была выдвинута идея создания Общественного комитета помощи голодающим в РСФСР. При посредничестве М. Горького она была доведена до председателя Совнаркома, который выразил сочувствие этой инициативе, Политбюро также одобрило ее¹. 13 июля 1921 г. он обратился к мировой общественности с призывом о помощи голодающей России: «По непреклонной воле истории русские рабочие совершают социальный опыт, результат которого будет крайне поучителен для рабочего класса всего мира. Голод — следствие небывалой засухи — грозит прервать этот великий опыт, голод может уничтожить лучшую энергию страны в лице ее рабочего класса и научных сил, голод убьет десятки и сотни тысяч людей»². Крупные эмигрантские издания назвали это выступление предательством. «Мы уже не раз говорили, — писал «Руль», — что Горький при коммунистах то же, чем «Новое время» было при царском режиме. Поэтому приведенное сообщение Горького интересно не с точки зрения личной характеристики Горького, а как отражение коммунистических настроений, как показатель их отношения к потрясающей и волнующей весь мир катастрофе»³. Настороженное отношение было не только к М. Горькому, но и к ВКПГ, созданному при его посредничестве.

3 июля 1921 г. центральная советская пресса опубликовала следующее сообщение: «Ввиду определившегося неурожая в

¹ Руль. 1922. 22 апреля.

² Цит. по: Руль. 1921. 11 августа.

³ Руль. 1921. 12 августа. № 223.

значительной части земледельческой России ряд общественных деятелей дооктябрьского периода обратились к правительству республики с предложением организовать специальный комитет по оказанию помощи голодающим и борьбе с различными эпидемиями. Наиболее значительную роль в этом ходатайстве играют Прокопович, Кускова, Кишкин и др. Самая просьба была передана Прокоповичем и Кусковой через т. Горького. Они выразили желание, чтобы в организуемой комиссии приняли участие некоторые из деятелей Советской России, в частности т. Семашко, Каменев и Рыков. По имеющимся у нас сведениям, это предложение правительством принято, и в ближайшие дни можно ожидать опубликования официального постановления об организации этого комитета»¹.

Новость о создании комитета тут же достигает Запада. «Руль» писал: «Только теперь на краю бездны всплыли фамилии Кишкина, Кусковой, Прокоповича, но и то, требуется какая-то протекция Горького для того, чтобы предоставить им возможность организовать помощь народу»².

Советское правительство понимало всю важность создания такой организации для получения иностранной помощи. Надо отметить, что для Запада Комитет был не только своеобразным гарантом «правильного» распределения продовольственной помощи, но и доказательством нового курса советского правительства. Поэтому для большевиков в августе 1921 г. он мог стать козырем в деле получения иностранной помощи. Это, однако, вовсе не означало, что создаваемая организация действовала сообразно своему плану. От нее требовалось не много: «От Кусковой возьмем имя, подпись, пару вагонов от тех, кто ей (и эдаким) сочувствует. Больше ни-че-го»³.

В верхних эшелонах советской власти начались споры о необходимости создания такого комитета вообще и его полномочий. В результате было найдено «соломоново решение» — внедрение в состав комитета представителей советской власти и создание аналогичной государственной структуры (комиссии

¹ Известия. 1921. 3 июля.

² Руль. 1921. 12 июля. № 196.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч.. Т. 53. С. 25.

ВЦИК – ЦК Помгол). ВКПГ объявлялся аполитической краснокрестной организацией. Был утвержден его состав, который оказался весьма пестрым. В нем работали виднейшие представители русской интеллигенции, в том числе и не совсем надежные с точки зрения Советской власти, но способные привлечь своим участием к борьбе с голодом зарубежную и эмигрантскую общественность – А. М. Горький, К. С. Станиславский, А. И. Сумбатов-Южин, Б. К. Зайцев, А. Л. Толстая, П. И. Бирбков, В. Ф. Булгаков, А. П. Карпинский, В. А. Стеклов, П. П. Лазарев, В. Н. Ипатьев, А. В. Ферсман, Н. И. Курнаков, Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург, А. В. Чаянов, П. А. Садырин, Н. Д. Кондратьев, С. Н. Прокопович, Н. Н. Кутлер, Ф. А. Головин, Н. М. Кишкин, Е. Ф. Кускова и др.

Б. А. Бахметева поразил такой состав: «не большевистский элемент почти исключительно состоит из мягкотелых либералов, никогда не имевших дела с вещами, а только со словами. В состав не вошло ни одного крупного организатора, инженера, фабриканта, торговца, которые в прошлом имели бы опыт управления предприятиями, железными дорогами и пр. Также нет ни одного ср., вообще человека, обладающего революционной психологией и способного на сильные, энергичные порывы»¹. Это породило в нем подозрение, что комитет создан как орудие для «заграничного употребления». П. Н. Милюков же, со слов В. А. Маклакова, когда прочел о его составе, искренне поверил, что именно этот комитет – «будущая Россия, что он станет властью, и порыв народной любви к нему его оградит»². С одной стороны, Маклаков в вопросе об отсутствии видных имен в основном был согласен с Бахметевым, но при этом считал, что если бы формирование комитета зависело от Милюкова и его единомышленников, то тех имен, которые бы допустил первый, не допустили бы вторые. С другой стороны, он отмечал, что вхождение в состав комитета лиц, чья ортодоксальность не вызывала сомнения и которые впервые в этом вопросе пошли с большевиками, вроде Кишкина и Проко-

¹ «Совершенно лично и доверительно!» Т. 1. С. 428.

² Там же. Т. 2. С. 81.

повича, помогли решиться тем эмигрантам, которые до этого колебались в вопросе помощи¹.

21 июля ВКПГ наконец обрел статус юридического лица². С этого времени комитет мог заключать сделки и договора, приобретать имущество, фураж, медикаменты и предметы первой необходимости в России и за рубежом, собирать пожертвования, открывать в регионах свои филиалы, распределять помощь среди нуждающегося населения, пользоваться транспортными средствами для доставки этих продуктов, организовывать бесплатное питание, беспрепятственно сноситься с заграничными организациями и фондами, участвовать в обсуждении мер, предпринимаемых центральными и местными властями, относящихся, по мнению комитета, к вопросу борьбы с голодом содействовать образованию подобных Комитетов в западных странах, командировать за границу своих уполномоченных и печатать свой бюллетень, брошюры и плакаты. Деятельность Комитета не подлежала ревизии Рабоче-крестьянской инспекции. Он действовал под эгидой Красного Креста. То есть ВКПГ был наделен широчайшими правами, а учитывая, что это была не большевистская общественная организация, можно сделать вывод о вынужденности данной меры исключительно в связи с кризисной ситуацией.

Уже на первом собрании 23 июля, ВКПГ принял резолюцию о направлении за границу своих представителей «для установления сношений с Западной Европой»³. По мнению М. Горького, высказанного им в одном из писем Короленко, единственной функцией комитета было обращение к европейским странам с воззваниями о помощи⁴. Председатель ВКПГ Л. Б. Каменев, не очень-то рассчитывал на эти воззвания и считал, что комитет создан с целью сбора пожертвований⁵. Член комитета, один из лидеров кадетской партии, к тому времени уже отсидевший в советской тюрьме Н. Н. Кутлер так

¹ Там же. Т. 1. С. 440.

² Известия. 1921. 21 июля.

³ Известия. 1921. 24 июля; Правда. 1921. 7 августа.

⁴ Горький М. Неизданная переписка... М., 2000. Вып. 5. С. 163.

⁵ Известия. 1921. 4 августа.

писал о работе комитета: «Дело это — страшно опасное. Ведь с кем договариваться?... Люди без чести и без отечества. Что им голод? Может дело повернуться так, что они утопят в нем остатки интеллигенции.... Нам только и остается делать то, что подскажет совесть.... Нужно хотя бы ценой собственных жизней привлечь внимание заграницы»¹. Комитет начал действовать и действовать весьма активно, что сразу же насторожило большевиков.

Как мы уже отмечали ранее, важность создания Всероссийского Комитета помощи голодающим заключалась для эмиграции в возможности налаживания сотрудничества с ним как с не политическим общественным органом. В. А. Маклаков, анализируя взгляды на ВКПГ русской эмиграции проживающей в Париже, выделил два течения. Первое, которое считает, что весь московский комитет «одно надувательство со стороны большевиков, которые желают сделать вид, что они беспартийны, этим фасадом приобрести доверие Европы, оправдаться от нареканий самой России, разделив ответственность со своими врагами, а в конце концов оставить все в своих руках. А оставить в своих руках значит сделать так, чтобы катастрофа не подорвала их фактического господства: для этого, конечно, во-первых, прежде всего накормить Красную армию и те городские центры, где сосредотачивается ядро большевизма; накормить, может быть, и те районы, где находятся нужные для них промышленные предприятия; что же касается до тех местностей, куда пробраться трудно, то предоставить их собственной участи, не допустив голодные массы оттуда добежать до центра. Этим путем нельзя помешать десяткам миллионов сдохнуть с голоду, но можно временно спасти правительственный механизм. Часть наших здешних русских организаций думает, что большевизм непременно постарается поступить именно так и что мы предаемся иллюзии, возлагая надежды на московский комитет: мы этим только приобщимся к тому злу, которое он сделает»². Еще одним поводом для недоверия ВКПГ со стороны эмиграции, на наш взгляд было его руководство, а

¹ Дни. 1924. 18 мая.

² «Совершенно лично и доверительно». Т. 1. С. 421.

вернее участие в нем представителей советской власти. Таким образом, первая группа это — недоверчивые, которые возможно и хотели оказать помощь через комитет, но не слишком полагались на него.

Маклаков продолжает: «Другое мнение говорит иное: оно полагает, что образование московского комитета есть не камуфляж, а горькая необходимость для самих большевиков; что они почувствовали, что они ничего сделать не смогут, что им нужно обращаться к другим силам, к своим прежним противникам; что самый состав комитета в этом отношении необычайно характерен; он как будто бы предопределяет, кто сейчас в России пользуется доверием широких масс; они думают, что большевики это настроение хорошо понимают и что невольно они показали, кто теперь те люди, пользующиеся доверием, о которых в свое время мы говорили перед революцией. Ведь состав комитета характерен, в нем нет правых и нет определенных социалистических элементов; ибо Кускова и Прокопович социалисты очень условные. Словом, состав комитета есть определенно левый центр, то, что называется демократия. Вот почему, по мнению этого фланга, на этот комитет нужно возлагать большие надежды и всеми мерами его поддержать»¹. Маклаков же, и по его заверениям большинство эмигрантов считали, что в создании комитета были важны оба соображения: «Самый комитет возник по собственной инициативе, а не по почину большевистской власти; он вырос из общества сельского хозяйства, которое подняло во всей широте вопрос о голоде, послало депутацию к Ленину, настаивало на привлечении общественных сил и т.д. Но возможно, что когда этот комитет образовывался, то в головах большевиков была надежда его использовать, как я Вам указывал. Я пойду дальше и скажу, что одни и те же большевики в зависимости от хода обстоятельств могут пожелать придать ему то или другое значение. Словом, все это находится в стадии образования, грубее — в стадии борьбы»². При этом он предвидел, «что если большевикам не удастся получить помощь за границей непос-

¹ Там же.

² Там же. С. 421–422.

редственно в свои руки и пользоваться ею помимо комитета, то они будут давать бой на второй позиции, будут настаивать, чтобы местные органы, занимающиеся помощью голоду, были большевистскими агентами, чтобы никакого аппарата власти у комитета на местах не создавалось»¹. Точно же просчитать, как будут развиваться события, эмигранты могли лишь в случае контактов с представителями комитета. В случае если комитет не оправдает надежд эмиграции, В. А. Маклаков предлагал иностранным организациям, оказывающим помощь голодающим создавать собственный аппарат на местах, все с той же целью — передавать продовольствие непосредственно населению, не допуская его попадания большевикам².

Не смотря на то, что оценки В. А. Маклакова как правило, носили достаточно взвешенный и объективный характер, тем не менее, он забывает назвать еще одну группу, которая не просто с недоверием, а по настоящему враждебно относилась к ВКПГ. Возможно, поскольку он говорит исключительно о русских парижанах, таковой среди них не было. Однако в эмиграции она присутствовала. Вот что пишет по этому поводу «Варшавский голос»: «Эта враждебность выражалась в 2-х направлениях: с одной стороны, скрытая вражда к тем, кто вошел в состав комитета и тем самым стал сотрудничать с советской властью, с другой — злобное издевательство над теми, кто самым участием в комитете показывает, что верит в возможность служить русскому народу не только в России самодержавной или России Деникина, Колчака, Юденича, Врангеля, но и в той России, которая управляется Советами»³. В эмиграции не прекращались споры и по поводу характера работы комитета: носит ли она политический характер или нет?

Сам Маклаков, оценивал создание комитета как грамотное решение большевиков, принятое, чтобы сохранить саму власть, противостоять стихии и возможным интервенционистским планам заграницы. «С этой точки зрения создание московского комитета... соответствовало и их видам; во-первых, он в глазах

¹ Там же. С. 422.

² Там же.

³ Живое дело / / Варшавский голос. 1921, 24 августа.

страны перекладывал ответственности на общественность, по крайней мере, на ту ее часть, которой страна по привычке продолжала верить; во-вторых, работа с этим комитетом в известном слое общественности обеспечила им помощь, которой без этого они не получили бы, причем эта общественность благодаря сотрудничеству с советской властью на время переставала быть с ними в прямой борьбе... В-третьих, благодаря этому создавался декорум, полезный и для Европы, без которого буржуазная Европа может быть и не откликнулась бы на их крики о помощи и которая теперь может вообразить, что она приняла все нужные меры, если деньги будут направляться именно в этот комитет, независимый по имени, но находящийся всецело в руках большевиков»¹. Именно поэтому, не смотря на положительное отношение к ВКПГ, Маклаков был уверен, что вести сотрудничество исключительно с ним, означало бы полную подконтрольность советской власти. К тому же он понимал, что в любой момент власти могут не только распустить комитет, но и свалить на него всю ответственность. Выход он видел в том, что, даже сотрудничая с этой общественной организацией, иностранцы — не должны упускать инициативы и контроля из своих рук².

Н. В. Савич, считал, что вся шумиха поднята лишь для того, чтобы затем сказать: «Видите, мы призывали буржуев и ничего не вышло. Значит и нельзя вам ничего сделать»³. Еще в июле 1921 г. он писал о членах комитета, предвосхищая их судьбу: «А может быть еще на них же свалят ответственность за катастрофу — скажут — саботаж буржуев»⁴.

Не смотря на настороженное отношение к Комитету, многие эмигранты понимали важность его создания. Он был наделен широкими полномочиями, в том числе ему разрешалось для сбора средств иметь связи с заграницей и даже создавать там свои местные комитеты. Узнав об этом, эмигранты стали обсуждать вопрос, как вести себя, если таковые будут созда-

¹ «Совершенно лично и доверительно!» Т. 1. С. 440–441.

² Там же. С. 442.

³ ГАРФ. Ф. 6096, оп. 1, д. 1, л. 16об.—17.

⁴ Там же. Л. 17.

ны за рубежом. Так, на обсуждении этого вопросы в Русском Национальном Комитете мнения разделились: одни считали их большевистскими, другие полагали, что надо сделать так чтобы члены РНК преобладали в них и проводили свою политику¹.

Не смотря на некоторый пессимизм в отношении состава комитета, Б. А. Бахметев, тем не менее, считал, что «при определенных условиях подобные беспартийные комитеты могут сыграть огромную роль, фактически развившись в центры национального объединения» и даже проводил параллели с деятельностью Земско-городского союза и Военно-промышленного комитета. Поэтому для себя он решил поддержать ВКПГ, усилить кооперацию с ним американских и других организаций. 13 августа, когда дело организации эмигрантских комитетов проходило этап своего становления, и возможно Бахметев еще был не в курсе, он указывал на необходимость создания подобных комитетов за границей, чтобы вступать в прямую кооперацию с действующими в России учреждениями².

Члены ВКПГ верили, что помощь окажут не только иностранцы, но и их соотечественники, проживавшие за границей. Не случайно на состоявшемся 30 июля 1921 г. в Саратове совещании соседних губерний по согласованию действий по борьбе с голодом профессора Рыбников, Ракитников, Кухоренко заявили, что «Комитет должен пользоваться авторитетом не только перед Центральным комитетом, но и перед комитетами, организованными в Западной Европе, где примут участие общественные силы России, эмигрировавшие за границу»³. Надо отметить, что не только члены Комитета надеялись на это. В агентурных сведениях, составленных эмигрантами отмечается, например, стремление советских представителей в Берлине (В. Коппа⁴, Ю. Лутовинова⁵ и др.) войти в связи с руководителями правых русских организаций дабы привлечь их к совместной работе по оказанию помощи голодающим России.

¹ Там же. л. 16–17.

² «Совершенно лично и доверительно!» Т. 1. С. 428.

³ Цит. по: *Кудрякова Е. Б.* Российская эмиграция в Великобритании в период между двумя войнами. С. 24.

⁴ Главный уполномоченный Советского Красного Креста.

⁵ Замторгпреда в Берлине.

Согласно этим данным В. Копп сообщал: «Уже до моего отъезда я зондировал почву (здесь он намекает на его переговоры с Набоковым). Я уверен, что мне удастся прийти к соглашению. Я уполномочен дать отдельным лицам и организациям полную гарантию в том, что при их возвращении в Россию их никто не тронет и по желанию они могут беспрепятственно вернуться за границу. Советское правительство горит желанием работать с интеллигенцией и все старое забыть и простить. Следует оставить предрассудки, что работать с советским правительством невозможно. На основании предложенных мною гарантий, я убежден, что отказа не будет»¹.

Безусловно, у советского руководства не было единой точки зрения по вопросу полномочий Всероспомгола. С одной стороны, помощь, действительно была необходима, с другой, было опасение создания «прецедента политического сотрудничества с общественной оппозицией, боязнь объединения российских «антибольшевистских элементов» с эмигрантскими кругами»². Но масштабы голода к июлю были таковы, что любая помощь была жизненно важной. Создание этой организации отразилось на отношении и участии эмиграции в деле помощи голодающим. Уже в первом номере своей газеты «Помощь» ВКПГ пишет: «С особым оживлением обсуждает вопрос о голоде и общественной помощи ему русская зарубежная пресса, влиятельная часть которой способна, по-видимому, не связывать с этим вопросом настроений чисто политических»³. Действительно, некоторые эмигранты ориентировались на этот комитет, как на орган, пользующийся доверием русской общественности, создание которого, уже говорит о позитивных сдвигах в советской политике. Справедливости ради, надо отметить, что так считали не все. Отношение к Всероссийскому комитету помощи голодающим в эмиграции было диаметрально противоположным: от полного неприятия до желания осуществлять помощь голодающим именно через этот Комитет.

¹ ГАРФ. Ф. 6215. оп. 1, д. 12, л. 3.

² Столь успешное втирание очков всему свету (документы о Помголе) // Источник. 1995. № 3. С. 53.

³ Помощь. 1921. 16 августа.

Как уже отмечалось Всероспомгол с момента своего возникновения был нацелен на получение помощи прежде всего из-за границы (в том числе и от эмигрантов). Для решения этих вопросов была запланирована командировка его членов в страны Европы. Некоторые эмигрантские организации помощи голодающим в ожидании приезда москвичей не предпринимали активных шагов, так как намеривались во время их визита скоординировать действия в соответствии планами и информацией ВКПГ.

Интересно отметить, что надежды на приезд московской делегации были так велики, что в эмигрантской прессе появилась даже статья, о том, что такая делегация в составе Прокоповича, Кусковой, Александры Толстой, бактериолога проф. Тарасевича и бывшего председателя московского кооперативного банка Авсаркисова прислана за границу¹. Однако это было не так. Достоверно известно, что в Европу удалось приехать лишь одному представителю Московского общественного комитета П. И. Бирюкову. Он опубликовал в русской зарубежной прессе воззвание к эмигрантскому обществу, выступил с докладами перед эмигрантами и иностранцами, призывая их оказать поддержку голодающим, дал интервью зарубежным журналистам². По данным Маклакова, член IV Государственной думы, социал-демократ, меньшевик М. И. Скобелев по собственной инициативе (при поддержке и посредничестве Л. Б. Красина) стал официальным представителем Московского комитета, который уполномочил его в т.ч. вступать в переговоры и соглашения с иностранными правительствами. В этом качестве он был принят, в частности, Брианом.

ВКПГ проанализировав ситуацию на местах считал, что без заграничной помощи не справиться, а для этого нужна заграничная командировка, в случае отказа дать разрешение на последнюю, ВКПГ угрожал самороспуском. Не смотря на то, что паспорта с визами Великобритании, Германии и Швеции были готовы в НКИДе, ВЦИК отказал в санкции на выезд.

¹ Воля России. 1921. 6 августа. № 273.

² Руль. 1921. № 224, 227, 230; Голос России. 1921. 14 августа; Столь успешное втирание очков всему свету (документы о Помголе) // Источник. 1995. № 3. С. 54.

Г. В. Чичерин, отлично зная отношение к Комитету за рубежом, в письме В.И. Ленину 18 августа 1921 г. доказывал экономическую и политическую значимость поездки и дальнейшей деятельности ВКПГ¹. С ним был солидарен Л. Б. Красин, который писал В. И. Ленину: «Воспреещение уже разрешенного (иначе бы мы не запрашивали у всей Европы виз) выезда за границу компрометирует весь наш новый курс и столь успешно начатое втирание очков всему свету. Не только в сборах на голод, но и в вопросе о займах и в переговорах о концессиях этот поворот политики очень неблагоприятно скажется. И чего ради? Ведь все страхи, что Прокукиш^{2*} сорвет нам Гувера оказались неосновательными – Гувер уже уступил по вопросу о высылках и обысках. Никакой опасности чтобы Прокукиш стал чем-то опасным за границей нет. Напротив он поможет окончательному разложению там белогвардейщины, а это нам важно, без этого мы еще нескоро начнем с Брианом, а без Франции нет и не будет большого займа»³. Понимая, что отказ в заграничной командировке членов Комитета равносителен его ликвидации А. Луначарский, А. Емшанов, И. Теодорович обращаются в Политбюро с письмом об экономических и политических последствиях, к которым это может привести. Выход они видели в подборе небольшой и тщательно проверенной делегации. «Нам кажется, что это решение лучше, чем косвенное признание правительством своей ошибки, ибо и само возникновение комитета и посылка делегации за границу официально и принципиально одобрены были»⁴. Тем не менее, ВЦИК считал, что необходимость поездки отпала, поскольку зерно в РСФСР от иностранных организаций уже начало поступать. Первостепенной объявлялась работа в голодающих районах⁵. В Политбюро победила жесткая линия. А поскольку власти к тому времени

¹ Столь успешное втирание очков всему свету (документы о Помголе) // Источник. 1995. № 3. С. 55–56.

² Так именовали ВКПГ коммунисты, по первым буквам его лидеров: Прокопович, Кускова, Кишкин.

³ Столь успешное втирание очков всему свету (документы о Помголе) // Источник. 1995. № 3. С. 57.

⁴ Там же. С. 58.

⁵ Известия. 1921. 24 августа.

заключили договора с АРА и Нансеновским комитетом, необходимость в деятельности ВКПГ с точки зрения, как внешней политики, так и экономики отпала.

23 августа на собрании Комитета в резолюции вновь прозвучала угроза о самороспуске ВКПГ, в случае запрета на выезд его делегации. В ответ на которую Ленин отдал следующие распоряжения, касающиеся судьбы комитета и его активных участников: «Предлагаю: сегодня же... постановлением ВЦИКа распустить «Кукиш» — мотив: их отказ от работы... Назначить для приема денег и ликвидации одного вечекиста. Прокоповича сегодня же арестовать... и продержать месяца три... Остальных членов «Кукиша» тотчас же, сегодня же, выслать из Москвы, разместив по одному в уездных городах по возможности без железных дорог, под надзор... Напечатаем завтра же пять строк короткого, сухого «правительственного сообщения»: распущен за нежелание работать. Газетам дадим директиву: завтра же начать на сотни ладов высмеивать «Кукишей». Баричи, белогвардейцы, хотели прокатиться за границу, не хотели ехать на места... Изю всех сил высмеивать их и травить не реже одного раза в неделю в течение двух месяцев....»¹ Началась травля его бывших членов и жесточайшая критика в его адрес в советских газетах²

27 августа Ленин составил проект экстренного постановления Политбюро, в котором предписывалось срочно, не допуская собрания ВКПГ, арестовать Прокоповича и всех членов комитета (не коммунистов). О чем он и сообщает Уншлихту и Дзержинскому³. Поэтому, все кто пришел вечером этого дня на собрание ВКПГ для решения вопроса о его судьбе были арестованы (отпустили лишь некоторых лиц, не входивших в состав ВКПГ), а ночью в квартирах большинства из них был

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч.. Т. 53. С. 140–142.

² См. например: Не играйте с голодом! // Правда 1921. 30 августа; Комитет помощи... контрреволюции // Известия. 1921. 30 августа; Они спекулируют на голоде! // Коммунистический труд. 1921. 31 августа и т. п.

³ В. И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917–1922 гг.). М., 1987. С. 467.

произведен обыск¹. Списки арестованных были опубликованы лишь через 84 года. По ним 27 августа были взяты под стражу 28 человек, на 29 августа по делу комитета на Лубянке содержалось 74 человек (но среди них нет сведений о шести, задержанных 27 августа)². Часть тех, кто состоял в комитете номинально (из уважения к фамилиям), были отпущены через несколько дней³. По некоторым данным 27 августа под стажу были взяты около 100 человек⁴. 30 августа было опубликовано правительственное сообщение о ликвидации комитета⁵.

Вплоть до начала сентября многие эмигранты не верили в разгон ВКПГ. Несмотря на различное отношение русских за границей к его деятельности, когда он был распущен, это вызвало бурную реакцию у всех слоев эмиграции. Одни видели в этом нарушение Советской властью своих обязательств и невероятные осложнения в деле помощи, другие – подтверждение своей точки зрения, что Советской власти доверять нельзя. Анализируя ситуацию, эмигранты постепенно пришли к выводу, что при создании Всероссийского Общественного Комитета, большевики думали не о том, как он может помочь голодающим, а о том, как пустить «пыль в глаза» капиталистам, большевики сыграли, с одной стороны, на общественности, с другой – у них была своя голодная тактика в Европе, ее цель не доставить поскорее хлеб умирающим, а прокричать о своей аполитичности, получив за это как можно больше кредитов и признание, и еще одна цель – «поймать на удочку “гуманности” как можно больше крупных “акул капитализма”»⁶, и как

¹ Новый журнал. 1970. Кн. 98. С. 200–208.

² В кн.: Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ. 1921–1923. М., 2005. С. 53–56.

³ Большинство членов комитета (кроме шестерых «зачинщиков») были отпущены к началу октября.

⁴ См. подробнее Геллер М. «Первое предостережение – удар хлыстом // Вопросы философии. 1990. № 9. С. 37–66. Ликвидация ВСЕРПОМГОЛа: письма Е.Д. Кусковой и В. Н. Фигнер. 1921–1922 / Публ. Я. В. Леонтьева // Русское прошлое. СПб., 1993. Вып. 4. С. 330–342.

⁵ Правда. 1921. 30 августа; Известия. 1921. 30 августа.

⁶ Воля России. 1921. 6 сентября.

только помощь из-за рубежа стала реальностью, комитет перестал быть нужен, «передышка кончилась, началась игра»¹

Эту точку зрения разделял и Н. В. Савич. Анализируя закрытие комитета он четко увязывал его с началом оказания помощи Америкой, т. е. еще раз подчеркивал, что комитет был лишь ширмой, созданной для рекламы не существующей политики, «трамплином», способствовавшим преодолению препятствий в участии иностранных государств в деле помощи голодающим². «Видим, большевики оправились от перепуга, в котором находились еще недавно, и обнаглели...»³.

Уже упоминавшийся ранее Скобелев, объяснял разгон примерно теми же причинами, но с иными акцентами: «разгон Московского комитета, который нужно понимать, как победу левых коммунистических течений над правыми, не имел бы места, если бы не Хувер и не Нансен; Московский комитет был создан в минуту паники, когда большевики испугались продолжения того бойкота Европы, под которым они жили. Они думали, что без комитета они не найдут ни кредита, ни возможности соприкосновения с заграницей. А когда по призыву Горького к ним поехали туда и Хувер и Нансен, которые не сделали ни одного шага, обнаруживающего какой-либо интерес к Московскому комитету, то большевики заключили, что комитет им не нужен и что от него нечего ждать кроме одних осложнений»⁴.

Исследователь А. Лысенко считает, что русские газеты Берлина, сами того не желая, внесли свою долю в развитие негативного отношения к Комитету в России. Он указывает, что после закрытия комитета помощи голодающим, тема небывалого бедствия в России хотя и не теряет актуальности, но утрачивает политическую остроту и постепенно выводится с первых страниц газет⁵.

¹ Воля России. 1921. 3 сентября.

² См.: Там же. Л. 30.

³ Там же. Л. 32.

⁴ «Совершенно лично и доверительно!»... Т. 1. С. 482.

⁵ Лысенко А. Голос изгнания: Становление газет русского Берлина и их эволюция в 1919-1922 гг. / А. Лысенко. — М.: Русская книга, 2000. С. 113.

Роспуск Комитета привел и к появлению среди эмигрантов неуверенности в своих силах в деле помощи. Вот что пишет берлинский «Руль»: «Самые убежденные поборники активной работы могут заколебаться. А сторонники «невмешательства» захотят использовать тот новый аргумент, который им дала советская власть своей последней мерой. Мы думаем, однако, что такое отступление еще преждевременно... Будущее создаст, быть может, доступные и для эмиграции нашей формы участия в международной помощи. До последней минуты она не вправе уклоняться от прямого и ясного своего долга, как бы трудно ни было его выполнение»¹. Примерно также относится к закрытию ВКПГ «Голос России» — помощь необходимо продолжать².

Вопрос об отношении к роспуску Всероссийского Общественного Комитета был вынесен на заседание большинства эмигрантских комитетов помощи голодающим³. И если деятельность этой организации, вопрос сотрудничества с ней и степени доверия ей был весьма спорным в эмиграции, то проблема роспуска ВКПГ вызвала практически однозначную реакцию. Были выпущены листовки протеста, опубликованы статьи соответствующего характера в эмигрантских газетах. Бюро Русского кооперативного объединения для помощи голодающим в России в г. Ревель считало, что роспуск ВКПГ уничтожил единственную возможность ускорить и усилить приток средств из-за границы⁴.

Русский Общественный комитет помощи голодающим в Париже выпустил протест против закрытия Московского Комитета, указывая, что «обвинения против Комитета в сношениях с заграничными делегациями с целью свержения Советской власти ... заведомая ложь»⁵, и что его роспуск это тяжелый удар делу помощи голодающему русскому народу, который может привести к ослаблению готовности оказывать помощь

¹ Руль. 1921. 3 сентября. № 242.

² Голос России. 1921. 2 сентября. № 752.

³ См., например: ГАРФ. Ф. 6057, оп. 1, д. 3, л. 4.

⁴ Там же, д. 4, л. 22.

⁵ Бюллетень Исполнительной комиссии Совещания Членов Учредительного Собрания. 1921. № 1. (1 Ноября). С. 15.

и увеличению затруднений для деятельности международных организаций помощи¹. При этом Парижский комитет считал своим долгом обратиться к русским эмигрантам с новым призывом о помощи, поскольку после закрытия ВКПГ потребность в помощи не уменьшается, а растет, так как нет проводника, поэтому проводниками выступают американские организации.

Берлинский комитет 6 сентября 1921 г. принял резолюцию следующую: «Актом грубого произвола – роспуск Всероссийского Общественного Комитета Помощи Голодающим в Москве – нанесен тяжелый удар организации дела помощи голодающим. Насильственное лишение русской общественности возможности организованного участия в деле помощи голодающим – чрезвычайно усложняет международную борьбу с беспримерной в истории катастрофой. Разделяя общее негодование, вызванное этим актом, Комитет полагает, что именно он налагает на зарубежную русскую общественность имеющую возможность тесного контакта с Западом повелительный долг с усиленной энергией продолжать начатое ею дело помощи. Проникнутый верой в успешность работы совместно с международными организациями помощи и настаивая на необходимости должных гарантий и контроля над организацией помощи, Берлинский Общественный Комитет обращается ко всем русским гражданам, находящимся за границей с горячим призывом не взирая на все препятствия, всемерно содействовать великому делу борьбы со страшным бедствием обрушившимся на нашу родину, памятуя, что нет жертвы, которой не была бы достойна стоящая перед нею задача»².

Подобные документы выпустили тогда не только организации имеющие отношение к делу помощи голодающим, но и некоторые партийные и общественные организации, например, Союз русских социалистов в Америке издал резолюцию, в которой повторяются в основном все те же мысли, которые были созвучны многим эмигрантам: когда Комитет был создан, его везде афишировали, вызывая тем самым сочувствие Европы и Америки, когда же началась американская помощь, отношение

¹ ГАРФ. Ф. 7004, оп. 1, д. 1, л. 70.

² ГАРФ. Ф. 5977, оп. 1. д. 14, л. 1–2.

к нему изменилось. Выражая протест по этому поводу, они считали, что теперь помощь будет сильно затруднена, так как большевики показали, что они «заинтересованы не в благополучии русского народа, а в использовании даже голода для упрочения своей партийной, деспотической власти». И, тем не менее, не смотря ни на что, документ призывает американцев не ослаблять поток пожертвований и обращается к АРА привлечь русские независимые силы, в противном случае это будет не помощь голодающим, а помощь большевикам¹.

В сентябре по Москве прокатились слухи о смертной казни, которая грозит активным членам Всероссийского комитета (прежде всего Кишкину, Кусковой и Прокоповичу), дошли они и до зарубежья, и в эмиграции возникло новое движение – в их защиту. Узнав об аресте членов Всероспомгола председатель Российского Красного Креста Ю. И. Лодыженский, обратился в Международный комитет Красного Креста об их защите². К этому движению подключились эмигрантские комитеты помощи голодающим – Парижский, Берлинский. Последний, в свою очередь обратился за помощью к Гуверу, Нансену и Адору. Председатель Парижского общественного комитета помощи голодающим Н. Д. Авксентьев получил письмо от Ф. Нансена, в котором тот сообщал о своей переписке по поводу судьбы членов Всероссийского комитета с Чичериным и о том, что сообщение о казни членов Московского комитета ложно, расследование еще только начинается и нет оснований ожидать смертных приговоров³. Нансен и Гувер прислали в советское правительство телеграммы-протесты, которые, вероятнее всего и решили исход дела.

Большую роль в судьбе осужденных сыграла Е. П. Пешкова, возглавлявшая Политический Красный Крест. Она добилась пересмотра дела Комитета. 27 апреля 1922 г. Политбюро приняло постановление: «Применить как меру облегчения перевод

¹ ГАРФ. Ф. 9145, оп. 1, д. 396, л. 44–45.

² *Лодыженский Ю. И.* Помощь голодающим в России // Ю. И. Лодыженский. От Красного Креста к борьбе с коммунистическим Интернационалом. М.: Айрис-пресс, 2007. С. 227.

³ Годовой отчет Российского Общественного Комитета во Франции Помощи Голодающим в России... С. 6.

бывших членов Всероссийского Комитета помощи голодающим в уездный или губернский город или, в случае их ходатайства, за границу»¹. В мае 1922 г. в Германию были депортированы Кускова и Прокопович. Осенью 1922 г., когда развернулась кампания борьбы с инакомыслием, за границу выслали еще пятерых членов комитета (М. А. Осоргина, И. П. Матвеева, Н. Е. Смирнова, А. И. Угрюмова, В. И. Ясинского), в марте 1923 г. — секретаря Толстовского общества В. Ф. Булгакова. Шестерым членам Комитета удалось уехать за границу добровольно и на законных основаниях (поправка здоровья, командировки, работу), обратно они не вернулись (Б. К. Зайцев, П. П. Муратов, Б. Р. Виппер, К. А. Бенкендорф, К. Ф. Клас-сен, А. Л. Толстая). Тех же, кто остался еще неоднократно арестовывали по самым разным поводам.

Анализируя разгон и репрессии над ВКПГ, эмигранты приходили к выводу, что это не было случайностью, а имело определенные политические цели, в частности: 1) повлиять на Запад, чтобы помощь оказывалась бесконтрольно, для чего необходимо было уничтожить всех, с кем он хотел бы говорить; 2) показать, что в России только одна сила, советское правительство, а все инакомыслящие будут раздавлены, внушить колеблющимся, что они должны беспрекословно подчиняться².

ВКПГ продемонстрировал возможность создания организации на многопартийной основе при реальном отсутствии шансов на успех в продолжении ее деятельности. Противники сотрудничества с советской властью приводили роспуск ВКПГ в качестве примера своим оппонентам, верящим в возможность эволюции большевиков в качестве доказательства нереальности таковой³.

Ликвидация Всероспомгола привела в эмиграции к следующим последствиям: во-первых, в связи с арестом членов этой организации возникло движение в их защиту; во-вторых, эмиг-

¹ «Просим освободить из тюремного заключения» (письма в защиту репрессированных). М., 1998. С. 167.

² См.: Политика казней // Воля России. 1921. 21 сентября.

³ См. например: Большевизм есть несчастье, но несчастье заслуженное» (Переписка В. А. Маклакова и А. А. Кизеветтера) // Источники. 1996. № 2. С. 17–19.

рация не отказалась от участия в деле помощи, а призвала ее продолжить и более того усилить; в-третьих, появилась необходимость искать другие организации-посредники, которые могли бы доставлять и распределять, собираемое эмигрантами для голодающих; в-четвертых, после приезда членов Московского Комитета за границу, эмиграция пополнилась новыми активными членами, которые включились в работу помощи голодающим уже за границей. Надо сказать, что приезд последних, был важен не только в этом плане. До этого за границей оказывались либо эмигранты, не знакомые с реалиями советской власти, либо большевики. Кускова и Прокопович делились более свежими и объективными данными о жизни в советской России, имели опыт практической работы там, что давало эмиграции повод для размышлений. Кроме того, по меткому замечанию Маклакова, они представляли «новый тип антибольшевистских деятелей, кое-что перенесших и уже во всяком случае неподкупных, которых тянет назад для работы, при этом против большевиков»¹.

* * *

Для оптимизации дела помощи русским комитетам, существовавшим в разных странах необходима была координация своих действий. На начальном этапе возникновения комитетов помощи за границей между ними не было никакой связи, скорее у них были более тесные отношения с международными организациями. Постепенно комитеты завязывают переписку, информируя друг друга о своей деятельности, выходя с предложениями о совместной работе.

Еще в августе 1921 г. Парижский комитет запрашивал мнение созданных к тому времени в разных странах русских комитетов помощи голодающим о желательности съезда их представителей с целью координации своей деятельности и выработки общей программы действий². На начальном этапе, некоторые деятели предлагали приурочить его к приезду делегатов ВКПГ. Однако, после его роспуска — возникли сомнения. С одной

¹ «Совершенно лично и доверительно!» Т. 2. С. 325.

² ГАРФ. Ф. 5977, оп. 1, д. 12, л. 74–74об.

стороны, съезд стал еще более необходим для консолидации сил и обмена информацией, с другой — некоторые считали его не своевременным, выдвигая на первый план не координацию действий, а практическую помощь. Переписка по этому поводу продолжалась в течение сентября-октября 1921 г.

На съезде планировался обмен мнений между русскими организациями, работающими в главных политических центрах Европы, с одной стороны, и русскими же организациями лимитрофных стран, непосредственно осведомленными о положении дел в России и могущих оказать посредническую помощь в переправке — с другой.

Пражский комитет предложил провести его в Праге, Берлинский — в Берлине, Парижские — в Париже (соответственно за подготовку бы отвечали местные комитеты). Прага казалась предпочтительней по финансовым и политическим соображениям. Берлинский же комитет ссылался на географические и валютно-визовые соображениями¹. Со второй половины сентября Берлинский комитет начал такую подготовку², хотя формально так и не было утверждено место и время проведения съезда.

Большинство комитетов хотели участвовать в съезде, но у всех было свое мнение о представительстве, объеме, характере и конструкции такого съезда. Планировалось, что каждый комитет будет представлять 2 человека, Берлинский комитет предлагал увеличить число делегатов до 4–5. Все Комитеты сходились в вопросе о необходимости обмена мнениями по проблемам общего характера и согласовании технического взаимодействия³. В связи с чем, Парижский общественный комитет предложил в виде компромисса созыв не съезда, а совещания представителей русских организаций помощи голодающим, решения которого не должны иметь обязательного для представленных организаций значения, но на котором будет проходить обмен информацией. Именно технические вопросы должны были стать главными на таком совещании, но могли быть обсуждены и другие проблемы. Возможно, что это сове-

¹ Там же, д. 14, л. 1.

² ГАРФ. Ф. 7004, оп. 1, д. 1, л. 70.

³ ГАРФ. Ф. 5977. оп. 1, д. 14, л. 7.

щение стало бы первым шагом на пути к будущему съезду¹. Примерная программы, предлагаемая Парижским общественным комитетом была такова:

I. Технические вопросы:

- а) Согласовать работы по снабжению и закупкам;
- б) Учет сил;
- в) Организация взаимной и, при надобности совместной информации;
- г) Согласование пропаганды дела помощи и организации сборов;
- д) Возложение поручений на отдельные организации, поставленные для исполнения их в наиболее благоприятные условия.

II. Обмен мнений по общим вопросам для сообщения своим организациям.

- а) Отношение к иностранным организациям;
- б) Осуществление помощи России на началах аполитических и доставления помощи непосредственно нуждающимся².

С этой программой Парижского общественного комитета был не согласен Парижский объединенный комитет, который отказывался участвовать в этом мероприятии, считая его несвоевременным, более того, он обратился к Лондонскому комитету с просьбой также отказаться от участия в нем³.

К концу сентября повестка съезда была в целом согласована комитетами:

- 1) объединение деятельности Комитетов;
- 2) взаимоотношения с иностранными правительствами;
- 3) деятельность комитетов, распадающаяся на:
 - а) пропаганду делу помощи;
 - б) организацию денежных сборов⁴.

Срок съезда все время переносился. К середине сентября некоторые комитеты отказались от участия в нем. Парижские Земгор и Объединенный комитет — из-за отсутствия единства у парижских эмигрантских комитетов помощи голодающим и

¹ Там же, л. 7–8.

² Там же, л. 8–9.

³ Там же, д. 13, л. 77.

⁴ ГАРФ. Ф. 7004, оп. 1, д. 1, л. 70.

из-за несвоевременности¹. Лондонский комитет аргументировал свой отказ рядом причин: «1. Чрезвычайная сложность положения в деле помощи голодающим, созданная роспуском Всероссийского Комитета и взаимоотношениями Международной Комиссии при Верховном Совете и органами советской власти не дает надежды придти к каким-либо практически ценным выводам на таковом съезде. Мы полагаем, что возможно даже опасаться появления на съезде различных точек зрения, неприемлемых между собою, что поведет к дальнейшему ослаблению и той скромной работы, которую делают Комитеты теперь. 2. Между тем Съезд, при проектируемой Вами посылке двух делегатов в Прагу, потребовал бы значительной затраты времени, а также средств, которыми наш Комитет не располагает, и расходовать которые в начале своей деятельности на участи в съезде находил бы не целесообразным. 3. Нам крайне трудно было бы, помимо всего указанного, поручить выражать точку зрения нашего Комитета каким-либо двум его представителям не зная опять определенно конкретных вопросов, которые будут поставлены ему, ибо наш комитет в своем составе объединяет все группы не связанные с советской властью и по сему по отдельным вопросам в его среде возможно значительное разномыслие»². То есть в целом, Лондонский комитет был не против созыва съезда в будущем, в настоящем же, считал его не своевременным.

К концу октября 1921 г. тема общего собрания постепенно исчезает из переписки комитетов. К ноябрю 1921 г. стало понятно, что эти попытки созыва съезда тщетны и он уже никогда состоится.

¹ Там же, л. 71.

² ГАРФ. Ф. 5977, оп. 1, д. 11, л. 179–180.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В данной работе мы рассмотрели отношение эмиграции к голоду 1921 г. в РСФСР. Это лишь один небольшой сюжет в ряду большой неисследованной темы восприятия русским зарубежьем Советской России, которая вскоре будет вынесена нами на защиту в качестве диссертации на соискание степени доктора наук. Думается, что тема эта незаслуженно обойдена исследователями, изучающими как собственно эмиграцию, так и историю России того периода.

Создание и деятельность Комитетов помощи, общая работа эмиграции, направленная на поддержку голодающих, являются показателями нового уровня и этапа социальной адаптации русских за границей. Эти процессы свидетельствуют о том, что русское зарубежье, не смотря на неприязненное отношение к Советской власти, научилось разделять власть и народ, и осознало, что в тот момент была важна не борьба с ними, а всесторонняя помощь. Они еще раз подчеркивают неразрывность культурно-исторических, духовных, личных связей эмиграции с Родиной.

Однако можно отметить и то, что многие вопросы, связанные с делом помощи вызывали в русском зарубежье дискуссии. Начнем с того, что мнения эмигрантов разошлись непосредственно по вопросу оказания помощи как таковой: помогать — не помогать — помогать при определенных условиях и гарантиях. Высказывались различные суждения и по вопросу о том, какой именно должна быть помощь, каковы должны быть условия и гарантии, через какие иностранные организации действовать, как относиться к участию международных благотворительных организаций. Следующий момент, вызвавший дискуссии связан с деятельностью Всероссийского Комитета помощи голодающим, а вернее с возможностью сотрудничества с ним. Хотя реакция на его роспуск в эмиграции была однозначно негативная. Как мы увидели, по мере развития событий, точка зрения отдельных партий, людей могла изменяться.

Разрозненность, нескоординированность действий показывают, что даже, в благотворительном деле помощи эмигранты не смогли объединиться. Это является наглядным доказательством того, что все попытки создания единых всеэмигрантских организаций, выработки общеэмигрантских проектов и т.д. были тем более заранее обречены на провал, поскольку если дело помощи декларировалось изначально как аполитичное, то в объединении эмиграции в целом, безусловно, присутствовали политические цели и установки.

Деятельность эмиграции в деле помощи голодающим была весьма ощутима. Не смотря на разрозненность и противоречия, выявившиеся в ходе кампании по оказанию помощи, тем не менее, она имела важное значение не только для голодающих, но и для эмиграции. Она дала ей возможность почувствовать себя сопричастной к жизни в России, отчасти подняла самооценку эмиграции.

Голод для эмиграции имел и еще одно негативное последствие. Этот вопрос, «стал модным», как писал Маклаков¹, поэтому правительства, Лига наций и американский Красный крест сократили помощь беженцам, переадресовав эти средства голодающим.

Опыт, приобретенный в начале 1920-х гг. помог эмиграции оценить аналогичную ситуацию, возникшую в Советской России через несколько лет — в 1924 г. и уже тогда с высоты прожитых лет проанализировать не только ее, но и голод 1921 г. В частности, газета «Русь» писала, что работу иностранцев по спасению населения в 1921 г. советская власть приписала, себе². Одной из немногочисленных организаций, проявивших хоть какую-то реакцию на голод 1924 года был Совет Съезда горнопромышленников Юга России. По его инициативе 16 июня 1924 г. была принята резолюция по вопросу о вывозе большевиками зерна из России. В ней говорилось, что это делается для того, чтобы поддержать торговый баланс, несмотря на голод. Документ напоминал о голоде 1921 г. и о помощи эмиграции в тот период, которую согласно резолюции

¹ «Совершенно лично и доверительно!» Т. 2. С. 85.

² Русь. 1924. 6 июля. № 383.

большевики использовали в своих интересах: экономический и политических. Но не только в общем направлении советской политики эмигранты видели причины голода. Как полагали идеологи Российского торгово-промышленного и финансового союз, политикой вывоза в 1923 году за границу всех хлебных остатков советская власть вправила баланс внешней торговли и спасла от крушения червонную валюту, но подготовила новый голод. По их подсчетам, в СССР в этот период неурожай составил 60% посевных площадей¹. Своим отношением к международным организациям помощи голодающим и сообщениями о процветании в СССР, советская власть сама лишала русский народ международной поддержки. Промышленники призывали не поддерживать СССР. Эта резолюция была отпечатана и разослана правительствам европейских стран. Французскому сенатору Монзи, лидеру движения в пользу соглашения с СССР, были переданы все материалы о правовой и финансовой ситуации в СССР, о положении концессий. Одновременно на французском языке был издан меморандум для широкого распространения среди зарубежной общественности о новом голоде в России «La nouvelle famine menace la Russie»². Надо сказать, что в отличие от 1921–1922 гг. на голоде 1924–1925 гг. эмиграция мало акцентировала внимание, другое дело в 1930-х гг., когда вновь эмиграцией стали создаваться организации помощи голодающим в СССР, хотя это движение уже не имело такого размаха и масштабов, что, видимо было связано, прежде всего, с постепенным разрывом связи с Родиной и изменением отношения к ситуации в целом.

¹ Серегина Д. М. Российская торгово-промышленная эмиграция во Франции в 1920-1939 гг. Дисс. к.и.н. М., 2005. С. 46-47.

² Там же. С. 47.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

Литература:

Барихновский Г. Ф. Идеино-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1921–1924 гг.). Л., 1978. 160 с.

Белов В. Белая печать, ее идеология, роль, значение и деятельность (материалы для будущего историка). Ревель, 1922. 126 с.

Беляева А. В. Голод 1921 года в России и русские эмигранты во Франции // Россия и Франция XVIII–XX века / Ин-т всеобщей истории. Вып. 6. М.: Наука, 2005. С. 197–207.

Бобрищев-Пушкин А. Патриоты без отечества. М.: Кубуч, 1925. 140 с.

Горбунов М. Торгово-промышленная эмиграция и ее идеология // На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией: Сб. статей. М., 1923. С. 105–124.

Говердовская Л. Ф. Общественно-политическая и культурная деятельность русской эмиграции в Китае 1917–1931. М.: ИДВ РАН, 2004. 186 с.

Иванов В. П. Проблема реэмиграции в СССР в 1920–1945 гг. // Русская эмиграция в Европе (20–30-е гг. XX в.). М.: ИВИ РАН, 1996. С. 77–107.

Иванов В. П. Российская эмиграция на Дальнем Востоке в 1920–1945 гг.: Формирование, деятельность, институциональные основы. Автореф. дис. к. и. н. М., 2003. 24 с.

Ипполитов С. С. Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс. М.: Изд-во Ипполитова, 2004. 376 с.

Ипполитов С. С., Недбаевский В. Н., Руденцов Ю. И. Три столицы изгнания. Константинополь, Берлин, Париж. Центр зарубежной России в 1920–1930-х гг. М.: РГУ, 1999. 206 с.

Каракулов Д. В. Голод 1921 года в России: историографический анализ проблемы // MMJ (MultiMedia Journal). 2004. 30 сентября.

Киржниц А. У порога Китая. М.: Красная новь, 1924. 69 с.

Ковалевский Е. Русский Париж полвека тому назад // Возрождение. 1970. № 220. С. 119–120.

Козлитин В. Д. Русская и украинская эмиграция в Югославии (1919–1945 гг.) Харьков: Харьковский гос. ун-т, Г. С. Сковороды, «РА», 1996. 471 с.

Кононова М. Деятельность дипломатов царского и Временного правительств в эмиграции в 1917–1938 гг. // Международная жизнь. 2001. № 10.

Костиков В. В. Не будем проклинать изгнание... (Пути и судьбы русской эмиграции). М.: Международные отношения. 1990. 464 с.

Костиков В. Прожить проклятый год... // Совершенно секретно. 1990. № 6.

Кристан А. М. Голод 1921 года в Поволжье: опыт современного изучения проблемы / Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1997.

Кудрякова Е. Б. Российская эмиграция в Великобритании в период между двумя войнами. М.: ИНИОН РАН, 1995. 219 с.

Латыпов Р. Помощь АРА Советской России в период «великого голода» 1921–1923 гг. // Relga: научно-культурологический журнал. 2006. № 1(23). (URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=864&level1=mai>)

Лысенко А. Голос изгнания: Становление газет русского Берлина и их эволюция в 1919–1922 гг. М.: Русская книга, 2000. 368 с.

Между Россией и Сталиным: Российская эмиграция и Вторая мировая война. М.: РГГУ, 2004. 346 с.

Мелихов Г. В. Белый Харбин: Середина 20-х. М.: Русский путь, 2003. 440 с.

Он же. Маньчжурия далекая и близкая. М., 1991.

Он же. Российская эмиграция в Китае (1917–1924). М., 1997.

Он же. Помощь российской эмиграции в Китае голодающим в Советской России. 1921–1923 гг. // Россия – XXI. 1996. № 11/12 С. 138–158.

Он же. Деятельность Б. В. Остроумова на КВЖД (1921–февраль 1922) // Культурное наследие российской эмиграции. 1917–1940. Кн.1. М., 1994. С. 153–160.

Мельник С. На почве голода // Relga. 2005. № 1. (URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=308&level1=main&level2=articles>)

Население России в XX веке. М., 2000. Т. 1.

Плаксин Р. Ф. Крах церковной контрреволюции. 1917–1923 гг. М.: «Наука», 1968.

Поляков В. А. Поволжский голод начала 1920-х гг.: к историографии проблемы // Новый исторический вестник. 2005. № 1(12).

Русская православная церковь за границей. 1918–1968 гг. / Под ред. А. А. Соллогуба. Т. 1. Н. У.: Изд-во Русской Духовной миссии в Иерусалиме Русской Православной Церкви за границей. 1968. Ст. 34.

Савицкий И. П. Прага и зарубежная Россия (очерки по истории русской эмиграции (1918–1938)). Прага, 2002. 151 с.

Серегина Д. М. Российская торгово-промышленная эмиграция во Франции в 1920–1939 гг. Дисс. к. и. н. М., 2005.

Суомелла Ю. Зарубежная Россия. Идеино-политические взгляды эмиграции на страницах русской европейской прессы в 1918–1940 гг. СПб.: 2004. 352 с.

Тополянский В. Год 1921-й: покарание голодом // Континент. 2006. № 130.

Он же. Правда о голоде 1921–1922 годов. // Новая газета. 2008. 21 ноября. № 45.

Трифонов И. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы НЭПа (1921–1937). М., 1960.

Урядова А. В. Голод 1921 года и русская эмиграция в славянских странах // Славяноведение. 2009. № 1. С. 3–13.

Она же. Помощь дальневосточной эмиграции голодающим в России в 1921–1923 гг. // Вестник Дальневосточного отделения РАН. 2008. № 5. С. 107–111.

Шлёгель К. Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918–1945)/ Пер. с немецкого Л. Лисюткиной. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 632 с.

Источники¹

- ГАРФ. Ф.5680. оп. 1, д. 23.
ГАРФ. Ф.5760, оп. 1, д. 56.
ГАРФ. Ф. 5877, оп.1, д. 1, 8, 32, 34, 36, 37.
ГАРФ. Ф. 5893, оп.1, д. 62, 68.
ГАРФ. Ф. 5920, оп.1, д. 1, 10
ГАРФ. Ф. 5977, оп. 1, д. 3, 5, 7, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 24, 25.
ГАРФ. Ф. 6057, оп.1, д. 3, 4, 7
ГАРФ. Ф. 6096, оп. 1, д. 1, 3, 4, 18.
ГАРФ. Ф. 6215. оп.1, д. 12.
ГАРФ. Ф. 6790, оп. 1, д. 1, 6, 18.
ГАРФ. Ф. 6845, оп. 1, д. 2, 3, 345.
ГАРФ. Ф. 7004, оп. 1. д. 1.
ГАРФ. Ф.7067, оп. 1, д. 510.
ГАРФ. Ф. 9110, оп. 1, д. 1, 3, 4.
ГАРФ. Ф. 9145, оп. 1, д. 136, 473.
РЗ. Ф. 7, оп. 1, ед. хр. 2.
Beyssac L. La vie culturelle de l'emigration russe en France. Chronique (1920–1930). Faculté des lettres de l'Université de Clermont. Presses Universitaire de France. Paris, 1972. 340 p;
Bulletin of the Russian Information Bureau in U. S. 1921. № 44;
La Famine en Russie. Paris, 1921. 8 p
Le pouvoir Soviétique et la Famine en Russie. Paris, 1922;
Société d'étude belgo-russe. Office de documentation et d'information sur la Russie et les pays limitrophes. Bulletin № 78 – 13 août 1921.
Александров. Большевики, поднявшие меч от меча и погибнут. Париж (Исторический анализ положения советской власти в 1917–1925 гг. и перспектива будущего). 1926. С. 128–132.
Архив А. М. Горького. М., 2001. Т. XVI.
«Большевизм есть несчастье, но несчастье заслуженное» (Переписка В. А. Маклакова и А. А. Кизеветтера) // Источник 1996. № 2.
Большевики и крестьянство. Прага: Издание партии социалистов-революционеров, 1921. 24 с.
Бюллетень Исполнительной комиссии Совещания Членов Учредительного Собрания. Париж, 1921. № 1 (1 Ноября). 43 с.
Бюллетень Объединенного Комитета Российского Общества Красного Креста, Всероссийского Земского Союза и Всероссийского Союза Городов в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев. Белград. Август 1921.
Воронович Н. Голод и сельскохозяйственный кризис // Воля России. 1924. № 14–15 (сентябрь) С. 137–145.
В русском Красном Кресте // Руль. 1921. 16 августа. № 226.

¹ Из эмигрантской прессы, в список вошли только имеющие заголовок.

В Русском общественном комитете помощи голодающих // Руль. 1921. 27 ноября. № 313.

В студенческом обществе помощи голодающим. // Руль. 1922. 11 ноября.

Выписка из протоколов заседания заграничной делегации ПСР от 26 декабря 1921 г. – 8 января 1922 г. // Революционная Россия. 1922. № 16–18.

Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ. 1921–1923. М., 2005. С. 53–56.

Геллер М. «Первое предостережение – удар хлыстом // Вопросы философии. 1990. № 9. С. 37–66.

Годовой отчет Российского Общественного Комитета во Франции Помощи Голодающим в России. 15 августа 1921 г. – 15 августа 1922 г. Париж, [1922]. 23 с.

Голод в Советской России // Возрождение. 1921. 31 октября.

Голод 1921–1922. Сборник. Издание Представительства Российского Общества Красного Креста в Америке. Н. У. 1922. 160 с.;

Голод [Приложение к кн. 8–9 «Русской мысли»]. София: Придворная типография. 1921. 40 с.

Горький М. Неизданная переписка... М., 2000. Вып. 5.

Гуров П. Я. Девятый Всероссийский съезд Советов и крестьянство. М., 1922. С. 13–14.

IX Всероссийский съезд Советов: стенографический отчет. М., 1922.

Доклад Наркомзема на IX Всероссийском съезде Советов. Тверь, 1922.

Документы внешней политики СССР. Т. IV. М.: Госполитиздат, 1960.

Емельянов И. В. Помощь России – помощь Европе. Прага: Международное аграрное бюро. Прага, 1921. 4 с.

Exsul Viator. Голод. // Руль. 1921. 29 января. № 61.

Живое дело // Варшавский голос. 1921. 24 августа.

Иванович Ст. Пять лет большевизма. Начало и концы. Берлин: «Заря», 1922.

Историческая наука российской эмиграции 20-30-х гг. XX века (Хроника) / Сост. С. А. Александров. М.: «АИРО– XX», 1998. 312 с.

Итоги борьбы с голодом в 1921–1922 гг. Сб. статей и отчетов. М., 1922.

Итоги борьбы с голодом. М., 1923.

Калинин М. И. За эти годы. Л., 1926. Кн. 1.

Керенский А. Издалека. Сб.ст. (1920–1921 гг.) Париж. Русское книжное издательство Я. Поволоцкого и К°, 1922. С. 3–7.

Комитет помощи голодающим // Воля России. 1921. 23 августа.

Корсаков И. Голод в Советской России и его причины. Юрьев: Издательство автора, 1922. 47 с.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44, 53.

Ликвидация ВСЕРПОМГОЛа: письма Е. Д. Кусковой и В. Н. Фигнер. 1921–1922 / Публ. Я. В. Леонтьева // Русское прошлое. СПб., 1993. Вып. 4. С. 330–342.

Линский Д. О. Борьба с голодом // Голод [Приложение к кн. 8–9 «Русской мысли»]. София: Придворная типография. 1921. С. 30–31.

Лодыженский Ю. И. Помощь голодающим в России // Ю. И. Лодыженский. От Красного Креста к борьбе с коммунистическим Интернационалом / Ю. И. Лодыженский. М.: Айрис-пресс, 2007. С. 224–228.

Маслов С. С. Россия после 4-х лет революции (Население. Промышленность. Транспорт. Сельское хозяйство. Государственная власть. Образование. Духовные запросы. Печать.) Париж: «Русская печать», 1922. Т. 1.

Надзор за эмиграцией // Руль. 1921. 13 ноября. № 302.

О настроениях молодежи // Студенческие годы. Прага. 1925. № 1.

Помощь голодающей интеллигенции // Руль. 1922. 16 июня. № 479.

Помощь голодающим // Руль. 1921. 24 июля. № 207.

Политика казней // Воля России. 1921. 21 сентября.

Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг.: Документы и материалы: Учебн. пособие / Под ред. А. Ф. Киселева. М.: 1999. 776 с.

Предательство, но с чьей стороны? // Варшавский голос. 1921. 19 августа.

«Просим освободить из тюремного заключения» (письма в защиту репрессированных). М., 1998.

Русская военная эмиграция 1920–1940-х гг. Документы и материалы. Русская военная эмиграция 1920–1940-х гг. Документы и материалы. Т. 1. Так начиналось изгнание. Кн. 1. Исход. М.: «Гея».

Русский голод и борьба с большевизмом // Общее дело. 1921. 2 сентября.

Русские комитеты помощи за границей // Воля России. 1921. 14 августа.

Русские студенты в Чехословакии // Студенческие годы. Прага. 1922. № 1/2.

Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни. М-Париж. 1993–1997. Т. 1–4.

«Совершенно лично и доверительно!» Б. А. Бахметьев – В. А. Маклаков. Переписка 1919–951 гг. М., 2001. Т. 1–2.

Столь успешное втирание очков всему свету (документы о Помголе) // Источник. 1995. № 3. С. 53.

Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в чехословацкой республике / Под ред. Л. Белошевской. Praha: Slovansky ústav., 2000.

Чему свидетели мы были... Сб. док. В 2-х кн. М.: «Гея», 1998. Т. 2.

Экономическая программа КВЖД // Экономический вестник Маньчжурии. 1923. 11 февраля. № 3.

Южин В. Константинополь и помощь голодающим (письмо из Константинополя) // Руль. 1921. 16 августа. № 226.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава 1. Голод 1921 г. и отношение к нему русского зарубежья	33
Глава 2. Эмигрантские комитеты помощи голодающим в России	63
Глава 3. Всероссийский комитет помощи голодающим и русское зарубежье. Попытки эмигрантских Комитетов скоординировать свою деятельность	137
Послесловие	160
Список источников и литературы.	163

Анна Урядова

Голод 1920-х гг. в России
и Русское зарубежье

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*

Дизайн обложки *И. Н. Граве*

Корректор *Л. И. Семёнова*

Оригинал-макет *Л. Г. Иванова*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г. Издательство «Алетейя», 192171,
Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53. Тел./факс: (812) 560-89-47.

Email: office@aletheia.spb.ru (*отдел реализации*)

aletheia@peterstar.ru (*редакция*)

www.aletheia.spb.ru

Подписано в печать 29.09.2009. Формат 84x108¹/₃₂

Усл. печ. л. 5,25. Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ № 7.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ООО "ИПК Бионт"
г. Санкт-Петербург, Средний пр., дом 86, тел.: (812) 322-68-43